

Beloved
BRIDE

the bridal trilogy
book three

M. JAMES

Достаточно ли почти потерять все, чтобы мужчина изменился?
Мой муж вот-вот потеряет все, что он с таким трудом сохранил.
Свою империю. Свою дочь. Меня.

Я не могу любить мужчину, который делает то, что делает Виктор. Я не могу принадлежать ему, не так, как я хочу. Не имеет значения, что он пробудил во мне, или как сильно я жажду его и как сильно мое сердце хочет его. Или, по крайней мере, это то, что я говорю себе.

Но опасность, которую Виктор представляет для моего сердца, это не все, с чем мы сталкиваемся. Алексей приближается: за мной, Софией, Анной, чтобы уничтожить мужчин из трех семей и забрать все себе. Если он заберет меня, я знаю, что Виктор не успокоится, пока не спасет меня...но больше всего на свете я хочу, чтобы Виктор спас себя. Я хочу, чтобы он стал мужчиной, которым, я знаю, он может быть, чтобы я могла стать для него всем, чем я хочу быть.

Его любовью. Его женой.

Перевод осуществлён TG каналом [themeofbooks](https://t.me/themeofbooks) — t.me/themeofbooks

Переводчик_Sinelnikova

1

КАТЕРИНА

С минуту я слышу только крики.

Аника. Аника. Аника.

Ее имя повторяется снова и снова в моей голове, когда я бросаюсь на ковер рядом с Виктором, хватая крошечную ручку, протянутую на окровавленном ковре. В этот момент я забываю о Викторе, нашем споре, разговоре, который у нас только что был, обо всем, что произошло в саду. Мир сужается до маленького неподвижного тельца передо мной, ее кожа восково-бледная, глаза закрыты, на щеках бахромы ресниц.

Виктор уже тянется к ней, подхватывая ее на руки. Лука тянется, кладет руку ему на плечо, пытаясь остановить, но Виктор отбрасывает ее.

— Виктор...возможно, было бы нехорошо перемещать ее...

— Убирайся с моего пути! — Рычит он, поднимаясь на ноги с дочерью, заключенной в объятия. — Позовите гребаного доктора, — добавляет он, ни к кому конкретно не обращаясь, и я вижу, что Левин уже в движении, тянется за своим телефоном. Я задаюсь вопросом, не должна ли я сделать это сама, но Виктор уже направляется к лестнице, а я хочу быть тоже с Аникой. Я не хочу выпускать ее из виду ни на мгновение. И я также хочу быть со своим мужем прямо сейчас. Все остальное отходит на задний план перед ужасной возможностью того, что мы можем потерять Анику.

Мы не потеряем ее. Этого не может случиться. Я этого не допущу.

Я думаю об этом снова и снова, следуя за Виктором наверх, как будто я действительно могу что-то с этим сделать.

— Где Елена? — Спрашиваю я, затаив дыхание, когда мы достигаем коридора, и он поворачивается, чтобы идти к комнате Аники.

— Она была в игровой комнате, когда началась стрельба, — коротко говорит он. — Часть нашей охраны находится там, обеспечивая ее безопасность.

— Должна ли я проверить, как она...

— Делай, что хочешь. — Его голос прерывистый, все его внимание сосредоточено на ребенке у него на руках. — Я остаюсь с Аникой.

Я следую за ним в спальню, наблюдая, как он укладывает ее на одну сторону кровати. Из-за большой кровати в ее комнате она выглядит маленькой в ее нынешнем состоянии, ее светлые волосы спутались вокруг лица, кровь на рубашке, как уродливое, ужасающее пятно. Невозможно сказать, ее ли кровь, или может кого-то другого.

Я прижимаю одну руку к груди, когда подхожу ближе, желая, чтобы все замедлилось, чтобы моя паника отступила, чтобы я могла думать. Чтобы я могла быть рядом с Виктором, который бледен как смерть, стоит на коленях рядом с кроватью и тянется к руке своей дочери. Ее ручка в его руке очень маленькая, безвольно повисла, и я с трудом сглатываю, сдерживая слезы. Слезы сейчас ничему не помогут. Честно говоря, я, вероятно, могла бы принести больше пользы, присмотрев за Еленой или спустившись вниз, чтобы помочь Софии и Ане. Но я не могу оторваться от этого места.

Раздается резкий стук в дверь, и Левин входит.

— Врач уже в пути, — отрывисто говорит он. — Я сказал ему, что первоочередная задача Аника.

— Отправь его наверх, как только он приедет. — Виктор протягивает руку, касаясь живота маленькой девочки. — У нее все еще идет кровь. Катерина, принеси что-нибудь...

В спешке я почти протискиваюсь мимо Левина, ища первую попавшуюся ванную или гардеробную. В нескольких шагах от меня есть бельевой шкаф, и я хватаю горсть мочалок, спешу обратно в комнату и вручаю одну Виктору. Он качает головой, все еще сжимая руку Аники.

— Ты сделаешь это, — твердо говорит он. — Рана у нее в животе. Держи ткань там. Я не могу...

Он замолкает, но я знаю, чего он недоговаривает. Он не хочет отпускать ее руку, потому что не уверен, что у нее получится выкарабкаться. Я тоже не уверена... может ли такой маленький ребенок, как Аника, выжить после такой раны? Она все еще дышит, но неглубоко, ее кожа восковая и бледная. Я прижимаю ткань к ее животу, чувствуя новый приступ тошноты при виде крови, расплывающейся по ткани, но не отпускаю. Я никогда не была особенно хороша в такого рода вещах, что, я полагаю, является недостатком, будучи в мафиозной семье и будучи замужем за лидером Братвы. Кровь и насилие — часть нашей жизни. Особенно в последнее время становится все более и более ясно, что быть брезгливой, это не то, что я могу себе позволить.

— Где, черт возьми, этот гребаный доктор? — Виктор рычит себе под нос, его губы плотно сжаты. — Если она умрет, потому что он опоздал...

— Он будет так быстро, как только сможет, я уверена в этом, — тихо говорю я. — Она будет жить, Виктор. Она должна...

— Ты этого не знаешь. — Затем он поднимает на меня взгляд, и я вижу неприкрытую боль в его глазах. Я не уверена, что когда-либо видела от него такой уровень эмоций без того, чтобы что-то не сдерживало их, скрывая от меня истинную глубину. Теперь я, конечно, знаю почему... почему он хотел, чтобы жена трахалась и родила ему наследника, и ничего больше. В этом разговоре есть еще кое-что, что, я знаю, нам тоже нужно обсудить... но не сейчас.

— Она боец, — мягко говорю я, убирая окровавленную ткань с ее живота и заменяя ее

чистой. На этот раз окрашивание происходит медленнее, что, я надеюсь, является хорошим знаком, а не признаком того, что мы ее теряем. — Это Аника, Виктор. Она чертовски упряма, ты это знаешь. Она не собирается уходить в таком виде.

Виктор смеется над этим, поразительный звук срывается с его рта, как будто он этого и сам не ожидал.

— Ты права, — ворчит он, потирая большим пальцем хрупкие, бледные костяшки Аники. — Из них двоих она — наш маленький боец. Она так легко не сдастся.

Я бросаю на него испуганный взгляд, задаваясь вопросом, понял ли он, что только что сказал. *Наш маленький боец*. Что-то теплое и мягкое расцветает у меня в груди, потому что, когда я думаю о причинах остаться с Виктором, помимо обязательств и моего собственного нежелательного желания, я думаю о его дочерях. Об Анике и Елене, которым нужна мать, кто-то, кто может научить их думать самостоятельно, видеть за пределами мира, в котором они вырастут. Кто-то, кто может сделать для них лучше, чем сделала моя собственная мать. Я знаю, что Виктор женился на мне, чтобы я была им мачехой, но то, что он так сказал, называя Анику нашей, кое-что значит для меня.

Почему он просто не может заниматься чем-то другим? Мое сердце сжимается в груди, когда я смотрю на своего красивого мужа, который держит за руку свою дочь, его лицо напряжено, его глаза умоляют ее бороться и выжить. Я знаю, что, если Аника умрет, его потеря будет неисчислима. Я не могу понять, почему он не может прикинуть это к женщинам, которые проходят через его склад, почему он не может подумать о родителях, которые теряют своих детей. Я поговорю с ним об этом снова, думаю я про себя, нервно поглядывая на дверь, пока мы ждем доктора. Может быть, это заставит его взглянуть на вещи по-другому. Может быть, есть какой-то способ убедить его.

Я старалась не думать о том, как все могло бы быть, потому что это кажется верным путем к разочарованию и страданию. София научилась жить с положением и обязательствами своего мужа, закрывать глаза на то, с чем она могла не соглашаться, и существовать в мире, который она, возможно, не выбирала для себя. Мне должно быть легче, потому что я была рождена для этого, воспитана для этого. Я родилась в мире жестоких мужчин, которые творили злые вещи, и я всегда знала, что мне придется закрывать глаза на то, что делает мой муж. Так почему же с Виктором так сложно? Это потому, что то, что он делает, сильно отличается от перевозки оружия или продажи наркотиков? Это потому, что я не могу перестать видеть лица его дочерей каждый раз, когда смотрю на Сашу? Это потому, что я женщина, заботящаяся о его девочках, которая не может понять, как то, что он делает, вообще имеет какую-либо моральную ценность, несмотря на его аргументы? Или это просто потому, что я хочу его, потому что мои чувства к нему больше, чем просто обязательства, неважно, как сильно я хочу притворяться иначе, и я не могу оправдать это перед собой, пока он не изменится?

Ход моих мыслей резко прерывается открывающейся дверью, когда входит доктор, его лицо мгновенно напрягается при виде Аники на кровати. Я уверена, что он должен знать, что Виктор не воспримет смерть своей дочери легкомысленно, и этот человек, должно быть, дрожит на своем месте, зная, что ответственность за спасение Аники лежит на нем.

— Что случилось? — Быстро спрашивает он, осматривая сцену перед ним: неподвижное тело Аники, ее рука в руке Виктора, ткань, которую я прижимаю к ее животу.

— Было нападение. — Тон Виктора натянутый и ломкий. — Перестрелка. Анику поймали где-то в середине этого. Я не уверен, какие именно у нее травмы...

— Извините. — Доктор отталкивает меня в сторону, оставляя с окровавленной тряпкой в руках и моим сердцем, снова учащенно бьющимся, моя тревога возрастает при взгляде на его лицо. — Здоровому взрослому человеку было бы трудно выжить, — кратко говорит он, глядя на Виктора. — Для ребенка ее возраста...

— Она не может умереть, — резко говорит Виктор. — Я полагаюсь на тебя, чтобы...

— Я сделаю все, что в моих силах, Пахан, — говорит доктор, почтительно склоняя голову. Я на мгновение поражаюсь адресу, но после недолгого раздумья понимаю, что в нем есть смысл. Конечно, здесь, рядом с его конспиративной квартирой, в России, у Виктора есть врач, который предан ему и осознает его положение. Неудивительно, что мужчину практически трясло, когда он вошел. Он достаточно хорошо знает, кто такой Виктор и его репутацию.

— Она маленький ребенок, — продолжает доктор своим спокойным голосом с сильным акцентом. — Я не волшебник. Но если ее можно спасти, уверяю вас, что я...

— Делай все, что должен, — резко говорит Виктор.

— Я так и сделаю, но сейчас мне нужно, чтобы вы оба отошли, чтобы я мог заняться своей работой и осмотреть ее.

На мгновение мне кажется, что Виктор собирается отказаться. Его челюсть сжимается, и я вижу, как ему трудно отпустить руку Аники. Он осторожно опускает ее на кровать и поднимается на ноги. Я подхожу к той стороне, на которой он стоит, и наполовину ожидаю, что он оттолкнет меня или проигнорирует. Все его внимание сосредоточено на маленькой девочке, лежащей на кровати, что неудивительно. Но каково же мое удивление, когда он протягивает руку, его широкая, грубая ладонь обхватывает мою, когда он крепко сжимает ее. Когда я поднимаю на него глаза, он все еще смотрит прямо на кровать, наблюдая за доктором, как ястреб, следящий за Аникой. Его лицо напряжено, он постарел на несколько лет за считанные минуты, хотя он все такой же холодный, безжалостно красивый, как всегда, но в этот момент мой жестокий муж не отталкивает меня, не наказывает и не отгораживается от меня. В этот момент я нужна ему, и хотя у меня есть так много причин отстраниться от него, закрыться и отойти в сторону, оставив его наедине с его беспокойством и горем, я этого не делаю. Я не могу найти в себе силы позволить ему страдать в одиночестве. В конце концов, по крайней мере, он заботился обо мне, когда я больше всего в нем нуждалась. Он помогал мне, кормил меня, купал меня, делал все, что мог, чтобы убедиться, что я выжила. И теперь, когда это не я лежу на кровати, страдающая и близкая к смерти, я знаю, что он нуждается во мне больше, чем когда-либо.

Сейчас я чувствую себя виноватой за свои подозрения, думая, что он стоял за моим похищением, еще больше чувствую себя дурой. Оглядываясь назад, думая обо всем, что он сказал мне в саду, это похоже на нелепую паранойю. Единственное, что удерживает меня от чувства полного стыда, это тот факт, что каждый мужчина в моей жизни до сих пор, включая Виктора, обращался со мной таким образом, чтобы заставлять меня думать, что такая ужасная вещь вообще возможна.

Наказания не помогли, мрачно думаю я. Даже сейчас я чувствую боль и одеревенение от последнего, которое он назначил, не говоря уже о том, что мы делали у того дерева в саду. Но даже в них я чувствую противоречие, потому что, как бы сильно я ни возмущалась тем, что мой муж “наказывает” меня, методы, которые он использует, заставляют меня чувствовать, что я таю изнутри, как будто какая-то глубинная, первобытная часть меня всегда нуждалась именно в этом. Как будто я этого хочу, заслуженно это или нет.

Доктор прочищает горло, вырывая меня из моих мыслей, и я чувствую, как Виктор напрягается рядом со мной.

— Ей понадобится операция по удалению пули, — говорит доктор. — У нас нет времени везти ее в ближайшую больницу, она не справится с поездкой. Мне придется найти способ создать здесь стерильную обстановку и попросить вашего человека послать за помощью. Пока она стабильна, но мне нужно будет прооперировать ее как можно скорее.

— Делай то, что нужно, — коротко говорит Виктор. — Левин позаботится о том, чтобы у тебя было все, что тебе нужно.

— Спасибо. — Доктор смотрит на меня. — Это твоя жена?

— Катерина Андреева, — говорит Виктор. — Моя жена и мачеха моей дочери.

— Ей понадобится тщательный уход, если она переживет операцию, — говорит доктор. — Твоя жена справится с этой задачей?

— Я стою прямо здесь, — четко говорю я, мое раздражение вот-вот достигнет предела. — Вы можете говорить непосредственно со мной.

Доктор смотрит на Виктора, как бы подтверждая это, и я вижу, как губы Виктора подергиваются с необычным намеком на юмор, особенно в данных обстоятельствах. Я забыла, что временами ему нравится моя дерзкая сторона.

Просто не всегда, когда это направлено на него.

— Ты слышал мою жену, — хладнокровно говорит Виктор.

— Простите, госпожа Андреева, — говорит доктор, слегка бледнея. — Что я хотел спросить, так это справитесь ли вы с этой задачей? Я знаю, что не все могут справиться с медицинскими...

— Со мной все будет в порядке, — твердо говорю я ему. — Аника и моя дочь, насколько я могу судить. Что бы ей ни понадобилось, я помогу.

— Очень хорошо. — Доктор, кажется, испытывает облегчение от того, что разговор не разгорелся так, как мог бы. — Пожалуйста, попросите вашего человека сделать приготовления как можно быстрее.

— Оставайся здесь, — говорит мне Виктор, все еще держа меня за руку. — Я поговорю с Левиным и сразу вернусь.

Он не сказал "пожалуйста", хотя я вряд ли ожидала этого от него. Тем не менее, это прозвучало скорее как просьба, чем приказ, самое близкое к этому, что я когда-либо слышала от него.

— Хорошо, — тихо говорю я. — Скорее возвращайся.

Виктор удивленно посмотрел на меня.

— Я скоро, — пообещал он. А затем, чудо из чудес, он подносит мою руку к своим губам, и нежно целует ее, прежде чем резко повернуться к двери, чтобы пойти и найти Левина. Я оглядываюсь на кровать и лежащую там маленькую девочку, ее поверхностное дыхание очень заметно.

Борись, Аника, тихо думаю я, обхватывая себя руками и наблюдая за ней, мое сердце колотится где-то в горле. Сражайся за всех нас детка.

2

ВИКТОР

Кажется, что проходят часы, прежде чем мы узнаем результат операции Аники. Появляется доктор, выглядящий изможденным, но без страха, которого я ожидал бы, если бы все прошло плохо.

— Она стабильна, — говорит он сперва Катерине, а затем мне. — Я не могу с уверенностью сказать, как все будет развиваться. Я даю ее антибиотики для борьбы с инфекцией. Все ее жизненно важные органы выглядят удивительно хорошо для такой травмы, но я не могу давать обещаний, да и не стал бы, Пахан. Ближайшие дни покажут нам, каким будет результат.

Я киваю, чувствуя себя более напряженным, чем когда-либо. Я чувствую, как гнев бурлит прямо под поверхностью, но моя более рациональная сторона напоминает мне, что нет причин вымещать его на этом человеке. Он сделал все, что мог, и я не могу этого отрицать. Он не несет ответственности за то, что случилось с моей дочерью.

Я намерен убедиться, что те, кто это сделал, заплатят своими жизнями.

— Давай пойдем отдохнем, Виктор, — мягко говорит Катерина, кладя руку мне на плечо. — Мы больше ничего не можем сделать, а тебе нужен отдых. Кто-нибудь придет за нами, если ночью что-нибудь изменится.

— Как бы тебе ни хотелось посидеть с ней, — соглашается доктор, — это неразумно. Тебе понадобятся твои собственные силы. Твоя жена права.

При этом на губах Катерины появляется слабая, подергивающаяся улыбка.

— Он может осмотреть остальных? — Тихо спрашивает она. — София неважно выглядела...

— Да. — Я бросаю взгляд на доктора. — Я был бы признателен, если бы ты осмотрел остальных. Жена Луки Романо беременна, и шок, возможно, был тяжелым для нее. Она должна иметь приоритет, но все здесь должны быть осмотрены на предмет их здоровья.

— Конечно.

Я медленно встаю, чувствуя, что Катерина держит меня за локоть. Она не убирает руку, пока мы идем к лестнице, я еле сдерживаюсь, чтобы не повернуться и не пойти в спальню Аники.

— Давай проверим ее разок, — говорю я, делая паузу. — Прежде чем мы разойдемся по комнатам.

— Хорошо. — Беспокойство в глазах Катерины очевидно. — Я думаю, нам обоим станет легче увидеть ее. Я надеюсь.

Кажется, что мало что изменилось, когда мы открываем дверь, чтобы заглянуть к ней. У ее постели сидит медсестра, следит за ее жизненными показателями и ждет, когда понадобится сменить жидкость. Сама Аника спокойно спит, переодетая в чистую пижаму, из-под одеяла виден край ее бинтов. Увидев нас в дверях, медсестра быстро поправляет одеяло, полностью укрывая ее.

— Она хорошо спит, — тихо говорит медсестра, в ее глазах мелькает нервозность, когда она смотрит на меня, и я киваю.

— Мы больше ничего не можем сделать, — тихо говорит Катерина, и я знаю, что она права. Сидение рядом с Аникой только изматывает меня, когда все, что мне нужно, это сохранять ясную голову в ближайшие дни, чтобы убедиться, что Алексей и его люди встретят кровавый конец своему внезапному мятежу. — Тебе нужен отдых, Виктор.

Я киваю, следуя за ней в наши апартаменты. Я чувствую, как усталость пробирает меня до костей, прилив адреналина, начавшийся с нашей встречи в саду, через перестрелку в доме, через всю операцию моей дочери, наконец, спадает, оставляя меня совершенно опустошенным. Трудно вспомнить, почему я был зол на нее или какая вражда была между нами. Прямо сейчас все, что я знаю, это то, что мне отчаянно нужна она, моя жена, моя

женщина, чтобы быть кем-то, на кого я мог бы опереться, и несмотря на то, что я знаю о ее опасениях насчет меня... насчет нас, она делает именно это.

Катерина открывает дверь в нашу комнату, и я вижу, что там уже горит огонь, спасибо горничным. Я опускаюсь в одно из кресел перед ним, расстегивая одну из верхних пуговиц своей рубашки. Позади себя я слышу шелест ее одежды, когда она начинает переодеваться, и я чувствую внезапный глубокий прилив желаний к ней, но не того, что я привык чувствовать.

Она часто заставляет меня чувствовать себя почти безумным из-за потребности обладать ею, жестоким в своей потребности, почти обезумевшим от желания заставить ее подчиниться мне, владеть ею, сделать ее моей таким образом, чтобы она никогда не могла думать о разлуке со мной. Я часто думаю, как я могу сделать ее физически моей настолько полностью, чтобы она никогда не смогла существовать отдельно от меня. Я чувствую голод, первобытность, но сегодня вечером это не то, что я чувствую. Сегодня вечером все, чего я хочу, это прижать ее к себе, раствориться в сладости ее тела, ощутить удовольствие, которое могло бы немного смыть горе, которое ноет в моих костях. Я хочу ненадолго забыться, отдохнуть от всего этого, почувствовать себя желанным ею. Почувствовать теплый комфорт другого человека рядом, хотя бы ненадолго. Достаточно для того, чтобы я потом заснул и, надеюсь, без сновидений.

— Иди сюда, — говорю я грубо, но надеюсь, что она слышит в моем голосе просьбу, а не приказ.

Я чувствую ее нерешительность даже со спины, где я сижу, но затем ее шаги приближаются, и я вижу, как она обходит кресло с подголовником, выражение ее лица настороженное. На ней нет ничего, кроме лифчика и пары трусиков лавандового цвета, которые облегают ее бедра, и я внезапно хочу ее с такой силой, что у меня пересыхает во рту и пелена перед глазами.

Она моя жена. Мне не нужен предлог, чтобы хотеть ее, и все же я чувствую, что пытаюсь оправдать это. Мне нужно ненадолго забыться. Мне нужно утешение. Мне нужна она...эта последняя мысль почти пугает своей интенсивностью, потому что с тех пор, как Катя умерла, я был полон решимости не нуждаться в другой женщине, по крайней мере, определенным образом, не выходящим за рамки обычных потребностей моего тела. Но что-то в особом сочетании силы и хрупкости Катерины вызывает у меня желание защищать и обладать ею всей одновременно, оберегать ее и одновременно подчинять.

Катерина переминается с ноги на ногу, глядя на меня сверху вниз, а затем внезапно, с резким вздохом, как будто она приняла решение о чем-то, опускается передо мной на колени.

— Это то, что тебе нужно? — Мягко спрашивает она, скользя руками вверх по моим бедрам. — Отвлекающий маневр?

Я киваю, потеряв дар речи от того, как быстро она поняла, о чем я думаю, в чем я нуждаюсь. Она хорошая жена, думаю я, когда ее руки скользят вверх по моим бедрам, а ее тело перемещается у меня между ног. Она могла бы стать лучше, если бы я был тем мужчиной, который ей нужен. Если бы я мог изменить то, что причиняет ей боль.

Другой женщине нужно было от меня то же самое. Ей нужны были перемены, чтобы я стал лучшим мужчиной, другим, а я не смог сделать этого для нее. Я не знаю, смогу ли я сделать это для Катерины. Я не знаю, смогу ли я быть больше, чем я был создан, больше, чем тем, кем меня обучали. Я не знаю, возможно ли это вообще. Но, глядя на женщину, стоящую на коленях между моими ногами, на ее красивое лицо, мягкое и открытое, когда ее темные

волосы рассыпаются по плечам, и она тянется к пряжке моего ремня, я задаюсь вопросом, есть ли какой-то другой выбор, кроме того, который, как я думал, я сделал безвозвратно.

Мог ли я стать лучше для нее? Я не смог этого сделать ради первой жены. Мысль о том, что я мог бы что-то изменить для Катерины, когда я не смог этого сделать для своей первой жены, которая умерла в результате моего пренебрежения, заставляет меня чувствовать волну вины, настолько глубокую и ошеломляющую, что я почти отталкиваю Катерину, мое желание ненадолго угасает, но ее руки на моей застежке, расстегивают молнию, и когда ее пальцы проскальзывают внутрь, чтобы коснуться моей обнаженной плоти, это с ревом возвращается.

Я никто иной, как мужчина, который может отложить в сторону свои моральные затруднения, мрачно думаю я, когда она обхватывает меня рукой, вытаскивает мой член и проводит рукой по всей его длине. Она выглядит такой красивой, ее спелые, сочные губы приоткрываются, когда она наклоняется вперед, чтобы провести языком по мне, скользя по всей длине к кончику, и в одно мгновение я полностью возбужден, мой член пульсирует в ее руках, когда она скользит губами по его головке.

— О Боже, Катерина... блядь, — ругаюсь я себе под нос, когда она берет в рот еще немного, ее мягкие волосы рассыпаются по моим бедрам, когда ее теплый, влажный рот посасывает всю мою длину, скользя вниз дюйм за дюймом, пока ее язык сплетается вокруг него, а голова покачивается. Ее язык касается кончика, а затем она скользит дальше, вбирая меня в свое горло, проходя весь путь вниз, мышцы ее горла приятно сжимаются вокруг моего члена, и я хватаюсь за подлокотники кресла.

— Черт, это так приятно, — бормочу я, когда она скользит вверх и снова опускается, но я хочу большего. Я не хочу бесчувственного минета, однако, возбуждающе видеть, как моя прекрасная жена по собственной воле становится передо мной на колени перед камином, а я откидываюсь назад и наблюдаю, как мой член скользит между ее губ. Я хочу большего, мягкости ее тела, ее тепла, комфорта ее объятий. Эта женщина, несмотря на все наши конфликты и трудности, связана со мной и моей жизнью, я нуждаюсь в ней и во всем, что она может мне дать.

Я тянусь к ней, снимаю ее со своего члена, и встаю, видя удивление на лице Катерины, когда поворачиваю ее к кровати.

— Иди ложись, — говорю я ей, но опять же, в моем голосе нет ни жестокости, ни намек на приказ. Возможно, именно поэтому она идет без колебаний, вид ее задницы в туго натянутом на нее лавандовом материале возбуждает меня еще больше. Я вижу намеки на рубцы, оставшиеся от ее последней порки, и мой член пульсирует при виде этого, вспоминая удовольствие наказывать ее, слышать, как она умоляет меня, несмотря на полученную порку.

Но это не то, чего я хочу от нее сегодня вечером. Я следую за ней к кровати, раздеваясь по пути. Я тяжело сглатываю от желания, когда вижу, как Катерина спускает трусики с бедер, одна рука поднимается, чтобы расстегнуть лифчик, и она отбрасывает его в сторону. Она поворачивается ко мне лицом, стройная и обнаженная, и я вижу проблеск беспокойства в ее глазах. Ее раны начинают заживать, показывая, где они оставят шрамы, и я знаю, она боится, что я не захочу ее, что я больше не буду желать ее, когда ее бледная плоть покроется шрамами.

Я знаю, что мне будет все равно. Во всяком случае, шрамы на ее теле напоминают мне о ее силе, о том, что она пережила то, под тяжестью чего, как я знал, взрослые мужчины становились калеками, что она сопротивлялась и отказывалась умирать. От этого она

кажется мне еще красивее, даже если я все еще злюсь на нее за попытку бегства. По крайней мере, теперь я понимаю, почему она это сделала, даже если я не могу понять, как она могла вообразить, что я сделаю что-то настолько ужасное. Я мог бы понять страх, который заставил бы ее попытаться сбежать. Все, на что я могу надеяться, это на то, что у нас есть способ преодолеть это, что недопонимание между нами, секреты и ложь, а также способы, которыми мы оба многое скрывали друг от друга, не помешают нам вообще иметь какой-либо брак. Я больше не знаю, чего я хочу от Катерины, мои собственные чувства такие же запутанные, как и ее, и я с трудом могу разобраться в них, пока моя дочь внизу цепляется за жизнь.

Что я точно знаю, так это то, что прямо сейчас, сегодня вечером, она, это все, чего я хочу. Она то, что мне нужно, она единственная, о чем я могу думать, что может дать мне комфорт, которого я жажду. Поэтому, когда она скользит обнаженная на кровать, я следую за ней, тянусь, чтобы заключить ее в свои объятия, склоняясь над ее стройным телом, медленно и неторопливо целуя ее полные губы, желая насладиться ее ртом.

Она всегда такая сладкая на вкус. Я посасываю ее нижнюю губу между своими, облизывая ее край, и слышу ее тихий вздох. Она дергается подо мной, ее руки поднимаются, чтобы надавить на мои плечи. Я просовываю одну руку под нее, подталкивая ее к подушкам, когда углубляю поцелуй, мой язык скользит в ее рот. Катерина тихо стонет, выгибаясь дугой напротив меня, и я чувствую, как мой член твердеет у ее бедра, изнывая от потребности быть внутри нее. Я хочу ее, но больше всего я хочу отвлечься, и я хочу, чтобы это продолжалось как можно дольше именно по этой причине. Я хочу растянуть это, раствориться в удовольствии от ее тела так долго, как только смогу, и я продолжаю целовать ее, провожу рукой по ее боку, наслаждаясь вкусом ее губ.

— Виктор — шепчет она мое имя, и я слышу в нем нерешительность, замешательство. Я знаю, что это не то, к чему она привыкла, не тот мужчина, к которому она привыкла в постели. Я не знаю, прикасался ли я к ней так нежно, но я не хочу быть грубым с ней сегодня вечером. Я хочу соблазнить ее, заставить ее добровольно отдаться мне, умолять меня, потому что она хочет большего удовольствия, которое я могу ей доставить, не смотря на боль.

Моя рука скользит по ее плоскому животу, вниз к промежутку между ног, по обнаженной плоти там. Я чувствую, что она слегка влажная, ее губы теплые и мягкие под моими пальцами. Когда я просовываю их между ними, мои кончики пальцев касаются ее клитора, она вскрикивает мне в рот, ее тело снова выгибается, и ее бедра подергиваются под моей рукой.

— Виктор — она снова шепчет мое имя, на этот раз это больше похоже на мольбу.

Я хочу дать ей то, о чем она просит, за что она благодарит меня. Я потираю ее пальцами, обводя этот твердый бугорок, я чувствую, как она смягчается подо мной, прилив ее возбуждения покрывает мои пальцы, когда я глажу ее между нашими сплетенными телами, и я закрываю глаза, растворяясь в ощущении ее прикосновения ко мне.

Она такая чертовски приятная на ощупь, ее мягкая кожа и маленькие груди, тепло касаются меня, когда она поднимает подбородок, чтобы снова поцеловать меня, и от прикосновения ее языка к моему у меня почти перехватывает дыхание от того, как сильно я хочу ее. В этот момент я чувствую, что сделал бы что угодно, стал бы кем угодно, если бы это означало, что она будет рядом со мной. Если бы это означало, что Катерина будет счастлива всеми возможными способами.

Ее тело напрягается, бедра сильно выгибаются под моими пальцами, и я чувствую дрожь, которая проходит по ней, когда ее руки сжимаются вокруг моей шеи, ее рот открывается в тихом вздохе. Теперь я знаю ее достаточно хорошо, чтобы различать признаки, означающие, что она идет за мной, и мне приятно сознавать, что она уступает этому, что она демонстрирует, что она не борется с этим. Это не вопреки ее воле. Это она хочет меня, хочет удовольствия, которое я могу ей доставить, и прилива потребности, который захлестывает меня при этой мысли, достаточно, чтобы заставить меня захотеть погрузить свой член в нее сейчас. Я болезненно пульсирую у ее бедра, все мое тело напряглось от усилия. Я хочу еще мгновение почувствовать, как она прижимается ко мне, как содрогается ее тело, когда она выгибает спину и стонет напротив моих губ. И затем, как только я чувствую, что она начинает расслабляться, ее тело опускается обратно на матрас, ее клитор пульсирует под моими кончиками пальцев, я тянусь к своему члену, наклоняя его так, чтобы я мог проскользнуть между ее складочек, и ощущение того, как моя ноющая головка члена проскальзывает в тугую, влажную, горячую ее киску, настолько приятно, что я громко стону, целую ее жестко и неистово, когда я вхожу в нее.

Ноги Катерины сжимаются вокруг меня, обвивая меня, когда она выгибается навстречу толчку, задыхаясь от удовольствия. Я все еще чувствую, как она трепещет от оргазма, ощущение, которое заставляет мою спину выгибаться дугой, мои пальцы впиваются в матрас, когда я начинаю трахать ее сильнее, желая большего. Как бы мне ни хотелось двигаться медленно, я не могу удержаться от резких и глубоких толчков, желая почувствовать, как она вся обвивается вокруг меня, желая больше, ее тихих, нетерпеливых вскриков, когда она выгибается мне навстречу, ее ноги, обвитые вокруг моих бедер.

— Виктор — она снова произносит мое имя, и я чувствую дрожь удовольствия при звуке этого, мое тело мгновенно реагирует на звук ее голоса, желая большего.

— Кэт, — я тихо шепчу это ей на ухо и чувствую дрожь, пробегающую по ее телу. Я слышал, как София раньше называла ее этим прозвищем, но я никогда не называл ее так фамильярно. Я даже не знаю, хочет ли она этого, но в данный конкретный момент это кажется правильным.

Я хочу такого знакомства с ней. Я хочу этого, помимо той договоренности, которую я заключил с Лукой. Я даже не знаю, возможно ли это после всего, что произошло между нами. Но все, что я знаю прямо сейчас, это то, что я не хочу ее отпускать.

Я чувствую, как она дрожит вокруг меня, ее мышцы напрягаются от приближающегося прилива удовольствия, и я знаю, что я тоже не могу больше сдерживаться.

— Я... — интенсивность этого слишком велика, я едва могу говорить, и я чувствую, как Катерина наклоняется, ее губы касаются моих.

— Я тоже, — шепчет она, и затем я чувствую, как она отпускает.

Нет ни малейшего шанса, что я смогу продержаться еще секунду. Она слишком великолепна, каждый дюйм ее тела прижат ко мне, и мой член чувствует себя так, словно вот-вот лопнет. Я жестко вхожу в нее, наслаждаясь ощущением, как она сжимается вокруг меня, когда ее голова откидывается на подушки, долгий стон срывается с ее губ, и ее руки сжимаются вокруг моей шеи. Я чувствую, как она сильно кончает, мой оргазм следует за ней вплотную. В этот единственный блаженный момент все ускользает, все мои страхи, тревоги и гнев, все, что собралось в моей голове за весь день, за все дни. Нет ничего, кроме нее, мягкой, теплой и желанной, сжатой в моих объятиях, и я забываю обо всем остальном.

— Катерина! — Я со стоном произношу ее имя ей в рот, и кончаю, наполняя ее, когда я

вхожу в нее так глубоко, как только могу, и остаюсь там, мои бедра покачиваются напротив ее бедер, и я чувствую горячий прилив моего оргазма, экстаз от него пробегает рябью по моему позвоночнику и зажигает огнем каждый нерв в моем теле, удовольствие, подобного которому я не испытывал ни с одной другой женщиной...никогда.

Жизнь с Катериной нелегка. Она далека от того, чтобы быть послушной женой, которую я ожидал. Но быть с ней не похоже ни на что другое, что я когда-либо испытывал.

Я знаю, без тени сомнения, что я не хочу ее терять...никогда.

3

КАТЕРИНА

На следующее утро я просыпаюсь от тихого стука в дверь спальни, который будит меня, а Виктор продолжает спать. Он храпит рядом со мной, в такой же глубокой отключке, как и прошлой ночью, вскоре после того, как мы закончили заниматься сексом, с чем я сама по себе все еще не смирилась.

Я была застигнута врасплох в саду, но я не уверена, какое у меня было оправдание тому, что я уступила ему прошлой ночью. Он нуждался во мне, но более того, я хотела быть рядом с ним. И я не знаю, как к этому относиться. Я должна ненавидеть его, но после того, чем он поделился со мной, я не могу чувствовать ту же горечь и подозрение, что и раньше. А после Аники...

Стук в дверь раздается снова, и я спускаю ноги с кровати, хватаю халат и, закутываясь в него, проходя через комнату. Я приоткрываю дверь и вижу стоящую там Сашу, ее лицо искажено беспокойством, и я чувствую вспышку паники.

— Что-то с Аникой?

— Нет, мэм. — Она качает головой. — Это Елена. У нее всю ночь были приступы паники. Ольга сказала, что пусть поплачет, но она не останавливается, и теперь она зовет вас. Вы можете спуститься вниз? Мы не можем ее успокоить, и я боюсь, что сейчас она может навредить себе.

— Конечно. Дай мне всего секунду. — Я закрываю дверь, быстро хватаю пару леггинсов и топ и натягиваю их. Я знаю, что, вероятно, выгляжу ужасно, мои волосы совершенно спутались, но у меня нет времени на презентабельный вид. Саше будет все равно, а Елене, конечно же тоже.

Я слышу плач Елены еще до того, как мы добираемся до ее комнаты. Саша толкает дверь, на ее лице маска беспокойства, я захожу внутрь перед ней, только чтобы увидеть маленькую светловолосую семилетнюю девочку, свернувшуюся калачиком на ковре. Ее личико розовое и опухшее от слез.

— Елена, — тихо бормочу я ее имя, опускаясь на ковер рядом с ней. — Елена, это Кэт. Ты можешь посмотреть на меня?

Ей требуется минута, чтобы собраться с силами настолько, чтобы сделать это. Она отрывает взгляд от своих рук, шмыгая носом. Она выглядит ужасно, ее лицо в пятнах слез, а из носа текут сопля, и я отчаянно оглядываюсь в поисках чего-нибудь, чем можно было бы ее немного привести в порядок.

— Вот. — Саша протягивает мне коробку с салфетками, и я нежно тянусь к Елене, касаясь ее лица и вытирая ей нос другой рукой.

— Ты почувствуешь себя лучше, когда я закончу, — мягко говорю я ей, когда она пытается отстраниться. — Плакать тяжело, я знаю. Я была там много раз.

Елена смотрит на меня с сомнением на лице.

— Ты плакала? — Выдавливает она сквозь слезы, и я киваю, вытирая последние сопли и беру другую салфетку, чтобы промокнуть ее щеки.

— Определенно ни один раз, — твердо говорю я ей. — Поверь мне, чаще, чем хотелось бы.

— Почему? — Елена поджимает губы, глядя на меня, и ее рыдания замедлились, отвлечение человека, с которым она хочет поговорить, достаточно, чтобы немного успокоить ее.

Я думаю, как много ей рассказать. Ей всего семь, и я не хочу усугублять ситуацию, но она также не обычная семилетняя девочка. Она дочь Пахана, и ее приступ паники вызван тем, что вчера, когда она находилась в незнакомом месте, пришли незнакомцы и начали стрелять. Ее жизнь никогда не была и никогда не будет обычной, не больше, чем моя была или когда-либо будет. Я, конечно, никогда бы не сказала ничего, что могло бы ее травмировать. Тем не менее, я не могу понять, как моей матери удавалось обращаться со мной, как будто в лайковых перчатках, защищая меня от всего, что надо сказать помогало.

Я тянусь к ней, заключая в объятия, и она легко позволяет мне, прижимаясь ко мне, пока я глажу спутанные ее волосы.

— Я потеряла своих родителей несколько месяцев назад, — тихо говорю я ей, глядя сверху вниз на малышку и успокаивая ее. — Сначала маму, а затем, вскоре после этого, моего отца.

Елена напрягается в моих объятиях.

— Что-то случится с моим папой? — Спрашивает она тихим голосом, снова угрожая расплакаться, и я прикусываю губу, понимая, что, возможно, сказала не то, что надо. Быть родителем любого рода действительно тяжело, с сожалением думаю я, наклоняясь, чтобы нежно поцеловать ее в макушку. Я должна каким-то образом убереечь этих двух девочек от полного испуга, живя такой жизнью. Не говоря уже о ребенке, который у меня может быть, если я вообще смогу... От этой последней мысли у меня сжимается в груди, и я отгоняю ее, сосредотачиваясь на Елене.

— С твоим отцом все в порядке, — твердо говорю я ей, надеясь, что это правда и я не лгу ей. — Он сильный человек. Кому-либо трудно причинить ему боль. Многие люди уважают его. С ним все будет в порядке.

— А с сестрой? — Ее лицо сильно морщится, глаза зажимаются, когда она снова начинает плакать, и я знаю, что в этом корень всего этого. — Я слышала, что она может умереть... иногда она жестока ко мне, но я не хочу, чтобы она...

Я перевожу дыхание, пытаюсь придумать, как утешить ее, не солгав.

— Аника действительно серьезно ранена, — наконец говорю я Елене, обнимая ее немного крепче. — Внизу была перестрелка, влезли какие-то нехорошие люди, и они создали проблемы. Аника случайно оказалась в гуще событий. Но доктор сделал все, что мог, и он настроен оптимистично...

— Я не знаю, что означает оп — опт — оп, — говорит Елена тихим голосом.

— Он надеется, что все будет хорошо, — мягко говорю я ей. — И в этом вся его работа, так что если он полон надежд, то и мы с твоим отцом тоже.

Елена кивает, снова зарываясь мне в грудь.

— Не оставляй меня, — шепчет она своим тихим голосом, другая ее рука поднимается, чтобы сжать мою рубашку в кулак. — Я скучаю по своей маме. Папа сказал, что теперь ты будешь нашей мамой...

— Я буду, — обещаю я ей.

— Но ты ушла.

Я вздрагиваю. Я определенно не собираюсь делиться подробностями моего похищения и всего, что произошло потом, с семилетним ребенком.

— Твоему отцу и мне пришлось отправиться в деловую поездку, и это заняло больше времени, чем мы думали. Но мы определенно не хотели оставлять тебя или твою сестру. Мы привезли вас сюда, потому что очень скучали по вам...

— Вы привезли нас сюда, потому что там было опасно. Так сказал папа, он сказал, что дома опасно, там плохой человек...

Ох уж этот Виктор. Из всего, что я видела, Виктор — превосходный отец, особенно с точки зрения мужчин в различных криминальных семьях. Но сказать Елене и Анике, что дома находится опасно и из-за этого их привезли сюда, возможно, было не лучшим выбором. Я знаю, что он имел в виду это, чтобы убедиться, что они осознают серьезность ситуации. Но Елене семь, думаю я про себя, прижимая ее к себе, позволяя ей шмыгать носом и плакать в мою рубашку, пока я глажу ее по спине и успокаиваю.

— Она так сильно успокоилась, — одними губами произносит Саша, кивая на маленькую девочку. — С тех пор, как вы вошли.

При этом я чувствую прилив тепла, только усиливающий то чувство, которое было у меня с тех пор, как Елена забралась в мои объятия. Я всегда любила детей, хотела воспитывать, учить и заботиться о них, как о других, так и о своих собственных. Я люблю обеих этих девочек, даже если у Аники предвзятое отношение, и я хочу обеспечить их безопасность. Тот факт, что Елена доверяет мне, значит для меня больше, чем я могу выразить словами. Я также знаю, что это означает, что я не могу уйти, что бы ни случилось между мной и Виктором. Эти девочки уже потеряли одну мать, и по реакции Елены на мой отъезд в командировку с Виктором я могу сказать, что она, по крайней мере, будет опустошена, если я уйду навсегда, и я думаю, что Аника тоже могла бы быть такой, даже если бы и скрывала это.

Нам с Виктором придется что-то придумать. Я всегда знала, что у меня будет брак по расчету, и я знала, что мне может не нравиться мой муж. Это не должно быть исключением. Даже если то, что я хочу его, усложняет ситуацию, это мое собственное бремя, которое я могу взвалить на свои плечи. Я уверена, что со временем это пройдет.

Я поднимаю взгляд на Сашу, которая сейчас стоит на коленях на ковре, обеспокоенно наблюдая за Еленой, которая шмыгает носом и икает у меня на груди. Девушка удивительно красива, с густыми светло-рыжими волосами и ярко-зелеными глазами, стройная и элегантная, как танцовщица. Я думаю обо всем, что рассказал мне Виктор о том, что с ней случилось, и я не могу не удивляться, что она все еще так сдержанна, как есть, учитывая все, что произошло. Я думаю обо всем, что случилось со мной, Франко, о моем похищении, моих пытках и о том, как близко я была к грани срыва. А Саша выросла не в такой жизни, как я. Она не росла, зная о насилии, даже если я была защищена от многого из этого. Или, может быть, росла? Я помню, что сказал Виктор, она была на грани взросления вне системы патронатного воспитания и мне интересно, насколько это плохо в России. Возможно, ее жизнь, даже до того, как Виктор подобрал ее, была намного хуже, чем у меня, человека, которого баловали большую часть моей жизни.

Несмотря на это, я не могу не впечатляться ее способностью приспосабливаться к обстоятельствам и оставаться, по крайней мере, внешне позитивной, несмотря ни на

что. Она смотрит на Елену с неподдельной заботой и привязанностью, даже несмотря на то, что отец Елены несет прямую ответственность за многое из того, что случилось с Сашей. И она относится ко мне с каким-то добрым уважением, без всякой обиды, хотя я жена Виктора. Это не страх, я никогда не видела ничего, что указывало бы на то, что она меня боится.

К этому моменту Елена заснула у меня на груди, и я медленно поднимаюсь на ноги, перенося ее на кровать и осторожно укладывая поверх нее. Саша протягивает мне вязаное покрывало, и я накрываю ее им, подоткнув края вокруг ее плеч, пока маленькая девочка сворачивается клубочком, все еще крепко спя.

— Если она проснется, и я ей понадобится, приходи за мной, — шепчу я, когда мы с Сашей выходим за дверь. Она кивает, и я колеблюсь, желая задать ей вопросы и не уверенная, что должна.

— Миссис Андреева? Что-то еще?

Я колеблюсь, глядя на нее.

— Я... — Я перевожу дыхание, размышляя, как сказать то, что я хочу спросить. — Как ты относишься к моему мужу, Саша? Я знаю, что с тобой случилось, почему ты здесь. Тебе не нужно стесняться в выражениях со мной. Я не буду на тебя сердиться.

В глазах Саши все равно мелькает страх, и это само по себе говорит мне, что я не получу полностью правдивого ответа, но ее трудно винить.

— Я очень благодарна за место, которое он мне здесь отвел, — тихо говорит она. — И за то, что он отомстил за меня.

— Ты его не ненавидишь? — Я смотрю на нее, больше всего на свете желая, чтобы она поговорила со мной откровенно. — Ты здесь из-за него, из-за того, что с тобой все это случилось.

Саша колеблется, нервно облизывая губы.

— Ваш муж — мужчина, который совершает дурные поступки, — наконец говорит она, отводя взгляд. — Но я не думаю, что он сам по себе злой человек. Я думаю, что он верит, что делает тот выбор, который был ему предоставлен, как и все мы.

— Это очень великодушно, особенно когда он взял тебя сюда, в свой дом, и ты все еще часть его семьи.

— Это тоже не самый удачный выбор... не мой, — тихо говорит она. — Это не значит, что мне не понравилась бы возможность сделать его для себя самой. Но жизнь сложилась для меня не так, не так ли? И сейчас все лучше, чем могло бы быть.

— Значит, тебе бы не понравилось то, что он предназначил для тебя? Место в гареме принца?

Саша пожимает плечами, ее губы слегка подергиваются.

— Откуда мне знать? Я никогда не была любовницей принца и теперь никогда не буду. Но я точно знаю, что мое место в семье мистера Андреева лучше, чем то, которое я могла бы иметь. Я просто хотела бы, чтобы я выбрала его для себя сама. Она снова пожимает плечами, застенчиво глядя на меня. — Это отвечает на ваши вопросы, миссис Андреева?

— Ты все еще можешь называть меня Катериной, — мягко говорю я ей. — Нам не нужно быть такими официальными...

— Я не думаю, что это было бы уместно, — твердо говорит она. — Но я рада знать, что вам не все равно. — Она делает паузу. — Может быть, однажды это повлияет на вашего мужа. — Затем она делает шаг назад, ее плечи напрягаются, как будто она боится, что

сказала слишком много. — Я дам вам знать, если вы снова понадобитесь Елене.

— Хорошо, — тихо говорю я. — Спасибо тебе.

Я бросаю взгляд в сторону двери, когда Саша исчезает в коридоре, думая о маленькой девочке, спящей внутри, и о той, что дальше по коридору, борющейся за свою жизнь. Я не могу не продолжать надеяться, что смогу как-то повлиять на Виктора, хотя бы ради них. Хотя бы для того, чтобы они не повзрослели и однажды им не пришлось смириться с тем же, что и мне: с тем, что мой отец был человеком, которого я любила... а также человеком, который совершал злые поступки.

4

КАТЕРИНА

На обратном пути к лестнице я почти сталкиваюсь с Максом. Он резко останавливается, его красивое лицо немного краснеет.

— Извините, миссис Андреева, — говорит он. — Я как раз собирался проведать Анику. Я знаю, что ваш муж не той же веры, что и вы, но я думаю, что небольшая молитва могла бы помочь любому, особенно этому бедному ребенку. — Он смотрит мимо меня в том направлении, куда ушла Саша. — Это была Саша?

Я моргаю, глядя на него.

— Да. Она помогала мне с Еленой. Она тебе для чего-то понадобилась?

При этих словах он краснеет еще сильнее, и мои глаза слегка расширяются.

— Нет, — быстро говорит он. — Я просто... я разговаривал с ней на днях, сказал ей, что, если ей когда-нибудь понадобится с кем-нибудь поговорить, я буду рядом, чтобы выслушать. Если она нуждается в духовном руководстве, или...

Я сжимаю губы, изо всех сил стараясь не рассмеяться. За то короткое время, что я провела с Максом, у меня сложилось впечатление, что он был искренен в своих убеждениях, даже если он по какой-то причине больше не был священником. Мои подозрения, исходя из того, что Виктор вкратце рассказал мне о нем, заключались в том, что он все еще придерживался правил быть священником, даже если его лишили сана. Это означает, что, если бы он, например, был влюблен в Сашу, это было бы очень огорчительно для него.

Это все очень очевидно, криво усмехаюсь я. Бывший священник борется со своими обетами из-за одной из девушек Виктора. Глядя на его покрасневшее лицо, я думаю, совершенно ясно, что он не пошел бы на это. У меня вертится на кончике языка сказать ему, чтобы он держался от Саши подальше, но потом я останавливаю себя. Неужели это действительно навредит, если красивый бывший священник влюбится в нее? Это может заставить ее чувствовать себя хорошо, и это безвредно. Он не собирается причинить ей вред. Кроме того, у меня уже есть двое детей. Я не могу слишком беспокоиться еще и о Саше, которая уже взрослая женщина, хотя и очень молода.

— Я иду вверх проведать своего мужа, — говорю я ему. — Но, если с Аникой что-то изменится, пожалуйста, приди за нами. Мы скоро спустимся, чтобы навестить ее.

Он прочищает горло, явно благодарный за смену темы.

— Конечно, миссис Андреева.

Когда я поднимаюсь вверх, в нашу комнату, Виктор только начинает просыпаться, садясь в постели. Он смотрит на меня, когда я вхожу, и улыбка на его лице почти сводит меня с ума. Он выглядит добрее, мягче, красивее по-другому, чем я привыкла. Ничего похожего на мужа, к которому я привыкла.

— Куда ходила так рано? — спрашивает он почти поддразнивающе, и я моргаю

ему. Прошло много времени, если вообще когда-либо было, с тех пор как я слышала, чтобы он так со мной разговаривал, и это поразительно. Это также не совсем неприятно, и это заставляет меня отшатнуться, потому что я знаю, что из-за большей привязанности к нему мне будет намного сложнее поддерживать свои стены, а они должны оставаться стоймя, если никогда не будет никаких изменений, если я собираюсь остаться ради Елены и Аники. Они — это то, что действительно важно, напоминаю я себе. Ничто другое: ни Виктор, ни мое собственное счастье, ни любое будущее, которое я могла бы предвидеть, не имеет такого значения, как уверенность в том, что эти девочки не потеряют кого-то еще, кого они любят. И я надеюсь, всем своим существом, что Елена не собирается терять сестру.

— Я спускалась вниз, — говорю я ему, направляясь к комоду, чтобы взять свежую смену одежды. Мой топ в беспорядке после того, как Елена так долго плакала на мне. — У Елены была паническая атака, и она позвала меня. Она беспокоится об Анике.

— Мы все беспокоимся. — Виктор проводит рукой по волосам. — Мы должны пойти проверить, как она.

— Макс сейчас с ней. Дай мне переодеться, и мы пойдем.

Виктор хмурится.

— Это мило с его стороны. Макс никогда особо не любил детей.

— Ну, может быть, он делает исключение для Аники. — Я пожимаю плечами. — Ребенок на грани смерти и это, наверное, совсем другая история. — Моя грудь сжимается от того, что я произношу это вслух, и я хватаю платье, в которое планировала переодеться, направляясь в ванную. Я внезапно чувствую, что не могу дождаться ни минуты, чтобы пойти и проверить, как там моя другая девочка, мое беспокойство за нее перевешивает все остальное.

Все, кроме того, что сказала мне Саша, то, что до сих пор отдается эхом в моей голове. *Может быть, ты сможешь оказать на него влияние.* Если это правда, то я могла бы все изменить. Но я в это не верю, не совсем.

Дверь открывается, и Виктор входит ко мне со своей одеждой в руках.

— Ты мог бы постучать, — говорю я сердито, и он смотрит на меня, забавляясь.

— Я был внутри каждой части твоего тела, жена, — криво говорит он. — Я делал с тобой то, чего, я знаю, не делал ни один другой мужчина. И ты думаешь, меня беспокоит, что я могу застать тебя врасплох... что? Писающей?

Я краснею.

— Возможно, мне просто хотелось немного уединения, вот и все.

— Возможно, я надеялся застать тебя полураздетой, чтобы я мог снова поцеловать тебя, чувствуя твое тело под своими руками. — Он тянется ко мне, его руки обхватывают мои груди через тонкий топ.

— Виктор, эта рубашка в беспорядке...

— Мне все равно. Меня никогда не волновали такие мелочи. Дети — это всегда беспорядок. Катя беспокоилась об этом, но что-то настолько тривиальное не мешает мне хотеть свою жену...

Упоминание Кати останавливает меня.

— Виктор. — Я отступаю, снимаю топ и поворачиваюсь к нему спиной, чтобы вид моей груди в одном лифчике не раззадорил его еще больше, хотя я уже хорошо знаю, что мой муж получает то, чего хочет. Если я отвернусь, это не остановит его, если он будет настаивать на том, чтобы взять меня снова. — Нам нужно больше поговорить о том, что ты рассказал мне в

саду, — настойчиво говорю я ему, снимая леггинсы и протягивая руку за платком. — О Кате и о том, что с ней случилось. О... — Я хочу сказать о ребенке, который у нее был бы, но слишком трудно произнести эти слова вслух. Я все еще поражена той частью истории, где Катя покончила с собой, зная, что беременна. Должно быть, она была в таком ужасе от своего мужа, что не могла вынести мысли о том, чтобы привести в его мир еще одного ребенка.

Разве я не чувствовала то же самое? Я вспоминаю нашу первую брачную ночь, когда я стояла на балконе и рассматривала спуск из пентхауса на тротуар внизу, прикидывая, стоит ли продолжать жить дальше в сравнении с той жизнью, которую мне пришлось бы прожить. Катя, возможно, просто чувствовала, что она никак не могла продолжать, с ребенком или нет.

— О чем еще можно здесь говорить? — спрашивает Виктор, и я слышу, как в его голос возвращается резкость. — У меня была другая жена. Она подарила мне двух дочерей, которых не хотела, а затем, когда появилась другая возможность завести сына, она покончила с собой. Что еще есть в этой истории?

— Ты не думал, что она была в тот момент не в себе?

— Ты хочешь сказать, что это моя вина? — Виктор поворачивается, чтобы посмотреть на меня. — Потому что, если это так, Катерина, ты не говоришь ничего такого, чего я не говорил бы себе. Я сотни раз перебирал возможности того, что я мог бы сделать по-другому, где это могло быть моей ошибкой. Я думал о том, что я мог бы изменить, сожалел о словах, которые я сказал ей, и о том, что я сделал, задавался вопросом, останься я дома, она возможно не умерла бы. Но я не мог вечно сидеть дома. Мне нужно было вести бизнес. И она тоже все делала неправильно... — он снова проводит рукой по волосам. — Я не могу этого изменить, Катерина. Я просто не могу. Все, что я могу сделать, это попытаться не допустить, чтобы это повторилось, вот почему я старался сделать так, чтобы между нами было как можно лучше...

— Это лишь мои предположения, — тихо говорю я. — Есть кое-что, что ты можешь изменить. Кое-что, что могло бы и тогда изменить отношения с Катей и это могло бы означать другую жизнь для твоих дочерей. Это могло бы и наш брак сделать лучше сейчас...

— Что? — Виктор поворачивается ко мне лицом, и я слышу искренний вопрос в его голосе. В нем нет ни гнева, ни сарказма. — Что я мог сделать, Катерина, чтобы ты захотела выйти за меня замуж? Чтобы заставить тебя... — на этом он останавливается, но я точно знаю, какие слова он не произносит.

Чтобы заставить тебя полюбить меня.

Это подводит меня к короткому разговору. Могу ли я любить его, даже если все изменится? Интересно, смотрю я на своего мужа через расстояние вытянутой руки между нами, пытаюсь представить другую жизнь, ту, где я не чувствую вины за то, что хочу его, вождедею к нему. Если бы у меня не было этого чувства вины, хотела бы я и других вещей тоже? Нашла бы я возможность для любви в его объятиях, то, от чего я давно отказалась? Могли бы мы заключить брак во всех возможных смыслах, а не только по расчету, предназначенный для детей?

— Ты мог бы заняться каким-нибудь другим бизнесом, — тихо говорю я, выдавливая слова сквозь комок в горле и учащенный пульс. — Ты мог бы прекратить торговлю женщинами и заняться чем-нибудь другим. Что-то вроде...

— Что-то вроде того, что делает Лука? Или твой отец? — Виктор резко, разочарованно

вздыхает. — Мы говорили об этом раньше, Катерина, я...

— Я знаю твои причины! — Быстро говорю я. — Я знаю твои оправдания. Но это не имеет значения. Кто-то вроде Саши — она благодарна за то, что у нее есть сейчас, но это все равно был не ее выбор. Виктор...люди сильнее, чем ты думаешь. Женщины такие. Мы можем пережить так много, если выберем это сами. Если мы проживаем наши жизни, основываясь на нашей собственной воле, независимо от того, насколько это плохо или хорошо. — Я качаю головой, тяжело сглатывая. — Ничего из того, что когда-либо случилось со мной, не было результатом моего собственного выбора, и это сделало все намного сложнее...

— Тем не менее, ты сделала выбор. — Виктор хмурится. — Ты могла отказаться выходить замуж за Франко или за меня.

— Но последствия...

— Это все еще был твой выбор! — Выражение его лица явно расстроенное. — Ты просто выбрала путь, который не позволил бы тебе потерять то, что ты хотела, или чувствовать себя виноватой из-за пролитой крови.

— Люди умирали бы, если бы я отказалась выйти за тебя, это не мой выбор!

— Это так, — настаивает он. — Это просто был не тот выбор, с которым ты могла бы жить. Вот почему ты осталась, вот почему ты вернулась. И когда ты попыталась сбежать, это было просто потому, что ты больше не могла жить с тем выбором, который ты сделала.

Я глубоко вздыхаю, чувствуя себя опустошенной, побежденной. Он не ошибается. И я не знаю, как заставить его понять, что последствия его выбора намного хуже, чем он осознает.

— Виктор... твои дочери... ты хочешь, чтобы они выросли и узнали, чем ты занимаешься? Как ты думаешь, они согласятся с твоими оправданиями? Или они, как и я, просто увидят других дочерей, которых ты считаешь менее важными, другие семьи, которые ты не возражаешь разлучить? Будет ли небольшая часть твоих детей ненавидеть тебя, так же как часть меня ненавидит моего отца?

Он долго смотрит на меня, и я вижу боль в глубине его глаз. Это говорит мне в тот момент, что он тоже думает об этом, я не говорю ему ничего нового, и это заставляет меня задуматься, не решил ли он, что ради этого не стоит меняться?

— Я хочу, чтобы мои дочери гордились мной, — тихо говорит Виктор. — Я хочу, чтобы они всегда любили меня. Я изо всех сил старался быть хорошим отцом. И если бы был потенциал для того, чтобы наш брак стал чем-то большим, Катерина, я бы тоже этого хотел. Но Кэт...

— Не называй меня так, — мягко говорю я. — Не сейчас, когда все так обстоит.

Он прочищает горло.

— Катерина. Это все, что я умею. Это бизнес, который мои дед и отец построили с нуля. Вот как мы пришли к власти, которая у нас есть, и так я стал тем мужчиной, который я есть, и это все, что я могу дать своим дочерям и тебе. И ты хочешь, чтобы я повернулась к этому спиной, и что? Начал с нуля? Положился на других мужчин, на Луку и, возможно, Лиаму, чтобы гарантировать свой успех в будущем? Ты хочешь, чтобы я стал таким человеком?

— Я хочу, чтобы ты был таким, каким я тебя знаю, — мягко говорю я. — Я знаю, что в глубине души в тебе есть доброта, Виктор. Я знаю, что ты в конфликте. И я... — я тяжело сглатываю, чувствуя, как мое сердце сжимается от слов, которые я собираюсь сказать. — Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь родить тебе ребенка сейчас, после того, что сказал

доктор. Возможно, я никогда не смогу этого сделать. Но если бы я это сделала... и если бы у нас был сын... я думаю, ты бы испытывал противоречия по поводу передачи ему такого наследия. Но ты не обязан...

Раздается стук в дверь спальни, прерывающий меня, и я вижу вспышку облегчения на лице Виктора, что разговор был прекращен. Он поворачивается, выходя из ванной, и оставляет меня там, смотрящей ему вслед. Я знаю, был момент, когда он хотел, чтобы все было по-другому. Но также я действительно не думаю, что он когда-нибудь изменится. И от этого на моем сердце становится еще тяжелее, чем раньше.

5

ВИКТОР

Мало что в моей жизни заставляло меня чувствовать себя таким уязвленным, как моя жена, стоящая передо мной и говорящая, что однажды мои дочери могут вырасти и возненавидеть меня, что она в некотором смысле ненавидит своего собственного отца из-за правды, которую она узнала о нем со временем, и не помогает то, что она не говорит ничего из того, чего я еще не сказал бы сам себе.

Я спускаюсь по лестнице, не утруждая себя ее ожиданием. Мне нужно увидеть свою дочь, и я не доверяю тому, что я мог бы сказать рядом с Катериной. Я хочу, чтобы наш брак удался, но она хочет изменить меня, изменить всю мою жизнь. Всю нашу жизнь, потому что, нравится ей это или нет, она тоже часть этой жизни. Она тоже извлекает из этого выгоду или откуда, по ее мнению, берутся деньги, ее одежда, эта конспиративная квартира, наш дом и все остальное, что у нас есть? Я мрачно думаю, и в моих мыслях появляется нотка горечи. Все, что я вижу, это повторение первого брака, то же самое растущее негодование между нами. Это не то, чего я хочу для нас с Катериной, но, возможно, единственный способ для такого мужчины, как Пахан, жениться и соблюдать дистанцию между собой и своей женой. Я думал, что Катерина могла бы понять, но, очевидно, я ошибался.

Я толкаю дверь в комнату Аники, чтобы увидеть доктора, проверяющего ее жизненные показатели, Макс сидит в углу комнаты. Он немедленно встает, и я натянуто улыбаюсь ему.

— Спасибо, что заглянул к ней, — говорю я ему, и он кивает, его молодое лицо спокойнее, чем я видел за долгое время.

— Я подумал, что молитва могла бы помочь, — говорит он, и я заставляю себя не закатывать глаза.

— Ты знаешь, я не придаю этому большого значения, сынок, — говорю я ему, направляясь к кровати Аники. — Но это не повредит. И то, что ты сделал для этой семьи, я не скоро забуду.

Макс нервно облизывает губы, колеблясь.

— Так ты... разберешься в том, о чем я просил?

Я колеблюсь.

— Я не знаю, смогу ли я помочь тебе в этом. У меня нет большого влияния...

— Но ты сказал, что Лука Романо мог бы.

— Он мог бы. Я не решаюсь быть у него в долгу. Но в сложившихся обстоятельствах... — Я делаю паузу, глядя на выражение лица Макса, на котором одновременно и слабая надежда, и боязнь надеяться. — Когда все уладится с моей дочерью и с Алексеем, я посмотрю, что смогу сделать.

— Спасибо, сэр. — Выражение лица Макса сменяется облегчением. — Даже если это не тот результат, на который я надеюсь, если есть возможность...

Я киваю, переключая свое внимание на Анику. Я слышу, как он отступает к двери, но я не утруждаю себя тем, чтобы смотреть ему вслед. Все мое внимание приковано к моей дочери, у меня перехватило дыхание, когда я жду, что скажет доктор.

— Хорошие новости, — наконец говорит он, поднимая глаза. — Она еще не выбралась из беды, но все указывает на полное выздоровление. Ей понадобится время здесь, чтобы отдохнуть и подлечиться, но, судя по тому, что вы сказали, это самое безопасное место для нее прямо сейчас. Пройдет некоторое время, прежде чем она сможет вернуться в Нью-Йорк...

— Все в порядке, — коротко говорю я. — Чего бы это ни стоило, чтобы она выздоровела, это то, что мы сделаем.

Я смотрю на свою дочь и уже вижу, что к ней немного возвращается румянец, ее сон выглядит мирным, а не почти мертвым. Меня ужасает, что она до сих пор не проснулась и вообще не пошевелилась, но я знаю из того, что мне сказали, что это нормально, даже желательно. Она погружена в исцеляющий сон, и если она проснется от него здоровой, это все, что имеет значение для меня.

Позади меня раздаются шаги, легкие и нежные, и я знаю, что это Катерина. Я чувствую запах ее духов, и что-то в моей груди успокаивается, зная, что она здесь вопреки моему желанию. Я знаю, что я не должен успокаиваться в ее присутствии, что ничто не может сделать наш брак таким, каким я хочу его видеть. Но я не могу избавиться от чувства легкости, которое охватывает меня, зная, что она здесь, что она тоже любит мою дочь, что бы ни случилось дальше, мне не придется переносить это в одиночку.

— Как она себя чувствует? — Тихо спрашивает Катерина.

— Поправляется, — говорю я ей, не отрывая глаз от Аники. — Доктор надеется, что она полностью выздоровеет.

— Я позволю вам двоим немного побыть с ней, прежде чем я пришлю медсестру, — говорит он, поднимая глаза. — В том, что я вижу прямо сейчас, нет ничего особенно волнующего. Пока нет уверенности, но все указывает на положительный результат. — Он кивает мне, обходит кровать и оставляет нас с Катериной там.

— Как ты думаешь, когда мы должны позволить Елене увидеть ее? — Катерина звучит обеспокоенной. — Я знаю, она боится, что ее сестра умрет, но я не знаю, поможет ли ей видеть ее такой или навредит...

— Если мы можем подождать, пока Аника проснется, я думаю, это было бы лучше всего. — Я колеблюсь, поглядывая на свою жену. Ее забота о моих детях заставляет меня еще больше сочувствовать ей, и я делаю глубокий вдох, подавляя чувства обратно. Я знаю, что это не принесет мне... нам, никакой пользы. Но я не могу избавиться от ощущения, что, если бы только мы смогли преодолеть наши разногласия, Катерина могла бы стать женой и матерью лучше, чем все, на что я мог надеяться, когда просил ее руки у Луки. — Катерина, я... — Я колеблюсь, и она качает головой, не глядя на меня.

— Не надо, Виктор, — тихо говорит она. — Это только ухудшит ситуацию. Возможно, будет лучше, если мы продолжим ненавидеть друг друга.

Это подводит меня к короткому вопросу.

— Ты меня ненавидишь?

Она с трудом сглатывает.

— Иногда приходилось. Не всегда.

— А сейчас? — Она не смотрит на меня, и все во мне хочет дотянуться до нее,

заставить ее посмотреть мне в глаза. Но я не думаю, что это улучшит отношения между нами.

— Не прямо сейчас, — мягко говорит она. — Мне просто грустно. За нас, за нее, за...

За любого ребенка, который может появиться в будущем. Ей не нужно говорить это вслух, чтобы я знал, о чем она думает.

— Ты думаешь, что снова возненавидишь меня?

— Я не знаю. — Она по-прежнему не смотрит на меня, и я чувствую, как у меня внутри бурлит потребность заглянуть в ее глаза, потребность увидеть ее, увидеть, о чем она думает.

— Ты действительно думаешь, что я ненавижу тебя?

Катерина пожимает плечами, и я вижу легкую дрожь на ее подбородке, как будто она сдерживает слезы.

— Я не знаю, — тихо говорит она. — Я думаю, ты ненавижу меня, когда я сбежала. Я думаю, я всегда тебе не нравилась, с той минуты, как ты понял, что я не та женщина, на которой ты рассчитывал жениться.

— Ты мне не нравишься. — Я пораженно смотрю на нее. — Как ты можешь не нравиться? Конечно, временами с тобой трудно. И нет, ты не такая, как я ожидал. Но ты мне не нравишься. — Я качаю головой. — Я был впечатлен твоим характером, Катерина. И после твоего похищения... — Я делаю вдох, чувствуя почти отчаяние. — Катерина, посмотри на меня, пожалуйста.

На мгновение мне кажется, что она не собирается. Ее плечи напряглись, взгляд устремлен прямо на кровать, как будто ей невыносимо смотреть на меня. А затем она медленно поворачивается, ее темный взгляд встречается с моим.

— Что, Виктор? — Тихо спрашивает она. — Скажи мне, что ты думал обо мне после.

Я не могу остановить себя. Я протягиваю руку, чтобы коснуться ее лица, мои пальцы поглаживают ее скулу, спускаются к подбородку. Я чувствую легкую дрожь, которая проходит по ней от моего прикосновения, даже когда она держится прямо, как шомпол, напряжение в каждой линии ее тела.

— Я думал, ты смелая, — бормочу я. — Такая же смелая, как любой солдат или бригадир, которого я когда-либо нанимал, если не больше. Я знал людей, которые не смогли вынести того, что вынесла ты. Я думаю... — Я замолкаю, не желая заканчивать, отдергивать руку, прекращать прикасаться к ней. — Ты самая сильная женщина, которую я когда-либо знал, Катерина. И даже если ты никогда по-настоящему не полюбишь меня или не захочешь стать моей женой, я не смог бы выбрать лучшую женщину, чтобы стать матерью моим дочерям.

Рот Катерины слегка приоткрывается, и я вижу ее прерывистое дыхание, блеск в глазах. Я чувствую притяжение между нами, напряжение в воздухе сгущается, и я знаю, что она хочет, чтобы я поцеловал ее так же сильно, как я хочу это сделать. Я уже чувствую, на что будет похож ее рот под моим, мягким и нежным, и то, как она напрягается перед тем, как уступить мне, ее внутреннюю борьбу.

— Все могло бы быть по-другому, — шепчет она, и дрожь снова проходит по ней, ее лицо все еще находится в моей ладони. — Виктор, если бы только...

Если бы только я не был тем мужчиной, которым я есть. Я слышу невысказанные слова, витающие между нами.

— Я пытался быть хорошим человеком по отношению к тебе, — бормочу я. — К тебе, моим дочерям, я заботился о тебе, когда ты была больна, делал все, что мог, чтобы вернуть

тебе здоровье, пытался показать тебе, что я чувствую к тебе...

— Я знаю, — шепчет Катерина. — Я знаю, Виктор. Но...

— Но этого недостаточно. — Я убираю руку с ее щеки, чувствуя жгучее негодование в груди. — Я никогда не просил тебя быть кем — то другим, кроме того, кто ты есть, упрямая, трудная женщина...

Катерина вздергивает подбородок.

— Я пыталась быть кем-то иным, Виктор. Но сначала меня уговорили на брак с тобой, и кровь всех, кто пострадал бы в войне между твоей фракцией и фракцией Луки, была предложена в качестве бремени, которое легло бы на мои плечи. А потом ты затащил меня обратно сюда, когда я попыталась убежать. Я не могу быть никем иным, кроме того, во что меня превратили. Если я упрямая и трудная, Виктор, то это потому, что я пытаюсь сохранить какую-то часть себя, в то время как каждый мужчина, которого я когда-либо знала, откалывал от меня кусочки, так что я не знаю, что осталось!

Она говорит приглушенным, сердитым тоном, ее грудь вздымается, и я все еще хочу поцеловать ее так сильно, как никогда. Ее бледное лицо покраснелось на скулах, как это всегда бывает, когда она злится. За долю секунды я понимаю, что мне нравится, что я знаю это о ней, точно так же, как я знаю, как она уступит, когда я ее поцелую, и как напрягается ее тело перед тем, как она кончает, я хочу знать о ней и все остальное: как она выглядит, когда по-настоящему счастлива, звук ее смеха, звук, который издал бы ее голос, если бы прошептал слова "Я люблю тебя". Я хочу от нее всего, больше, чем хотел даже от первой жены, потому что, когда я любил Катю, я был молод и глуп, а теперь я старше и мудрее. Я знаю, чего я хочу, в чем нуждаюсь, и Катерина, это все то, что мне нужно.

Она мое все.

И все же она думает, что я недостойн ее любви.

— Я пытался дать тебе все, что мог...

— Ты знаешь, что мне нужно. — Она качает головой, делая шаг назад. — Мне нужно, чтобы ты был тем мужчиной, которым, я знаю, ты можешь быть, Виктор. Для меня, для твоих дочерей, для каждой женщины, которую ты еще не подобрал и не вырвал из ее жизни в ту, которую она не выбирала. И если ты не можешь этого сделать... — Катерина поджимает губы. — Я не уйду, Виктор, из-за детей. Потому что Елена и Аника нуждаются во мне. Но что касается остального... — она разворачивается и уходит от меня к двери.

У меня вертится на кончике языка окликнуть ее, и я почти физически тянусь к ней, желая остановить ее, удержать ее здесь. Но она уже у двери, и когда она открывает ее, я вижу Левина, стоящего там, его кулак занесен, как будто для того, чтобы постучать.

— Миссис Андреева. — Он наклоняет голову, отступая назад, когда Катерина проносится мимо него.

Я тоже выхожу, закрывая за собой дверь.

— В чем дело, Левин?

— У меня новости. — Он недовольно поджимает губы. — Мы не можем найти никаких намеков на Алексея. Его не было среди мужчин, напавших на дом, и никто из них не был нашим, что означает, что он нанял их по контракту.

— И? Что? — Спрашиваю я, чувствуя, как напрягаются мои плечи.

— Он ушел в тень. — Левин выглядит расстроенным. — Нигде нет абсолютно никакого намека на него. Он исчез, как призрак, и я подозреваю, что мы не увидим его приближения, пока не произойдет нападение. Что означает...

— Нам нужно усилить охрану. — Я потираю рот рукой, размышляя. — Найми еще людей. И продолжай копать. Он не мог исчезнуть полностью.

— Это еще не все. — Левин выдыхает. — Я не могу связаться с Михаилом. Насколько я знаю, никто другой тоже не может.

— Ты думаешь, он перешел на сторону Алексея?

— Я думаю, что он мертв, — прямо говорит Левин. — Или захвачен в плен, что еще хуже. Это выглядит не очень хорошо, Виктор. У Алексея большая часть наших людей. Он строит дело, чтобы стать твоим соперником, и это будет кроваво. Он не остановится перед тем, чтобы причинить вред твоей семье, ты знаешь это...

— Я знаю, — коротко говорю я. — Но в конце концов пострадает именно он. Я позабочусь об этом. Я могу защитить свою семью, особенно когда ты рядом. Но мне нужно знать, где Алексей.

— Я сделаю все, что смогу, — обещает Левин. — Ты знаешь, что я так и сделаю, Пахан.

— Я знаю. Ты всегда был верен мне, Левин. Я доверяю тебе больше, чем кому-либо другому.

— Я благодарен. — Он наклоняет голову. — Я дам тебе знать, как только появятся какие-либо другие новости.

Я сжимаю переносицу, когда он уходит, чувствуя, как возвращается тяжесть, которую на мгновение снял приход Катерины. Бремя ответственности кажется тяжелее, чем когда-либо, и я больше всего на свете желаю, чтобы она это понимала. Чтобы она могла видеть, как я чувствую, что для меня нет хорошего выбора, только тот путь, на который я был поставлен. Что бы я ни сделал, это будет неправильно из-за выбора, сделанного за меня с самого начала.

Это жизнь, которую я получил, наследие, которое я получил. Мне кажется невозможным, что я мог бы уйти от этого.

И все же, это именно то, чего она хочет от меня.

6

КАТЕРИНА

Глубоко в моем сердце, когда я ухожу от Виктора, я знаю, что ничего не изменится. Я знаю, что он слишком далеко зашел в этой жизни, чтобы уйти, слишком глубоко погружен, чтобы когда-либо увидеть другой путь вперед. Я знаю, что часть его хочет быть другим, но этого недостаточно.

Я знаю, что любое будущее, которое у нас с ним будет, будет ограничено тем, с чем я смогу жить, если он продолжит быть тем мужчиной, которым он является, означает дистанцию. Означает любить только его детей, и любого ребенка, которого я могла бы ему подарить, но никогда его. Это означает вернуться к той жизни, которую я когда-то ожидала вести с мужем, что не должно навредить. Это происходит только потому, что на краткий миг я почувствовала вкус чего-то другого.

Какими бы темными и развратными ни были некоторые вещи, которые Виктор делал со мной, это пробудило во мне что-то, желания, о которых я и не подозревала, что у меня были. И теперь я должна отпустить это, уйти от этого. Это причиняет боль больше, чем я думала, потому что я не знала, что могу испытывать желание так глубоко, так сильно хотеть, испытывать столько удовольствия. Я хочу большего. Я начала жаждать этого, почти как зависимость.

Эта мысль преследует меня весь день, засев в моем мозгу, заставляя меня чувствовать

себя беспокойной и выбитой из колеи. Мысль о том, что я никогда не прикаснусь к Виктору или к тому, что меня коснутся с такой отчаянной потребностью, не почувствую ту грань между болью и удовольствием, которую он мне показал, не отпущу и не отдамся всему, чего он научил меня жаждать, заставляет меня чувствовать желание разрыдаться, как будто я теряю что-то, в чем я не знала, что мне нужно. И все же... Я не могу любить такого мужчину, как он. Я не могу отдавать ему себя добровольно, ночь за ночью, и при этом чувствовать себя хорошо, вообще чувствовать себя собой. Это невозможно. Если он не изменится, то не сможет измениться и брак, о котором мы мечтаем. Но когда я поднимаюсь наверх, чтобы подготовиться ко сну, я не могу перестать думать об этом. Я чувствую, как желание дрожит во мне, как наркоман, нуждающийся в еще одной дозе. Все, что я могу представить, это его жестоко красивое лицо, когда он наказывает меня, когда он делает со мной вещи, которые, я и представить не могла, могли меня возбудить или доставить удовольствие.

— *Еще лишь раз*, — думаю я про себя, отчаянно пытаюсь найти этому объяснение. Еще раз, говорю я себе. Еще один раз, и ты сможешь наслаждаться каждой секундой этого без чувства вины. И больше никогда.

Мой выбор. Мое решение. В глубине души я не знаю, становится от этого лучше или хуже, что это значит для меня и кто я как личность. Все, что я знаю, это то, что мне нужно испытать, что мой муж может сделать со мной, полностью, по моей собственной воле. Только один раз. А потом я воздвигну свои стены и никогда не оглянусь назад. Я никогда больше не позволю ему так ко мне прикасаться.

Поэтому вместо того, что я обычно надеваю в постель, я переодеваюсь в короткую клюквенно-красную комбинацию из шелка с тонкими бретельками на плечах и кружевными накладками, покрывающими грудь и верхнюю часть бедер. Я оставляю свои волосы длинными и распущенными, и когда я слышу шаги Виктора на лестнице, я опускаюсь на колени перед камином, чувствуя, как колотится мое сердце, когда я опускаю глаза, сцепив руки на коленях. Насколько я знаю, он хотел бы меня такой, если бы я планировала подчиниться ему.

Это именно то, что я намереваюсь сделать... только на сегодняшний вечер.

Дверь открывается, и я слышу его шаги, когда он входит в комнату. Я слышу его прерывистое дыхание, то, как он замирает, когда останавливается передо мной, и я знаю, что он смотрит на меня сверху вниз. Я почти слышу, как колотится мое собственное сердце, мой пульс в горле, пока я жду, когда он что-нибудь скажет. До этого момента мне не приходило в голову, что он может быть настолько недоволен мной после нашего сегодняшнего разговора, чтобы отказать мне и сказать мне, что я никому не нужна. Я не знаю, что я буду делать, если это случится. Это только сегодня вечером. После сегодняшней ночи...

После сегодняшней ночи я никогда не смогу позволить себе сделать это снова. Я знаю это без тени сомнения. Что означает, что это тот самый единственный момент истины. В последний раз я позволю себе открыться своему мужу, позволю себе желать его, прежде чем я полностью закрою эту часть себя. Прежде чем я позволю той части меня, которая хочет, вожделеет, умереть навсегда.

У меня не может всего. Это совершенно ясно. И я не могу вечно жить в этом промежутке.

— Означает ли это то, что я думаю, Катерина? — Голос Виктора раздается надо мной, глубокий и грубый, и я слышу в нем жар. Необходимость. Он хочет меня, хочет того, что я

ему предлагаю, и скачок моего сердца в груди говорит мне, что на сегодняшний вечер это было правильное решение. Когда грядущими ночами в моей постели будет холодно и одиноко, я смогу сохранить это воспоминание, по крайней мере, когда я захочу чего-то, чего у меня больше никогда не будет, ночи, когда мы оба дали друг у другу именно то, что хотели, и я полностью подчинилась ему по собственной воле.

— Да, — шепчу я, мой голос звучит тише, чем я хотела. — Да, это так.

— Я сделаю с тобой сегодня все, что захочу, если это так, — грубо говорит он, его акцент усиливается, и у меня по спине пробегают мурашки. — Все, что угодно, пожалуйста, Катерина. Ты понимаешь?

Я киваю.

— Скажи это вслух, принцесса.

— Да, Виктор.

— Да, сэр.

— Сэр — я шепчу это слово вслух, и оно витает между нами, заставляя меня дрожать от желания.

— Хочешь стоп слово, чтобы остановить все, если это станет слишком?

Одно это предложение заставляет меня задуматься, потому что Виктор никогда раньше не делал ничего, кроме того, что брал то, что хотел. Я обдумываю это, всего на мгновение, потому что я знаю, каким жестоким он может быть, как грубо он может взять меня, если это доставит ему удовольствие, и я думаю, что это могло бы доставить ему удовольствие сегодня вечером. Но я хочу знать, как далеко заходит эта кроличья нора, какой она была бы, если бы между нами не было преград, когда мы оба давали и получали именно то, что хотим.

— Нет, сэр, — шепчу я, все еще не поднимая глаз. — Я не хочу этого.

Виктор на мгновение замолкает, а затем я слышу, как он глубоко вздыхает.

— Тогда встань, принцесса. У тебя есть мое разрешение.

Я медленно встаю, мои колени чувствуют слабость. Мне кажется, что я едва могу дышать, мое сердце колотится от предвкушения, и я все еще не поднимаю на него глаз, ожидая его следующих инструкций.

— Подойди к кровати и положи руки на матрас.

О боже. Я знаю намек на то, что будет дальше, какая форма наказания, и я не знаю, напугана ли я, возбуждена или и то, и другое вместе. Я медленно подхожу к кровати, уже чувствуя влагу на бедрах, пульсация между ними говорит мне, насколько это меня заводит. Грубость Виктора возбуждала меня и раньше, но что-то в этом, в том, что я добровольно подчиняюсь ему, сделало меня более влажной, чем я когда-либо была в прошлом. Я чувствую боль там, и все, чего я хочу, это чтобы он прикоснулся ко мне, чтобы его руки или рот прошлись по моему пульсирующему клитору и доставили мне удовольствие, которого я уже жажду. Но я знаю, что до того, как это произойдет, еще есть время. Я знаю, что он вытащит это наружу, заставит меня умолять, и что-то в этом еще более возбуждающее.

Я наклоняюсь вперед, кладу руки на матрас и чувствую, как шелк моей комбинации поднимается по задней части моих бедер, обнажая нижнюю часть ягодиц. Я слышу одобрительный шепот Виктора, когда он пересекает комнату, чтобы встать у меня за спиной, его тепло так близко, что почти кажется, будто он прикасается ко мне. Я лучше, чем когда-либо прежде, осознаю его физическое присутствие, насколько он велик, насколько силен. От этого по мне пробегает еще одна электрическая дрожь, и Виктор хихикает.

— Ты ужасно хочешь меня, не так ли, принцесса? Ты должна, предложить себя вот так. — Его голос становится глубже, и я слышу, как в нем нарастает жар. — Заведи руку за спину и приподними эту накладку, чтобы я мог увидеть твою задницу. Я надеюсь, ради твоего же блага, что на тебе нет трусиков, принцесса.

Я вздрагиваю, но следую его инструкциям. Я тянусь к кружевному подолу, задирая его так, чтобы он мог видеть, что на самом деле под ним на мне такие же стринги.

Виктор издает звук скольжения, его рука ласкает изгиб моей задницы.

— Непослушная девчонка, — бормочет он. — Настоящий сабмиссив был бы обнажен передо мной. Но я не могу злиться, чтобы наказать мою принцессу. Он тянется к шнурку трусиков, и когда он стягивает их вниз, его пальцы касаются ластовицы, вызывая у него еще один мрачный смешок. — Они промокли насквозь. — Он хмыкает, и я слышу неприкрытое желание в его голосе. — Ты уже истекаешь для меня, а я даже не прикоснулся к тебе. Посмотри на меня, принцесса.

Я не хочу этого. Я чувствую, как жар ползет вверх по моей шее и щекам, смущение от того, какая я влажная, от того, как сильно мое тело жаждет, чтобы он овладел мной. Но я согласилась на это, даже попросила об этом, и я упустила любой шанс на стоп-слово. Все, что осталось, это подчиниться или столкнуться с последствиями.

Выбор, тот, который я сделала. Это все, чего я хотела, все, чего я хочу.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на своего мужа. Его глаза темные и горячие, лицо, напряженное от желания, жестоко красивое, как всегда. Мои трусики скомканы у него в кулаке, и пока я смотрю, он подносит их к носу, глубоко вдыхая мой запах. Я чувствую, как при этом мое лицо вспыхивает, становится красным, и по его улыбке я вижу, что он сделал это намеренно, что он точно знает, как это повлияет на меня.

— Открой свой рот, принцесса.

О боже. О боже, нет. Я морщусь от этого, но выражение его лица не оставляет места для возражений, как я и знала, что их не будет. И вот я приоткрываю губы, открывая рот только для того, чтобы он протянул руку и протолкнул влажный шелк внутрь.

— Когда ты стонешь для меня, ты можешь стонать, ощущая вкус своей собственной сочащейся киски, — рычит он с сильным и грубым акцентом, ясно по-русски. Это возбуждает меня так, как, я знаю, не должно. Тем не менее, это так отличается от всего, что я знала до Виктора, от всего, чего я когда-либо ожидала. Не утонченный и не элегантный, как мужчины, с которыми я выросла. Мой муж, жестокий и неотесанный, лидер Братвы, их Пахан, их Уссурийский Медведь. Мужчина, которого нужно уважать и бояться, иначе он съест тебя живьем и насладится этим. Мужчина, которого я хочу, именно из-за его грубости, из-за того, как он пугает меня и возбуждает одновременно, из-за того, что он одновременно жесток и нежен.

Виктор проводит чем-то по моей заднице, затем другой рукой, чем-то прохладным и мягким, и я поворачиваюсь посмотреть. Он поднимает инструмент, и я тихо ахаю. Это кожаный флоггер, хвосты длинные и мягкие на вид, но я могу только представить, что они не будут мягкими, когда он ударит им по моей коже. Меня снова пробирает дрожь, и Виктор улыбается.

— Это будет в новинку для тебя, принцесса. Но помни, ты согласилась позволить мне делать то, что я хочу. — Он касается моей руки. — Подними это и держи свою прелестную задницу обнаженной для меня, или я накажу тебя дважды.

Я киваю, тяжело сглатываю, пробуя себя на вкус. Он проводит рукой по моей пояснице,

надавливая вниз.

— Раздвинь эту задницу для меня, принцесса. Покажи мне, как сильно ты хочешь, чтобы тебя научили. Насколько сильно ты хочешь, чтобы я наказал тебя за то, что ты разговаривала со мной так, как раньше? За дерзость. Покажи мне, как ты хочешь подчиниться.

Меня почти трясет от желания, и я чувствую, какая я влажная, мои бедра липкие от этого, когда я повинуюсь, выгибая спину, чтобы я знала, что он может видеть все это, мою голую задницу, края моей розовой, набухшей киски, сочащейся от потребности в нем. Мои пальцы сжимают шелк моей комбинации. Я чувствую, как они слегка дрожат, когда Виктор заходит мне за спину, прохладный воздух обдувает мою задницу, когда он опускает флоггер, и мягкие кожаные фалды щелкают по моей коже, ударяясь о левую ягодицу.

Я ахаю, резкий треск обжигает, когда он опускает его снова, на этот раз с другой стороны. Он хлещет меня с непринужденной эффективностью, хвосты ударяют по каждой стороне моей задницы и спускаются к ее изгибу, задевая верхнюю часть моих бедер, снова и снова, пока я чувствую, как жар разливается по моей коже. Сначала это была просто боль, просто покалывание, которое с каждым ударом становилось ярким, острым и все болезненнее, распространяясь вниз по моим бедрам. Но по мере того, как это продолжается, я чувствую, что это начинает превращаться в удовольствие, этот жар согревает мою кожу, превращается в сияние, от которого моя спина выгибается дугой, а бедра раздвигаются шире.

— Вот так, принцесса, — рычит Виктор, делая паузу, чтобы снова провести флоггером по моей краснеющей плоти. — Раздвинь эту великолепную задницу для меня. Ты хочешь этого, не так ли, малышка? — Его голос заставляет меня дрожать от желания, грубый и полный неизбежной потребности, которая только усиливает мою собственную. Я могу сказать, насколько он возбужден, и внезапно понимаю, что для него это тоже упражнение в самоконтроле, растягивающее наказание, когда он заставляет себя ждать, чтобы взять меня, упиваясь собственным удовольствием. — Еще, — бормочет он, проводя флоггером по моей коже. — Да, ты можешь взять больше. Не так ли, моя принцесса?

На этот раз он говорит это по-английски, и я киваю, мои пальцы вцепляются в одеяло, когда я чувствую, как сжимаюсь, моя мокрая киска ноет, нуждаясь в наполнении. Нуждаясь в том, чтобы быть заполненной им.

Но я не готова умолять. Не совсем еще.

Виктор начинает снова, флоггер ударяет меня по заднице в ритмичном ритме, который, я знаю, оставит следы завтра, часть меня испытывает горячий трепет при этой мысли, что я не смогу сидеть, двигаться или делать что-либо в течение дня или двух, не чувствуя напоминания о его наказании и обо всем, что последует. Я чувствую, как нарастает мое возбуждение, мое сердце бешено колотится в груди, и я хватаюсь за кровать, задыхаясь, когда чувствую, что соскальзываю в то место, где мне почти кажется, что я парю.

— Ты пока не можешь кончить, принцесса, — бормочет Виктор. Еще один трепет пронзает меня, понимая, что он может видеть, как близко я к краю, что он достаточно созвучен моему телу, чтобы знать, что я чувствую первые толчки, пробегающие по мне, угрожающие опрокинуть меня в содрогающийся оргазм. — Нет, пока я не скажу.

Я стону от этого, прижимаясь лицом к пуховому одеялу, когда чувствую, что снова сжимаюсь, жажду удовлетворения, которого нет, трения, которого я не могу получить. Я даже не могу прижаться к кровати, он расположил меня таким образом, что я не могу дотянуться до нее, и я знаю, что это нарочно.

— Ты готова к большему, малышка? — спрашивает он. Я киваю, затаив дыхание, задаваясь вопросом, о чем он говорит. Я никогда раньше не слышала, чтобы он называл меня так, и то, как он произносит это, звучит почти нежно, без едкого сарказма, который я слышу, когда он называет меня принцессой. Это кажется более милым, как настоящее ласкательное имя.

Мне это не должно нравиться. Я должна сопротивляться всему, что кажется любовью или нежностью между нами, что могло бы сблизить нас вместо того, чтобы сохранять дистанцию, на которой, я знаю, я должна настаивать, но в этот момент это посылает через меня прилив удовольствия, моя грудь сжимается при звуке его голоса, шепчущего ласковое имя, ласкающего меня.

Я снова слышу свист флоггера, но на этот раз он попадает не по моей заднице. Виктор поднимает его между моих ног, хвостики ударяют меня сразу по нескольким местам, внутренней поверхности бедер, мягким складкам моей киски, почти задевая мой клитор. Я почти кричу от смешанной боли и удовольствия, одеяло приглушает звуки, когда Виктор снова взмахивает им.

— Раздвинь ноги, принцесса, — приказывает он. — Шире. Дай мне посмотреть, насколько ты возбуждена для меня, на твой набухший клитор. Вот так, красивая, — стонет он, и флоггер снова замахивается.

На этот раз он приземляется прямо на мою киску, едва задевая внутреннюю поверхность бедер, когда шлепает по моим пухлым, намокшим внешним складкам, поднимаясь вверх, чтобы ударить по моему клитору. На этот раз я действительно кричу, несмотря на трусики во рту, утыкаясь лицом в одеяло и впираясь пальцами в кровать. Дрожь во всем теле пробегает по мне, каждый мускул чувствителен, который я напрягаю, чтобы не кончить.

— Нет, принцесса, — приказывает Виктор. — Я хочу услышать твое удовольствие и твою боль. Не отказывай мне в том, чего я хочу, или твое наказание будет длиться гораздо дольше, прежде чем я позволю тебе освободиться. — Затем он наклоняется, поворачивает мою голову в сторону, берет шелк у меня во рту и выдергивает его, не оставляя ничего, что могло бы приглушить звуки.

О боже. Я больше не могу держаться. Я дрожу от желания, мое тело сотрясается от усилий, мое возбуждение скользит по внутренней стороне бедер, истекая от потребности кончить.

— Кто-нибудь услышит, — шепчу я, мой голос дрожит, щеки пылают от смущения при этой мысли. Здесь целый штат прислуги, не говоря уже о всех, кого мы знаем, которые живут с нами этажом ниже. Любой из них может слышать...

— Мне все равно, — хрипло говорит Виктор. — Пусть они слышат. Что важно, так это то, что я хочу это услышать, малышка. Твои крики, твои стоны, твои вопли удовольствия. — Его рука гладит изгиб моей задницы, спускается по бедру, так дразняще близко к тому месту, где мне это нужно. — Мало что возбуждает меня так, как звуки, которые ты издаешь, когда я наказываю тебя, принцесса. — Он сжимает в горсти мою задницу, плоть покалывает в его хватке. — За исключением, возможно, звуков, которые ты издаешь, когда кончаешь.

Черт. Его глубокий, рычащий голос с сильным акцентом вызывает во мне трепет удовольствия, который почти сводит меня с ума. Я не знаю, как я могу больше терпеть, сколько еще я смогу продержаться, прежде чем развалюсь на части, независимо от того, даст он мне разрешение или нет. Когда он отступает, и я знаю, что будет дальше, я прерывисто

вздыхаю, говоря себе, что смогу продержаться еще немного. Я могу удержаться от оргазма еще всего несколько секунд. Конечно, он позволит это, если я доставлю ему удовольствие. И я знаю, что это доставляет ему удовольствие.

На этот раз я не заглушаю свой крик, когда флоггер ударяет меня между бедер. Хвостики щелкают по моему клитору, жгучее удовольствие разливается между моих бедер, и я слышу стон удовольствия Виктора, когда он снова взмахивает им, и моя спина выгибается, с моих губ срывается еще один крик.

— Пожалуйста! — Я задыхаюсь, чувствуя, что не могу вынести этого ни секундой дольше. — Пожалуйста, Виктор, я больше не могу...

— Чего больше не можешь? — Он натягивает фалды на мою задницу, и я чувствую, что они мокрые от моей киски, кожа намочена от того, насколько я возбуждена. — Скажи мне, малышка, что тебе нужно?

— Я...о, Виктор, пожалуйста...

— Скажи это. — Его голос глубокий и угрожающий. — Скажи это, или я буду хлестать твою киску до тех пор, пока ты не сможешь остановиться, принцесса, а затем я накажу тебя за то, что ты кончила без разрешения. Пройдет много времени, прежде чем ты получишь удовольствие от моего члена, если ты вообще его заслужишь, если только ты не будешь умолять так, как, я знаю, ты можешь.

О боже. В этот момент ничто не звучит хуже, чем пустой оргазм без его прикосновений ко мне, за которым следует отказ во всем остальном. Мне нужно кончить, но больше всего на свете мне нужно кончить с ним, наполняющим меня, с трением о мой клитор и его толстым членом, толкающимся в меня, и я готова сказать все, что он хочет, если я могу это получить. Кроме того, разве я не пришла сюда сегодня вечером с намерением изучить это до конца?

— Мне нужно кончить, — шепчу я, задыхаясь. — Мне это так нужно, пожалуйста, заставь меня кончить, Виктор, пожалуйста, позволь мне, мне это нужно...

Я задыхаюсь, слова перекрывают друг друга, и я почти рыдаю от облегчения, когда слышу, как флоггер падает на пол.

— Хорошо, малышка, — грубо напевает Виктор. — Я дам тебе то, что тебе нужно. Я заставлю эту киску кончить для меня...

— Да, о боже, да, пожалуйста... — Я прижимаюсь лбом к одеялу, еще одна дрожь пробегает по мне, когда я чувствую, как мое тело сильно сжимается, жаждущее его члена. Я ожидаю услышать звук его молнии, почувствовать, как его набухший кончик прижимается ко мне, и это предвкушение больше, чем я могу вынести. Но, к моему полному шоку, это совсем не то, что происходит.

Я задыхаюсь, когда Виктор опускается на колени позади меня, его руки сжимают покрасневшую, покалывающую спинку моих бедер, когда он наклоняется вперед, вдыхая.

— Блядь, ты такая влажная, принцесса, — стонет он. — Такая влажная для моего члена. Но не сейчас. Ты так хорошо приняла свое наказание, что, думаю, сначала я заставлю тебя кончить вот так.

И затем, когда он опускается на колени позади меня, я чувствую, как его горячий язык скользит по моему клитору.

— Виктор! — Я выкрикиваю его имя, вздох потрясенного удовольствия срывается с моих губ, когда я выгибаюсь назад, его рот прижимается к набухшим складкам моей киски, когда он проводит языком от моего клитора к входу, кончик его языка на мгновение

погружается внутрь, поглощая мое возбуждение, а затем возвращается к моему клитору, где я пульсирую для него, отчаянно нуждаясь в его прикосновениях.

Я забываю о любых мыслях о смущении или сдерживании. Я забываю обо всем этом, лишь удовольствие, которое дарит мне Виктор, растекающиеся по моему телу, когда я выгибаюсь назад, терзаясь о его лицо, отчаянно желая большего от его горячего, влажного, ласкающего языка на моем клиторе, подводящего меня к кульминации, в которой я так сильно нуждаюсь. Это так приятно, его руки сжимают мои бедра, притягивая меня обратно к своему лицу, пока он пожирает меня. Я никогда не представляла, что мужчина может есть меня вот так, голодно и страстно, как будто вкус, аромат и звуки меня, моего удовольствия управляют его собственным.

— О боже, Виктор! — Я кричу, чувствуя, как напрягается мое тело, тугой узел удовольствия глубоко внутри меня начинает развязываться, мои бедра дрожат, когда он сжимает их, раздвигая мои ноги, его язык ласкает мой клитор, когда я брыкаюсь ему в лицо. — Черт возьми, я иду, Виктор!

Я громко стону, издаю долгий, беспомощный звук чистого удовольствия, который заканчивается звуком, почти воплем, когда я жестко кончаю на его язык, прижимаясь к нему, и мое возбуждение изливается на его язык. Я знаю, что его лицо, должно быть, пропитано им, но он только крепче прижимается ко мне своим ртом, облизывая меня быстрыми-длинными движениями, которые, как он знает, сводят меня с ума, доводя до оргазма, когда я извиваюсь на кровати. И затем, как только кульминация начинает замедляться, он резко встает, и я слышу звук, с которым он быстро расстегивает ремень и расстегивает молнию, осознание того, что он собирается сделать, вызывает во мне еще одну волну удовольствия. Его рука лежит на моем бедре, удерживая меня, его пальцы прижаты к моей коже, когда он вытаскивает свой член, и у меня есть всего мгновение, чтобы ощутить густой, набухший жар его головки, вдавливающейся в мои складки, прежде чем он толкается вперед, заполняя меня одним жестким движением, которое погружает его по самую рукоять.

— Блядь! — Громко ругается Виктор, хватая мои бедра обеими руками и снова врезаясь в меня. — Черт возьми, принцесса, эта гребаная киска... — рычит он, толкаясь сильно и быстро, в то время как я сжимаюсь вокруг него, все еще трепеща от толчков моего оргазма. — Такая тугая, такая влажная, черт, ты так хороша. — Он делает глубокий, прерывистый вдох, слегка замедляя свои толчки, пока его бедра покачиваются напротив меня. — То, как ты сжимаешь меня, когда кончаешь, малышка, так чертовски хорошо.

Он нажимает рукой между моими лопатками, вдавливая меня в матрас, удерживая меня там, пока он берет меня длинными, жесткими движениями, которые заполняют меня полностью с каждым толчком, посылая толчки удовольствия по моему телу. Это так приятно, как ничто другое, с чем я когда-либо сталкивалась. Виктор знает, как играть на моем теле, как на прекрасном инструменте, как трогать и ласкать, целовать и вылизывать, наказывать и трахать меня, пока я не закричу от удовольствия, как заставить меня хотеть отдать ему все, независимо от того, насколько неправильно я это чувствую. Он делает это сейчас, заставляя меня усомниться в моем намерении сделать это только на одну ночь, подумать о том, как мы могли бы сделать это снова, о причинах, которыми я могла бы поделиться с ним. Этого достаточно, чтобы мне почти захотелось, чтобы он поторопился и пришел, чтобы мы могли закончить, чтобы я могла оставить это позади, пока не потеряла решимость. Я чувствую, что он близко, его бедра дергаются, когда он входит в меня, трахая меня так тщательно, как я и предполагала, что он это сделает.

Но затем, внезапно, он замедляется, стон срывается с его губ, когда его руки скользят вниз по моим бокам, к талии, и я слышу, как он стонет.

— Черт, я близко. — Он толкается еще раз, вытаскивая свой член из меня дюйм за дюймом в медленном скольжении, которое заставляет меня вскрикнуть, а затем вонзается в меня на всю длину. — Я мог бы затопить твою сладкую киску своей спермой прямо сейчас...

— О боже, Виктор... — стону я в одеяло, чувствуя, как дергаюсь и содрогаюсь от его слов, тоже на грани очередного оргазма.

— Нет, — шепчет он. — Я хочу большего.

Еще? Что он имеет в виду под "больше"? На минуту мне кажется, что он собирается трахнуть меня в задницу, и это вызывает во мне прилив адреналина. Мне не нравится ощущение его в моей заднице, но чувство полной покорности возбуждает меня, и я знаю, что он может заставить меня кончить снова. Он уже доводил меня до оргазма своим членом в моей заднице раньше, и я знаю, что он сделал бы это снова, если бы захотел сегодня вечером. И это последняя ночь, когда я намерена позволить ему выйти сухим из воды, если он этого хочет.

Виктор выходит, и внезапное ощущение пустоты, которое он оставляет после себя, заставляет меня беспомощно застонать, моя задница выгибается вверх, желая, чтобы он снова был внутри меня. Он хватается меня за талию и прежде, чем я понимаю, что происходит, он переворачивает меня на спину. У меня есть всего мгновение, чтобы вздрогнуть от ощущения, как вышитое пуховое одеяло царапает свежие рубцы на моей заднице и бедрах, когда он толкает меня назад, прежде чем схватить за икры, раздвигая мои ноги, когда он перемещает меня так, что моя задница оказывается на самом краю кровати.

Он выглядит таким красивым, что я едва могу это выносить. Его темные волосы взъерошены, голубые глаза сияют на точеном лице, напряженном от удовольствия. Я вижу, как мускулы его рук напрягаются под рубашкой, его брюки расстегнуты, чтобы показать твердую, пульсирующую длину его члена, торчащего из v-образного выреза ширинки. У меня возникает внезапное, отчаянное желание видеть его всего в эту единственную ночь, когда я позволяю себе наслаждаться своим мужем так, как мне заблагорассудится.

Он на грани того, чтобы снова войти в меня, его член нависает над моей мокрой, ноющей киской. Я подталкиваю себя руками, с хрустом садясь, когда тянусь к его рубашке.

— Что... — Виктор смотрит на меня сверху вниз, на его лице удивление и даже проблеск раздражения из-за того, что его прервали, но я игнорирую это.

— Я тоже кое-чего хочу, — бормочу я, поднимая на него глаза и встречая его яркий, похотливый взгляд впервые с тех пор, как мы начали это сегодня вечером. — Я хочу тебя видеть.

Трудно расстегнуть пуговицы на его рубашке. Мои пальцы дрожат, но мне удается высвободить их, стягивая рубашку с его плеч, так что рубашка падает на пол и оставляет обнаженными все его мускулистые руки и грудь, вплоть до твердой плоскости живота, темные волосы там, от которых у меня текут слюнки, спускаются к члену, который почти угрожающе направлен туда, где я в нем больше всего нуждаюсь. Это более эротично, чем то, что он полностью обнажен, просто без рубашки и с расстегнутыми штанами, чтобы показать свой пульсирующий член. Я смотрю на него снизу вверх, когда наклоняюсь, обхватывая рукой его скользкую от моего возбуждения длину, чтобы погладить его, долго и медленно.

Виктор стонет, откидывая голову назад, когда я крепче сжимаю его член, и когда он

снова смотрит на меня сверху вниз, в его глазах появляется озорной блеск.

— О, так ты тоже хочешь подразнить меня, жена? Возможно, ты уже забыла, кто здесь главный.

Я бесстрашно встречаю его пристальный взгляд, мой рот кривится в улыбке, которую трудно сдержать, когда я сжимаю его член, моя ладонь потирает скользкий кончик и заставляет его с шипением втягивать воздух.

— Тогда напомни мне, муж.

Виктор толкает меня назад, положив одну руку мне на грудь, расположенную между моими грудями, когда он нависает надо мной, его член толкается между моих раздвинутых бедер. Мои ноги без раздумий обвиваются вокруг его бедер, моя спина выгибается, когда он жестко входит в меня, и я вскрикиваю, его член погружается до самой рукоятки, когда он наклоняется вперед.

— Ты сейчас чересчур разодела, — бормочет он. — И я тоже хочу тебя видеть.

Я ожидаю, что он снимет с меня сорочку, стянет ее вверх по телу и через голову, но вместо этого он хватается за кружевной вырез, и я ахаю.

— Виктор...

Он не говорит ни слова, только сжимает комбинацию обеими руками, и пока я смотрю на него сверху вниз, он дергается в противоположных направлениях, его бедра качаются вперед, погружая свой член в меня, когда он разрывает одежду на части. Шелк раскрывается с влажным звуком рвущейся ткани вплоть до моего живота, ткань сползает вбок, обнажая мою грудь, мои соски твердеют под горячим взглядом Виктора. Его руки немедленно ложатся на мои груди, сжимая их, когда он длинными, размеренными движениями вводит и выводит из меня свой член, так что я чувствую каждый дюйм его тела.

— Да... это то, чего я хотел, — бормочет он. — Я хотел посмотреть на тебя, принцесса, увидеть мою прекрасную жену, когда я трахаю тебя. Твои груди... — Его рука скользит по ним, ладонь потирает мои соски, спускается к животу. — Твое тело... твоё лицо. — Его ладонь поднимается, обхватывая мою щеку, и я издаю тихий звук, что-то среднее между стоном и криком.

Я так сильно беспокоилась о том, что Виктор не найдет меня красивой, с рубцами и шрамами такой, какая я есть. Я выбрала нижнее белье сегодня вечером с учетом этого, прикрыв худшие отметины на груди и животе, предполагая, что он не будет слишком сильно обращать внимание на те, что у меня на бедрах. Но ему все равно. Он прикасается ко мне, как к бесценному произведению искусства, поглаживая мои груди и живот, талию и бедра, его руки сжимают то, что осталось от шелка, когда он снова погружает свой член в меня и удерживается там, покачиваясь напротив меня, пока он разрывает его до конца, так что меня ничего не прикрывает, ничего, кроме моего тела, лежащего обнаженным в луже темно-красного шелка, извивающегося под ним, когда он доставляет мне удовольствие своим членом.

— Такая красивая, — бормочет он. — Моя красивая малышка.

Внезапная нежность в его голосе вызывает дрожь по моему телу, покалывание искрами пробегает по моей коже, его руки скользят вверх по моим бедрам, чтобы схватить мои икры и развести мои ноги в стороны, закидывая их себе на плечи, когда он входит в меня снова и снова.

— Кончи на меня снова, малышка, — бормочет он, его рука проникает мне между ног, раздвигая мои складки, чтобы он мог поиграть с моим клитором. — Смотри, как я трахаю

тебя, и кончай на меня.

Раздвинувшись так, как я есть, я вижу это, как его огромный член снова и снова раздвигает меня, мощно толкаясь в меня, когда он перекатывает мой клитор между пальцами, подводя меня к самому краю кульминации. Другой рукой он сжимает мою икру, и я чувствую, как его взгляд жарко скользит по моему телу, пожирая меня глазами так же, как он делал это своим ртом ранее, подталкивая меня к очередному оргазму.

— Виктор! — Я выкрикиваю его имя, когда оно обрушивается на меня, ощущение его члена, заполняющего меня, и его пальцев на моем клиторе слишком сильное. Я никогда не видела ничего более эротичного, чем мой великолепный муж между моих бедер, трахающий меня до очередного оргазма и напевающий мне что-то по-русски. Стыд, который я испытываю из-за того, что это так возбуждает меня, из-за того, как мое тело так легко откликается на него, преодолевается бесконечным, ослепляющим удовольствием, которое охватывает меня. Это выгибает мою спину и заставляет меня вцепиться в одеяло, моя голова откидывается назад, когда я кричу, постанывая и выдыхая его имя. Я чувствую, как он вздрагивает и пульсирует внутри меня, его бедра дергаются, когда он внезапно отпускает мою ногу. Он убирает руку между моих бедер, его тело подается вперед, когда он хватается мое лицо в ладонях, и его рот обрушивается на мой в обжигающем поцелуе, он содрогается рядом со мной, поглощая мои крики, когда я выгибаюсь ему навстречу, ощущение плоти к плоти только усиливает то, что осталось от моего оргазма.

— Я собираюсь кончить, — стонет он в мои губы. — Блядь малышка, Катерина, блядь, малышка моя красивая...блядь...

Слова путаются, переходя в еще один стон, когда он снова крепко целует меня, его мускулистое тело прижимается к моему, и я чувствую, как он пульсирует внутри меня. Я чувствую это, когда он кончает, горячий и густой, заполняющий меня, когда он снова толкается, его бедра сильно раскачиваются напротив меня, пока он извергается. Кажется, что это длится вечно, мои ноги обвиваются вокруг его бедер, когда он целует меня, его язык переплетается с моим, когда он втирает в меня свой член так глубоко, как только может, пульсируя, его сперма наполняет меня, пока я не чувствую, как она уже вытекает из меня вокруг его ствола, липкая на моей коже.

Он удерживает себя там, когда я перестаю дрожать вокруг него, когда его член начинает смягчаться, а его губы все еще касаются моих. Я ерзаю под ним, чувствуя, как он обмякает, но он снова целует меня, его рука скользит вниз между моих бедер, где был его член, и прикрывает мой вход.

— Я хочу, чтобы моя сперма была внутри тебя, малышка, — бормочет он, продолжая целовать меня, его язык скользит по моей нижней губе. Я чувствую, как его пальцы прижимаются к моему входу, выталкивая сперму, которая угрожает вытечь из меня. — Я хочу сделать тебе ребенка, принцесса, нашего маленького принца.

— Я... — Я смотрю на него, тяжело сглатывая. — Я не знаю...

— К черту то, что сказал врач, — рычит Виктор мне в губы, его пальцы все еще прижимаются к моему входу, толкаясь в меня, загоня всю эту густую, горячую сперму глубже в меня. — Я хочу, чтобы каждая капля моей спермы вошла в тебя, пустив корни. Я хочу, чтобы ты наполнилась ею. — Я чувствую, как он уплотняется у моей ноги, даже когда он говорит это, его мягкий член набухает. Теперь его пальцы двигаются, почти трахая меня, тыльная сторона его ладони прижимается к моему клитору, и я тихо ахаю. — Малышка, это приятно, не так ли? — Он напевает это мне в губы, постанывая, когда чувствует, как я

сжимаюсь вокруг его пальцев, удовольствие разливается по моей коже. — Так и есть. — Его рука движется против меня, терзая мой клитор, когда его пальцы начинают толкаться, извиваясь внутри меня, проталкиваясь глубже. — Кончи для меня снова, принцесса, со всей этой спермой глубоко внутри тебя. Да, блядь, ты такая чертовски тугая даже сейчас, да.... — Теперь он тверже, его член поднимается, когда он трахает меня пальцами до очередного оргазма, толкая их глубже, и моя киска сжимается, засасывая его и его сперму глубже, когда мои бедра выгибаются вверх, жадные до очередного оргазма.

Его оргазм должен был положить этому конец, но я не могу сказать ему остановиться. Я хочу большего, больше удовольствия, больше его внутри меня, больше. Это так приятно, и когда он сильнее надавливает на мой клитор, его рот захватывает мой, и он целует меня горячо и сильно, а я не могу сопротивляться.

Я вскрикиваю у его губ, мое тело мягкое, открытое и податливое для него, готовое ко всему удовольствию, которое он готов мне доставить. Я протягиваю руку, мои пальцы в его волосах, когда он заставляет меня кончить в очередной раз, и я еще сильнее притягиваю его рот к моему, мое тело перекачивается набок, чтобы прижаться к нему, когда я выгибаюсь под его рукой. Виктор рычит мне в губы, его член снова тверд, как камень, напротив моего бедра.

— Ты хочешь еще, принцесса? — Он прикусывает мою нижнюю губу, вытаскивая из меня свои пропитанные спермой пальцы, чтобы снова перевернуть меня на спину. — Тогда позволь мне наполнить тебя снова.

7

ВИКТОР

Катерина сводит меня с ума.

Последнее, чего я ожидал, когда поднялся сегодня вечером наверх, это увидеть свою жену в нижнем белье, стоящую на коленях на полу для моего удовольствия, готовую и желающую подчиниться мне. Я никогда бы этого не ожидал если серьезно, не от Катерины.

Я также не ожидал, что за этим последует, что она так полностью подчинится, примет флоггер и будет умолять меня позволить ей кончить. Ее сладкие мольбы почти уничтожили меня, но я хотел попробовать ее на вкус, поглотить ее киску и заставить ее кончить мне на лицо. Чтобы почувствовать, насколько полностью она может отдаться мне, когда решила позволить себе свое удовольствие.

Я не знаю, почему Катерина решила сдаться, почему она перестала бороться со мной. Но я не могу заставить себя беспокоиться. Моя жена на коленях по собственной воле, моя жена склонилась над кроватью для своего наказания, моя прекрасная Катерина раздвигает ноги и просит мой язык и мой член, это за гранью эротики. Это за гранью возбуждения. Это лучший гребанный секс, который у меня был в жизни, и он вызывает привыкание. Мысль о том, чтобы потерять ее сейчас, потерять все это, немислима.

Я планировал взять ее сзади, кончить ей в задницу и полностью доминировать над ней, чтобы в полной мере воспользоваться ее готовностью подчиниться мне. Но где-то в середине этого, между тем, как она бесстыдно выплескивала свой оргазм мне на лицо, и удовольствием от того, что мой член погрузился в нее, я потерял свой гребанный разум. Это единственное объяснение тому, как я ее называл, тому, как я чувствовал, что мне нужно видеть ее обнаженное тело и ее лицо, смотрящее на меня, когда я трахал ее, больше, чем гребанный кислород. Мне нужно было видеть ее глаза, остекленевшие от удовольствия и отчаянно нуждающиеся во мне, нужно было, чтобы она была обнажена, целовать ее и

поглощать каждой частичкой себя, когда я трахал ее, а когда я кончил в нее, единственное, о чем я думал, был возможный результат того, что моя сперма затопит ее.

Катерина, беременна. Привязана ко мне, безвозвратно, навсегда. Моя. Моя блядь малышка.

Этого было недостаточно, чтобы удержать первую жену со мной, но я знаю, этого было бы достаточно, чтобы удержать Катерину. Даже мои собственные дети, те, которые не принадлежат ей по крови, являются частью того, что удерживало ее от бегства так долго. Я знаю это.

Наш ребенок сделал бы ее моей навсегда.

Мне показалось, что мной овладело что-то первобытное, что-то жестокое и неоспоримое. Я никогда не делал ничего подобного тому, что я делал с ней, удерживая свою сперму внутри нее, доводя ее пальцами до очередного оргазма, когда я проталкивал ее глубже внутрь нее, и я никогда не был возбужден этим. Для меня входить в женщину всегда было физическим удовольствием, а не психологическим. Но внезапно мысль о том, чтобы наполнить Катерину еще больше, затопить ее своей спермой до тех пор, пока она не сможет удержать больше ни капли, показалась мне возбуждающей самым глубоким, первобытным, собственническим образом. Моя. Моя, моя, моя. Эта мысль крутилась у меня в голове, когда я довел ее до очередного оргазма, ее возбуждения и моей спермы, покрывающей мои пальцы, когда я засовывал их в нее, и я внезапно снова стал твердым, как скала, почти до боли. И когда она выгнулась мне навстречу, терзая мою ладонь своим наслаждением, я не мог дышать от того, как сильно я хочу ее. Потому что она хочет меня. Несмотря на все ее попытки отказать нам обоим, отвергнуть меня, бороться со мной и притворяться, что она презирает меня, сегодня вечером все это ушло в небытие. Желание на ее лице и написано каждой частью ее тела, такое же обнаженное, как и она сама.

Я должен трахнуть ее снова.

Наполнять ее, отмечать ее, пока она не пропитается мной настолько, что никогда больше не освободится от меня.

— Ты хочешь большего, принцесса? — Спрашиваю я, покусывая ее нижнюю губу, когда она сжимает мои пальцы, наслаждаясь вкусом ее рта. Я вытаскиваю из нее свои пальцы, пропитанные нашей совместной спермой, и, перекатывая ее на спину, смотрю на нее сверху вниз, раскрасневшуюся, растрепанную и более красивую, чем я когда-либо видел ее. — Тогда позволь мне наполнить тебя снова.

Она ахает, глядя на меня, и я пользуюсь этой возможностью, чтобы засунуть пальцы ей в рот, скользя ими по ее языку, чтобы она могла попробовать на них себя и меня. Когда ее губы смыкаются вокруг них, напрягаясь, и ее язык слизывает нас с нее, я думаю, что могу сойти с ума от похоти. Всю свою жизнь я гордился своим самообладанием. В мире, полном грубиянов и жестоких мужчин, мужчин, движимых своими желаниями, насилием, похотью и яростью, я пытался быть человеком, который придерживается кодекса. Это не тот кодекс, который понятен всем, возможно, даже не тот, который является моральным, но, тем не менее, я за него цеплялся. Я отказывался пытать мужчин ради мести или удовольствия, убивать из чего угодно, кроме необходимости, трахать женщин, которые этого не хотели. Я никогда не изменял жене. Я взял за правило приходить домой каждую ночь, любить свою семью, править с уважением, когда это возможно, и бояться только тогда, когда это необходимо. Если я зол, каждый, кто знает имя Виктор Андреев, знает, что я милосерден до тех пор, пока это не так, и тогда никакая просьба или сделка не сможет вас спасти.

Я Пахан, Медведь, правитель своей территории, и это имя шепчут по всей России. И теперь один мужчина угрожает все это отнять, а одна женщина заставляет меня чувствовать, что я потерял всякий самоконтроль, который у меня когда-либо был. Всю свою жизнь я верил, что этот кодекс может стереть некоторые грехи, которые, я знаю, совершил, что он может уравновесить чаши весов. Но Катерина говорит мне, что этого недостаточно. Так же, как я требую ее подчинения мне, она требует кое-чего другого.

Она требует, чтобы я изменился.

И прямо сейчас, глядя на нее сверху вниз, когда ее полные губы обхватывают мои пальцы, а ее темные, остекленевшие от удовольствия глаза впиваются в мои, когда ее ноги обхватывают мои бедра, притягивая меня к себе во второй раз, я не могу не задаться вопросом, как бы это выглядело. Если есть способ сохранить ее и себя тоже.

Ребенок. С Катей это не сработало, но моя Катерина сильнее. Я увидел ужас на ее лице, когда я рассказал ей, что сделала первая жена. Если я подарю ей ребенка, она останется. И однажды она увидит, что добро, которое я пытаюсь сделать, перевешивает грехи, которые она не может вынести.

Она увидит, хотя первая жена не смогла.

Ее вздох, когда я толкаюсь в нее, почти сводит меня с ума. Я вижу удовольствие, написанное на ее лице, в каждой линии ее напряженного тела, когда она встречает мои толчки, выгибаясь вверх. Ее руки вцепились в одеяло, ее груди трясутся, когда она обвивается вокруг меня, трахая меня так же сильно, как я трахаю ее. Я чувствую, какая она влажная, мой член блестит каждый раз, когда я выскальзываю из нее от ее возбуждения и моей спермы, и это заводит меня еще больше, делая меня тверже, чем я когда-либо был в своей жизни. Я хочу трахать ее всю ночь, брать ее снова и снова, пока мы оба не упадем без сил. Я не могу вспомнить, когда в последний раз я так сильно хотел женщину... возможно, никогда в жизни.

Катерина заставляет меня чувствовать то, чего я никогда не чувствовал, хотеть того, чего я никогда не хотел. Вещи, которые должны быть недоступны для такого мужчины, как я, нереальны. Такие мужчины, как я, не женятся по любви. Мы не ищем женщин в качестве наших партнеров. Мы ищем красивых женщин, гибких женщин, женщин, которые могут вынашивать наших детей и растить их, женщин, которые могут вести хозяйство и ходить на приемы на наших руках и вызывать зависть других мужчин. Я верил, что Катерина обладает всеми этими качествами, когда женился на ней. И она обладает всеми этими качествами... за исключением гибкости.

Но она также и гораздо больше всего этого.

Она сильная, умная, храбрая и упорствующая. Она из тех женщин, которые сами по себе могли бы составить серьезную конкуренцию такому мужчине, как я. Возможно, такой тип женщин встречается раз в жизни. Такой тип женщин, которых мужчины в моем мире изо всех сил пытаются подчинить. И правда в том, что я понятия не имею, как наладить жизнь с такой женщиной, как Катерина. Все, что я когда-либо делал, это пытался заставить ее подчиниться моей воле, и подчинить.

Но я не хочу ее терять.

Я хочу ее всю

Навсегда.

Я снова целую ее, горячо и яростно, вгоняя в нее свой член, желая, чтобы завтра ей было больно, вспоминая, как это ощущалось при каждом движении. Я хочу, чтобы она была

отмечена внутри и снаружи, и, судя по тому, как она цепляется за меня, ее ногти впиваются в мои плечи, когда она целует меня в ответ, она хочет того же.

— О, боже, Виктор — она стонет мое имя напротив моего рта, ее тело напрягается в моих объятиях, когда я чувствую, что она снова на грани оргазма, и я чувствую, как моя собственная кульминация становится горячей и быстрой, быстрее, чем я когда-либо кончал во второй раз. Я чувствую, как она сжимается вокруг меня, ее голова откидывается назад, когда ее спина выгибается дугой, и я мог бы держаться за это, мог бы продлить это дольше, но притягательность удовольствия слишком велика, соблазн кончить с ней. Я хочу излиться в нее, когда она бьется в конвульсиях вокруг меня, и когда я чувствую, что она начинает содрогаться, я отпускаю это.

Такое чувство, что моя душа выходит через мой член, когда я вхожу в нее, поток спермы вырывается из меня, когда я жестко трахаю ее, вдавливая ее в одеяла, когда ее ногти впиваются мне в спину, мое имя срывается с ее губ, и она снова кончает. Мы оба потеряли счет ее кульминациям, и я слышу, как я бормочу что-то свое, слова срываются с моих губ, прежде чем я успеваю остановить их между поцелуями.

— Катерина...блядь. Любовь моя... — Я снова вонзаюсь в нее, дотягиваюсь до ее запястий и зажимаю их над ее головой, когда я терзаю своим ртом ее рот, прикусывая ее нижнюю губу, постанывая от удовольствия, когда я трахаю ее достаточно сильно, чтобы сломать ее, желая получить каждую каплю удовольствия, которое я могу выжать из этого момента между нами. — Люблю тебя. — Я слышу это снова, мой собственный голос произносит это прежде, чем я могу остановить себя, и когда ко мне возвращается здравый смысл, я благодарю бога, что она не говорит по-русски. Я дурак, что говорю такие вещи, даже в порыве удовольствия, но я не могу остановиться. Она заставляет меня чувствовать, что я бы бросил все на ветер ради еще одной такой ночи с ней.

Когда я выскальзываю из нее, на этот раз, я перекатываюсь на кровать, притягивая ее в свои объятия, и укладываю нас обоих на подушки. Мы вдвоем тяжело дышим, потные и измученные, и Катерина откидывается на стопку подушек на кровати, ее ресницы трепещут, пока она пытается отдышаться.

— Ты все еще выглядишь великолепно, — бормочу я, убирая прядь волос с ее лица. — Красивая малышка.

— Что это значит? — Тихо спрашивает Катерина, ее глаза все еще закрыты. — Ты сказал это, когда...

— Красивая. Прекрасная малышка. — Мои пальцы все еще перебирают ее густые темные волосы, ее обнаженное тело покоится в моих объятиях, и я задаюсь вопросом, сколько времени пройдет, прежде чем я смогу быть готов взять ее снова. Прошло много времени с тех пор, как я трахался более двух раз за одну ночь, но я уже чувствую, как во мне снова поднимается желание, просто от ощущения ее груди на моей груди и ее стройного тела в моих объятиях.

— О. — Катерина делает вдох, и мне интересно, собирается ли она спросить о другом, о том, что я сказал, когда кончил во второй раз.

Я готов солгать, потому что не собираюсь в этом признаваться. Но вместо этого, к моему удивлению, она отстраняется. Быстро, почти методично, она высвобождается из моих объятий и садится, двигаясь к краю кровати и дотягиваясь до порванной лужицы шелка на пуховом одеяле.

— Куда ты направляешься? — Спросил я. Я потягиваюсь, беря ее за руку. — Иди,

полежи со мной немного, малышка.

— Я думаю, мне принцесса нравится больше. — Катерина пытается вырвать свой локоть, но я сжимаю его сильнее, внезапно раздраженный.

— Ты ненавидишь это прозвище. — Я хмуро смотрю на нее, чувствуя, как часть моего удовольствия от момента, который мы разделили, начинает ускользать. — Что случилось? Пойдем, ляг со мной. Может быть, через некоторое время...

— Мы не собираемся снова трахаться. — Катерина дергает рукой, на этот раз сильнее, вырывая ее из моей хватки. — Я хотела, чтобы мы сделали это только один раз. Я увлеклась, когда ты...

— Когда я ласкал тебя и заставил кончить снова? Да, я знаю, как быстро твое удовольствие заставляет тебя забыть, что ты хотела сделать. — Я слышу, как сарказм возвращается в мой голос, слышу, как я становлюсь холоднее. Я смягчился с ней сегодня вечером, позволил тому, как она отдалась мне, проникнуть мне под кожу. Но становится ясно, что она имела в виду нечто иное, чем я думал, и это меня злит. — Мне не нравится, когда меня обманывают, — говорю я ей низким и мрачным голосом. — Мне также не нравится, когда меня используют. Даже моей жене такое не сойдет с рук, так что, если ты хотела, чтобы сегодняшний вечер был чем-то иным, кроме удовольствия, принцесса, я предлагаю тебе...

— А, вот и он. — Катерина встает, все еще прекрасно обнаженная, но выражение ее лица такое же холодное, как у меня. — Виктор, которого я знаю, вернулся. Не тот, кто нашептывает мне нежности по-русски, а Медведь, который на мне женился.

Я свирепо смотрю на нее.

— Я снова отхлещу тебя по заднице, жена, если тебе еще не хватило...

— О, с меня хватит на сегодня, — говорит Катерина. — И на все последующие ночи.

— Если ты думаешь, что можешь сказать мне...

Катерина комкает шелк в кулаке, выражение ее лица тоже мрачнеет.

— Я думаю, что смогу, Виктор, — тихо говорит она. — Если только ты не хочешь, чтобы твоя семейная жизнь была несчастной, чего, я думаю, ты не хочешь. Ты женился на мне не из похоти или по любви. Ты женился на мне по двум причинам. Ты сам так сказали. Ты женился на мне, потому что тебе нужна была мать для твоих детей и сын, который станет наследником. — Она делает глубокий вдох. — Очень хорошо. Я сделаю то, ради чего ты женился на мне. Я буду заботиться об Анике и Елене и воспитывать их как своих собственных, и я подарю тебе еще одного ребенка, если смогу несмотря на то, что сказал доктор. Я буду трахаться с тобой, пока не подарю тебе сына, мы будем делать это естественным путем, так, как ты желаешь, но это последний раз, когда это будет интимно.

Я прищуриваюсь, глядя на нее.

— Что ты подразумеваешь под интимным, принцесса?

Катерина тяжело сплывает, и мне кажется, я вижу, как дрожат ее руки, но она вызывающе вздергивает подбородок.

— Я имею в виду, что больше этого не будет. Я не подчинюсь этому, и если ты все равно это сделаешь, ты можешь забыть ту часть своего морального кодекса, где ты веришь, что не причиняешь вреда женщинам и не принуждаешь их, потому что ты будешь принуждать меня. Больше не будет наказаний, больше ты не будешь заставлять мое тело отвечать тебе против моей воли, больше никаких соблазнов. Больше не ложись спать, чтобы утешиться со мной, больше никаких ночей, подобных сегодняшней.

— О чем ты просишь, жена? — В моем тоне слышны опасные нотки, и я знаю, что она это слышит, но все равно бросается вперед.

— Я хочу свою собственную комнату, — твердо говорит она. — Я больше не буду спать рядом с тобой. Мы трахаемся, когда время месяца будет подходящим, я буду отслеживать это и делиться с тобой результатами, чтобы ты знал, что я не лгу. Мы трахаемся так быстро, как это необходимо, и ты не прикоснешься ко мне за пределами этого.

Я смеюсь. Я ничего не могу с этим поделать. Минуту назад я чувствовал себя на грани потери рассудка, готовым выбросить все прочь, пока я был погружен в нее ради чистого удовольствия от того, что, как я думал, мы делили. Сейчас Катерина говорит со мной так холодно, как я когда-либо обращался к ней, устанавливая для меня правила точно так же, как она пыталась делать в начале нашего брака.

— Я думаю, мы уже проходили это принцесса, — мрачно говорю я ей. — Что именно заставляет тебя думать, что я...

— Если ты вынудишь меня, — тихо говорит она, прерывая меня. — Или если ты не пойдешь на этот компромисс, тогда все получится так, как было с твоей первой женой. Сделка не будет нарушена, если наш брак не закончится моим отъездом и возвращением к Луке. Если я просто умру, не будет причин для войны. Никаких оправданий для разрыва контракта.

Я смотрю на нее в ужасе, когда до меня доходят ее слова. Я медленно сажусь, чувствуя, как все внутри меня становится холодным и темным. Я хотел дать ей презумпцию невиновности, поверить, что она хотела, чтобы все изменилось, но это угроза, с которой я не могу смириться.

— Ты бы так поступила с девочками? — Тихо спрашиваю ее. — Вот так отняла бы у них еще одну мать?

— Не используй их как оружие, — говорит Катерина, ее голос становится жестче. — Не делай этого, Виктор. Я не прошу многого. Я прошу тебя...

— Трахать свою жену так, как будто я дрочу. — Я фыркаю, свешиваю ноги с края кровати и тянусь за халатом. Катерина отшатывается, и я смеюсь.

— Не веди себя так, будто я принуждал тебя, принцесса. Ты умоляла о том, что я сделал с тобой сегодня вечером, и ты умоляла об этом раньше. В любом случае, что же было сегодня вечером, если не то, что ты хотела меня? Что ты имела в виду, говоря все это, если ты только собиралась...

— Я хотела узнать, на что это было бы похоже, — тихо говорит Катерина, избегая встречаться со мной взглядом. — Я хотела узнать, каково это, испытать такое удовольствие, всего один раз. Подчиниться тебе и прочувствовать все это, как бы далеко это ни зашло. Всего один раз, прежде чем я...

— Прежде чем ты меня бросишь? — Я свирепо смотрю на нее. — Я хотел быть другим для тебя, Катерина, мягче...

— Ты не можешь сделать то, что мне нужно от тебя.

Я качаю головой, закатываю глаза и отворачиваюсь.

— Опять это. Мы говорили об этом...

— Да, опять это! — Катерина перемещается так, что снова оказывается в поле моего зрения, ее руки скрещены на груди. Кажется, она забыла, что она голая. Что-то в ее свирепости, когда она стоит там совершенно обнаженная, ее бедра все еще блестят от моей спермы, настолько эротично, что я почти забываю, что злюсь на нее. — Я говорила с

Сашей...

— Да, я знаю. Мы обсуждали это. И мы также обсудили мои причины...

— Тебе просто никогда не следовало забирать ее. Или любую из них. Ты лишил их выбора...

— Какого? — Я поворачиваюсь к ней, мой голос повышается от разочарования, когда я сталкиваюсь лицом к лицу со своей красивой, упрямой, приводящей в бешенство женой. — Жить в сточной канаве, выброшенными людьми, которые покончили с ними, как только они вышли из системы? Голодать? Становиться шлюхами за самую низкую цену, просто чтобы выжить? Выходить замуж от отчаяния за мужчин, которые будут причинять им боль, избивать их, красть их красоту и молодость? Подвергаться изнасилованию, ограблению и обращению как с мусором? Ты знаешь, что происходит с детьми в этих приютах, Катерина? Ты знаешь, что происходит с ними после того, как они вырастают и уезжают? — Я с отвращением качаю головой. — Ты не знаешь, потому что ты избалованный, эгоистичный ребенок, который жил с серебряной ложкой во рту с того момента, как ты с визгом вырвалась из чрева своей матери...

— Саша была в шоке! — Катерина теперь тоже кричит, делая шаг вперед, затем еще один, пока не оказывается так близко, что почти кричит мне в лицо, ее темные глаза полны ярости и страсти. — И с ней бы ничего не случилось, если бы ты не забрал ее и не привез сюда к этому ужасному мужчине...

— Я убил его! — Я смотрю на нее, моя собственная ярость соответствует ее. — Одного из моих людей. В качестве наказания я выстрелил ему в голову на глазах у всех. Я отомстил за нее...

— Этого бы никогда не случилось, если бы она не была на том складе. — Катерина не отступает ни на дюйм. — Может быть, это случалось и с другими девушками, а ты этого не знаешь. По крайней мере, с некоторыми из них это определенно происходит после того, как ты их продаешь. Я гарантирую, что не все они отправляются к своим новым хозяевам и сдаются с радостью, как послушные собаки. Ты привез Сашу сюда, и ты несешь ответственность за то, что с ней случилось с того момента, как твои люди похитили ее...

— Я знаю. — Я твердо выдерживаю ее взгляд. — Катерина, мне нелегко убивать мужчин. Меня боятся не потому, что я жесток, как другие в моем мире, независимо от того, что ты, возможно, слышала. Меня боятся, потому что я безжалостен, когда меня предают или переходят дорогу. Я убил очень мало людей в своей жизни, и я надеюсь, что так будет и впредь. Но я убил его без колебаний.

— Потому что он украл у тебя. — В голосе Катерины слышится насмешка. — Как будто он украл деньги или какую-то другую собственность...

— Да, потому что он украл у меня. Но также и потому, что он украл у нее, а он не имел права делать ни того, ни другого.

Слова тяжело повисают в воздухе между нами. Катерина долго смотрит на меня, ее лицо внезапно становится печальным и усталым.

— Ты тоже, — тихо говорит она. — И у тебя тоже не было никакого права.

— Катерина...

— Остановись. — Она поднимает руку. — Просто остановись, Виктор. Я не могу быть той женой, которую ты хочешь, пока ты не изменишься так, как я теперь вижу, что ты не можешь. Я сделаю то, о чем ты договаривался. Но близость, наказания, удовольствие, то, что мы делали вместе... я не торговалась за это. И если я скажу Луке, он не воспримет это

легкомысленно. Особенно теперь, когда я сказала тебе нет. Больше не буду. Ты трахаешь меня, пока я не подарю тебе сына, только когда это необходимо. Или...

— Или ты выбираешь легкий выход. — Я свирепо смотрю на нее. — Выход труса.

— Или я воспользуюсь единственным выходом, который ты мне оставил. Точно так же, как это сделала твоя первая Катя.

Что-то обрывается внутри меня при этом, что-то хрупкое и болезненное. Я хватаю ее за руку, хватаю другой халат и набрасываю его ей на плечи так, что он обволакивает ее, прикрывая большую часть ее наготы. Она пытается отстраниться, но я не уступаю ни на дюйм, мои пальцы погружаются в ее плоть, когда я тащу ее к двери.

— Виктор!

Я не отвечаю. Я не смотрю на нее. Я веду ее по коридору, к одной из пустых гостевых комнат дальше, и толкаю дверь, толкая ее внутрь. Она пошатывается, когда я отпускаю ее, ее руки обвиваются вокруг талии, когда она прижимает к себе халат, ее лицо внезапно бледнеет и пугается.

— Не смотри на меня так, — огрызаюсь я на нее. — Прекрасно. Если это то, чего ты хочешь, достаточно, чтобы угрожать такого рода вещами, если ты так себя чувствуешь, я вообще не прикаснусь к тебе. Я никогда больше не буду тебя трахать. Мы воспользуемся ЭКО, когда уладим это дело с Алексеем и вернемся домой, пока ты не родишь мне наследника, и тогда мы будем говорить как можно меньше. Я, блядь, никогда больше к тебе не прикаснусь, если для тебя это так ужасно. Если мой член внутри тебя, это судьба хуже смерти. — Я смотрю на нее, моя грудь вздымается, гнев, который я редко ощущал, поднимается внутри меня. — Но я предупреждаю тебя, Катерина, не заходи слишком далеко. неразумно загонять медведя в угол. Алексей скоро это поймет. Мне бы не хотелось, чтобы ты тоже узнала.

У нее отвисает челюсть, но прежде, чем она успевает сказать еще хоть слово, я захлопываю дверь, оставляя ее по другую сторону. Моя рука сжимает дверную ручку достаточно сильно, чтобы причинить боль, буйство эмоций поднимается во мне так быстро, что я не могу разобраться ни в одном из них. Я вне себя от ярости, но за этим кроется и что-то еще, что-то, на что я не хочу смотреть слишком пристально.

Я верил, что сегодняшний вечер что-то значит для Катерины. Что это был шаг в нашем браке, поворотный момент. Она позволила себе пойти со мной, и я сделал то же самое, вопреки всем своим инстинктам. Вопреки всему моему здравому смыслу. Я сказал себе, что никогда больше не скажу ни одной женщине.

Любовь моя. Люблю тебя.

Я не говорил этого очень долго. Я никогда не планировал этого снова. Я сказал себе, что мое сердце закрыто. Катерина взломала его против моей воли. И когда я отпускаю дверную ручку, я чувствую нечто иное, чем холодную, черную ярость, наполняющую меня. Я чувствую боль, у меня сжимается грудь, тот прилив горя, который угрожал поглотить меня после смерти Кати, несмотря на то, в какой ярости я был из-за нее. Чувство потери, которое я надеялся никогда больше не испытывать.

Я слышу, как она начинает плакать по другую сторону двери, и я хочу открыть ее. Подойти к ней. Держать ее в своих объятиях и сказать ей, что я могу измениться. Что я могу быть лучшим мужчиной для нее. Что мы можем устроить какую-то другую жизнь, если это означает, что между нами не будет закрытой двери, когда моя жена плачет с одной стороны, а я киплю с другой.

Но потом я вспоминаю ее угрозу, и моя рука опускается.

Она вытащила единственную вещь, которая, как она знала, могла причинить мне боль, взяла кинжал, который я ей доверил, и вонзила его мне в грудь. Я не уверен, смогу ли я когда-нибудь простить ее. Я двигаюсь по коридору, ее приглушенные рыдания затихают вдали, возвращаюсь в комнату, которую мы делили.

И я закрываю за собой дверь, отгораживаясь от нее.

Может быть, навсегда.

8

КАТЕРИНА

Я не уверена, что когда-либо чувствовала себя такой несчастной.

Когда Виктор хлопывает дверь, это ощущается как физический удар. В этот момент я захотела взять обратно все, что сказала, особенно свою угрозу, но слишком поздно. Он на другой стороне, более разъяренный на меня, чем я когда-либо видела, и я в ужасе от того, что это означает.

Я обхватываю себя руками, опускаюсь на колени на пол, дрожу, даже в теплом халате, стоя на коленях в темноте, и начинаю плакать. В считанные мгновения все так резко изменилось, и я чувствую себя опустошенной, не в силах пошевелиться.

Всего несколько минут назад он был внутри меня, нашептывал мне по-русски, держал меня в своих объятиях. Он говорил мне вещи, которых я не понимала, но я могла понять его тон голоса. Детка. Красивая малышка. Слаще, чем принцесса, и что-то еще похожее га любовь.

Что же он сказал, последним?

Это уже не имеет значения.

Я тяжело сглатываю, крепко сжимаясь. Я не слышу, как его шаги удаляются от двери, и на мгновение мне кажется, что он может вернуться. Я не знаю, хочу я этого или нет, пугает ли это меня или сделало бы меня счастливой. Я полагаю, это зависит от причины, по которой он вернулся бы...еще больше поругаться со мной, угрожать мне или утешать меня.

Последнее смешно.

Ты сделала это сама, твердо говорю я себе. Он хотел обнять меня, прижать к себе, заснуть вместе и, возможно, снова трахнуть. Он был добрым и нежным, больше, чем когда-либо был со мной раньше. Я была той, кто отстранился, чтобы придерживаться своего решения и положить конец ночи. Я была той, кто изложил ему свои требования.

Не загоняй медведя в угол.

Я сделала именно это. Я воспользовалась единственной угрозой, которая, как я знала, ранила бы его до глубины души, и использовала ее против него. Я точно знала, что делаю, и не могу притворяться, что это не так. Я сделала это, чтобы добиться желаемого расстояния, и это сработало.

Может быть, даже слишком хорошо.

Когда его шаги начинают удаляться, направляясь обратно по коридору, я знаю, что он не вернется ни по какой причине, и это оставляет ощущение пустоты в моей груди, которое заставляет меня задыхаться, наклоняясь вперед, как будто что-то ударило меня. Боль в моей груди ощущается ни с чем не сравнимо, чувство потери горит, о котором я и не подозревала, если дело касается любого мужчины, не говоря уже о Викторе, и я крепко зажмуриваю глаза.

Сегодня вечером я почувствовала в нем что-то другое, но наш спор только что доказал то, что я уже знала, этого недостаточно. Я не знаю, почему я когда-либо думала, что все

может быть по-другому. Я также не знаю, почему потеря этой возможности причиняет такую сильную боль.

Это то, для чего я была воспитана. Быть невестой мужчины, которого я бы не любила или даже не обязательно хотела, принимать его член и рожать его детей, ухаживать за его домом и улыбаться, опираясь на его руку. Я не была создана для любви, или удовольствия, или радости, или самореализации. Мне не предназначалась жизнь, которая делала бы меня счастливой, только та, которая обеспечивала мне безопасность. Та жизнь, которая поможет мне выжить в мире, еще более смертоносном для женщин, чем обычная, повседневная, в которой живет большинство из нас.

Избалованный ребенок, рожденный с серебряной ложкой. Его слова все еще жгут, обжигая мою голову, и я пытаюсь избавиться от них. Но я знаю, что он не совсем неправ. Я родилась богатой и привилегированной, со всем, чего только можно желать, всем, кроме свободы и выбора. То же самое Виктор забирает у других женщин, родившихся в менее удачливых обстоятельствах, каждый день.

Почему он не видит, что я просто хочу, чтобы он дал им то, чего у меня никогда не было? Единственное, на что я бы все это променяла? За исключением ... себя. У меня никогда этого не будет. Я вышла замуж за Франко, а потом Виктора, и я не оставлю Виктора, даже сейчас.

Хочу спасти других. Заботиться о своих детях. Все ради других, не для себя.

Выбор выйти замуж за Франко был между жизнью, которую я знала, или той, к которой я не принадлежала. И я выбрала свою жизнь с радостью, потому что не знала, что находится по другую сторону этой самой жизни.

Сейчас я знаю. И теперь я знаю больше, чем когда-либо, что я не могу уйти.

Я вижу, как передо мной тянутся все дни, долгие и несчастные, перетекающие один в другой, пока передо мной не останется ничего, кроме черного туннеля. На мгновение безнадежность, которая захлестывает меня, настолько сильна, что я не могу этого вынести, и я думаю, что лучше бы исполнила свою угрозу Виктору, несмотря на то, попытается он прикоснуться ко мне снова или нет. Я имела в виду это как пустую угрозу, до которой я знала он не будет доводить. Но в этот момент, в темноте, обхватив себя руками и плача, я не знаю, смогу ли я продолжать так жить.

Это кажется безнадежным. Бессмысленным.

Мысль об Анике, борющейся за свою жизнь внизу, и Елене, умоляющей меня больше не уходить, это все, что возвращает меня к жизни. Я цепляюсь за это, заставляя себя встать, найти выключатель света, дойти до ванной. Я нужна им, даже если больше никому не нужна. Даже если у меня больше ничего не осталось.

Я включаю душ, пускаю воду такой горячей, какую только могу выдержать, а затем проскальзываю под нее. Я тру каждый дюйм себя, пытаюсь смыть не только его прикосновения, но и воспоминания о том, как сильно я наслаждалась ими. Я усердно тру между ног, пытаюсь смыть с себя его сперму, не обращая внимания на пульсацию, которую я чувствую при воспоминании о том, как он обхватил меня руками, затолкал ее обратно в меня, что-то бормоча мне, пока он пальцами доводил меня до очередного оргазма. Он хотел сохранить всего себя внутри меня, и я знаю цель, стоящую за этим, сделать меня беременной. Чтобы удержать меня здесь с ним, связанной с ним, как будто я уже не была безнадежна.

Я хочу, чтобы он бросил меня. Я не хочу иметь от него ребенка, может я уже и не

могу. Я думаю о жизни, которая могла бы быть у нашего сына, и я внезапно радуюсь тем ударам, которые мне наносили, и тому факту, что из меня, возможно, буквально выбили способность к зачатию. Я была бы рада, что я не смогла бы дать Виктору то, чего он больше всего хочет от меня, поскольку он не может дать мне то, чего я больше всего хочу от него.

После того, как я отскребла розовую кожу, бедра и между ног до блеска, я опускаюсь на пол душа, позволяя горячей воде стекать по моим волосам и лицу, смывая все это. Его прикосновения, его запах, его слова, его губы. То, что он заставил меня почувствовать, совсем ненадолго. Я должна забыть об этом, или я сойду с ума. Если я собираюсь спать одна, я должна забыть как это, его чувствовать. Я думала, что сегодняшней вечер оставит мне что-нибудь на память, когда я буду одинока, но вместо этого это просто причиняет боль, в моей груди крутится нож, точно такой же, как тот, который, я знаю, я оставила у Виктора.

Предполагалось, что наш брак положит конец войне, но вместо этого мы начали новую.

Остаток ночи будет нелегким.

Я долго лежу в постели в темноте, завернувшись в халат, и тихо плачу. Я не хочу, чтобы кто-нибудь меня слышал, меньше всего Виктор, но я тоже не могу полностью сдерживаться. Я думала, что проведенная с ним ночь улучшит мою жизнь, но от этого стало только намного хуже.

Меня всегда страшила мысль о холодном, бесчувственном браке, хотя я знала, что, скорее всего, это моя судьба. Но это брак, в котором мы так отчаянно хотим друг друга, но не можем найти золотую середину, намного хуже. Я не думала, что так все обернется, или как ужасно мы с Виктором станем относиться друг к другу, потому что я знаю, что я не без вины виновата в этом. Мы оба вцепились друг другу в плотки, и я сожалею о том, что сказала некоторые вещи, во время этой ужасной последней ссоры. Но сейчас я точно не могу взять свои слова обратно. И это все, о чем я сейчас могу думать, чтобы удержать его от игнорирования моих желаний и продолжения получать от меня то, чего он хочет. Я сама выбрала ядерный вариант, и это открыло такую широкую пропасть между мной и Виктором, что я не вижу никакого способа, которым мы могли бы ее преодолеть.

Когда я наконец просыпаюсь, утренний свет становится серым и пробивается сквозь занавески, я пролежала в постели дольше, чем обычно. У меня здесь нет никакой одежды, и я не хочу возвращаться в свою старую спальню, где все еще находится Виктор. Я знаю, что в какой-то момент мне придется встретиться с ним лицом к лицу, но я пока не могу, и определенно не в комнате, где так много произошло между нами прошлой ночью.

Мучительно наблюдать, как проходят минуты, думая о том, что он делает. Гадая, не больно ли ему, скучал ли он по моему телу рядом с ним, когда проснулся этим утром, ненавидя себя за то, что вообще думаю о нем, и скучаю по нему, желая, чтобы все было по-другому, когда совершенно очевидно, что этого не может быть.

Наконец, когда я уверена, что уже достаточно поздно, чтобы Виктор встал и занялся своими делами, я выскользываю из кровати, поплотнее запахиваю халат и выхожу в коридор. У меня все болит, как будто я пробежала марафон. Не только затяжная боль от флоггера Виктора прошлой ночью, но и мои мышцы от секса и адреналина. Это должно было стать приятным напоминанием обо всем удовольствии, которое я испытала прошлой ночью. Вместо этого у меня просто болит в груди, и это ощущается хуже, чем что-либо до этого.

Я чувствую себя опустошенной, как будто Виктор вырезал из меня что-то, чего я

никогда не смогу вернуть. Или, может быть, я сделала это сама, когда разрушила все шансы на то, что у нас когда-нибудь будет настоящий брак. Когда я угрожала...

Это то, что чувствовала его первая жена? Это пустое, бесконечное чувство, что ничего никогда не станет лучше? Что я никогда больше не буду счастлива?

Я через многое прошла за короткое время. Такое чувство, что с момента моей помолвки с Франко прошли годы, но на самом деле прошли месяцы. Не прошло и года с тех пор, как я была замужем за одним мужем, овдовела и вышла замуж за другого с тех пор, как меня похитили, со мной обращались жестоко, я начала влюбляться в мужа, которому я изначально не должна была отдаваться, и поняла, что в нашем браке нет места такого рода чувствам. Не было места ни для чего, кроме брака по расчету, которым он всегда должен был быть.

Спальня пуста, как я и надеялась, пуста и холодна, как я чувствую себя сейчас. В камине нет огня, и свет выключен, только дневной свет проникает сквозь занавески. Все следы того, чем мы с Виктором занимались прошлой ночью, исчезли, кровать заправлена, флоггер куда-то убран, обрывки моей комбинации выброшены. Как будто этого никогда не было, и мне интересно, чувствует ли он то же самое, как будто это забыто.

Все, кроме ссоры, которая последовала за этим. Я знаю, что он этого не забыл.

Я роюсь в ящиках комода, вытаскиваю одежду, чтобы отнести обратно в “мою” новую комнату. Как только я беру в охапку все это, я направляюсь обратно по коридору, испытывая чувство потери, когда закрываю дверь в комнату, которую мы с Виктором делили. Я точно не знаю, почему. Это место никогда даже не было нашим домом. Это просто безопасный дом, роскошная крепость для нас, где мы можем переждать интриги и планы Алексея, пока Виктор не сможет положить этому конец. Это место не должно ничего значить для меня, но почему-то закрывая дверь в эту спальню, я чувствую, что закрываю дверь во что-то другое, как будто это наполнено завершенностью, которую я не чувствовала ни в какой другой момент.

Выкидывая это из головы, я спускаюсь обратно в сторону новой спальни, в которой я остановилась, сбрасывая охапку одежды на кровать. Я достаю из нее пару джинсов и шелковый топ без рукавов, набрасываю поверх него мягкий кашемировый кардиган, а затем занимаюсь тем, что раскладываю все по местам. Я могла бы оставить это горничным, но что-то в этом кажется неправильным. Я не хочу оставлять им ненужную работу, и, кроме того, приятно иметь что-то, чем можно занять руки.

Уже почти полдень, когда я, наконец, спускаюсь вниз и заставляю себя пойти на кухню и найти что-нибудь поесть. Я пытаюсь использовать остатки жаркого для приготовления бутерброда, когда слышу шаги и резко поднимаю голову, мое сердце пропускает удар в груди, когда я представляю, что это Виктор. Я не знаю, надеюсь ли я на такую возможность или боюсь ее.

Однако это не так. Это София, которая заходит на кухню и останавливается, увидев меня.

— Катерина! — Ее голос звучит удивленно. — Ты в порядке? Мы заметили, что ты не спустилась к завтраку этим утром. Мы подумали, что ты, возможно, плохо себя чувствуешь. Или что ты, возможно, сидишь с Аникой...

— Я, эм... — Я с трудом сглатываю, нож для масла, которым я намазывала горчицу на кусок хлеба, внезапно дрожит в моих пальцах. — Это была просто долгая ночь, вот и все. — Я не знаю, что еще сказать. Я знаю, София поняла бы, если бы я рассказала ей все, но это кажется слишком интимным, почти неловким.

— Что-то связанное с Виктором? — Спрашивает она, все равно подхватывая тему. — Катерина, если тебе нужно о чем-нибудь поговорить...

— Я не знаю, что сказать. — Я откладываю нож, хватаясь за край столешницы. Она кажется холодной под моими кончиками пальцев, сделанная из мрамора или чего-то смехотворно роскошного вроде этого, более причудливого, чем все, с чем я выросла. Я могла бы родиться с серебряной ложкой во рту, как Виктор так злобно бросил мне в лицо прошлой ночью, но Виктор сумел достичь высот богатства, которые я не могла себе представить даже в своей семье. Даже удивительно роскошный, дорогой пентхаус Луки не может сравниться с этим домом, и это даже не основное место жительства Виктора. Он даже не пользуется им так часто, лишь при чрезвычайных обстоятельствах. И он заработал все эти деньги, делая что-то ужасное. Что-то настолько ужасное, что я никак не могу заставить себя морализировать об этом в своей голове, какие бы отговорки или оправдания он ни придумывал. Я просто не могу.

— Я переспала с ним прошлой ночью, — наконец признаюсь я. — Я инициировала это, потому что хотела. Только один раз. Я хотела по-настоящему насладиться этим, только один раз. Я сказала себе, что после этого я установлю некоторую дистанцию между нами. И я попыталась. Но...

София прислоняется к стойке, глядя на меня любопытными, обеспокоенными глазами.

— Но что? Он ведь не причинил тебе вреда, правда?

Я смеюсь, тихий сдавленный звук вырывается из моего горла.

— Нет, — тихо говорю я. — Или, по крайней мере, не так, как мне не понравилось. Но он был во всем этом... другим.

София вскидывает голову.

— Насколько отличался?

— Он говорил мне кое-что по-русски, во время... — Я прочищаю горло, чувствуя, как мои щеки слегка краснеют. — Ласкательные имена. Это звучало... мило. А потом он захотел пообниматься.

София смеется.

— О нет. Твой муж тебя явно не хотел обижать. Хотя, честно говоря, это не похоже на методы Виктора.

— Ну да. Он не нежный, не ласковый или что-то из этого. Но прошлой ночью...

— Так вот почему ты здесь плачешь в свой сэндвич с ростбифом? Потому что он был слишком нежен с тобой? — София вздыхает. — Я не пытаюсь все усложнить, Катерина, но я не знаю, чего ты хочешь. Я хочу помочь тебе точно так же, как ты помогла мне. Но я так же, как и ты, сбита с толку тем, что здесь происходит. И я готова поспорить, что Виктор тоже сбит с толку...

— Мы поссорились. — Я отталкиваю сэндвич. У меня полностью пропал аппетит. — Потом. Я сказала ему, что хотела провести с ним всего одну ночь, а потом хотела вернуться к тому, как все было раньше. Отдельные комнаты, спать вместе только тогда, когда это может привести к зачатию. — Я прогоняю все остальное тот факт, что я, возможно, даже не смогу теперь иметь детей, мою угрозу, то, что сделала первая жена Виктора, из-за чего мои слова так глубоко ранили его. Я не могу рассказать Софии все это, это не моя история, и, кроме того, я не могу заставить себя сказать что-либо из этого вслух. — Он был зол, — заканчиваю я неубедительно.

— Я говорю... ты подаешь ему чертовски много противоречивых сигналов, тебе не

кажется, Катерина? — София смотрит на меня, выражение ее лица все еще полно беспокойства. — Кэт, я долгое время делала то же самое с Лукой, и я поняла, что это не те мужчины, с которыми можно играть. Я думала, ты это знаешь. Особенно Виктор, он даже хуже, чем мужчины, с которыми ты росла. Я понимаю, как ты иногда его боишься. Со мной было то же самое по отношению к Луке. Лука не был похож ни на кого, кого я когда-либо знала. И я понимаю, что быть напуганной и хотеть его одновременно... это было и у меня с Лукой тоже. Но Кэт, помни то, что ты мне говорила. Ты должна выбрать. И как только ты выберешь, ты должна придерживаться этого. Виктор не будет хорошо реагировать на игры и на то, что ты отдаешь, а затем забираешь.

— Он не... — Я выдыхаю, сжимая край столешницы. — В глубине души он неплохой человек. Он не должен быть таким. У него есть свой кодекс, по которому он пытается жить.

— У них у всех он есть. — София смотрит на меня так, как будто пытается разгадать меня. — Но тебе этого недостаточно.

— Так и должно быть. Меня воспитали так, чтобы я закрывала глаза на всевозможные вещи. Не спрашивала, что делал мой муж, пока его не было, и где он был. Но я также не была воспитана в любви к своему мужу. Спасибо за это. Я могу вытерпеть все, что угодно, когда у меня нет никаких чувств к кому-либо, кроме долга. Но Виктор...

— Ты влюбляешься в него.

— Похоть? Любовь? Я не знаю. — Я качаю головой, короткий, отчаянный смешок срывается с моих губ. — Но что бы это ни было, я просто знаю, что должна установить некоторую дистанцию между нами. Иначе я не смогу жить сама с собой. Если только все не изменится, а теперь я знаю, что этого не произойдет.

— Тебе нужно перестать мучить себя, — тихо говорит София. — Разве недостаточно людей уже сделали это? Дай себе немного покоя, Кэт. Ты думаешь уйти от Виктора?

Я качаю головой.

— Нет. Я не могу. Сделка с Лукой... кроме того, я не могу оставить Анику и Елену. Елена особенно стала зависеть от меня, и я не могу так поступить с ними.

— Тогда постарайся не позволять своим мыслям поглощать тебя. Побудь немного в покое. — София смотрит на меня с сочувствием. — Сейчас и так достаточно поводов для беспокойства. Может быть, со временем Виктор образумится, и между вами будет некоторое пространство. У тебя есть целая жизнь, чтобы понять это. Это не обязательно должно произойти посреди всего этого.

Она тянется за сэндвичем, который я как раз наполовину приготовила, быстро собирает кусочки и протягивает его мне.

— Вот, съешь. Тебе нужно поесть. Я зашла сюда, чтобы приготовить чай для нас с Анной. Я приготовлю чай для нас троих, а потом мы выйдем в сад и немного посидим. На улице солнечно, хотя и немного холодно, и Лиам разжег костер.

Я моргаю, глядя на нее.

— Что сделал Лиам?

София пожимает плечами.

— Он вышел наружу некоторое время назад и предложил развести огонь в яме, чтобы нам было теплее. — Она смеется, ставя чайник на плиту. — Он необычайно добр для сына ирландского короля.

— Разве это не так? — Я хмурюсь, откусывая от своего сэндвича. — Я никогда по-настоящему не встречала никого из них до Лиама.

София пожимает плечами.

— Из того, что говорит Лука, его отец таким не был. Конор Макгрегор был дьяволом, безжалостным и порочным. Так же, как и любой член Братвы, может быть, и больше, поскольку ирландцы всегда чувствуют, что им нужно что-то доказывать. По крайней мере, это почти слово в слово то, что сказал мне Лука. Конор пытался убить Луку на его больничной койке, так что я в это верю.

Я помню, когда Лука и Лиам приехали, София сказала, что Лиаму не суждено было унаследовать место своего отца. Он воспользовался этим по необходимости, чтобы предотвратить гражданскую войну среди мужчин, когда его отца казнили, оставив вакансию без его старшего брата, который мог бы ее заполнить.

— Как ты думаешь, он надеется, что его брат вернется? — Спрашиваю я с любопытством. — Чтобы освободить его от должности?

— Никто не думает, что он вернется. — София смотрит на меня. — Лука думает, что он мертв. Я не знаю, что думает Виктор или о чем шепчутся в ирландских семьях, насколько я понимаю, Лука не ожидает, что он когда-нибудь вернется. Это означает, что он застрял на должности, которую не ожидал получить, и на которой ему нужно доказать, что он достаточно силен, чтобы удержаться.

— Очень похоже на Луку, когда умер мой отец.

— Именно. — София берет чайник, когда он начинает свистеть, наливает кипяток в три чашки. — В последнее время они проводят много времени вместе. Лука считает это беспроигрышным вариантом. Он укрепляет связь с Лиамом, которая может пригодиться в будущем. Его совет укрепит способность Лиамы управлять Королями, гарантируя, что ими будет руководить кто-то менее двуличный и кровожадный, чем был Конор Макгрегор.

Я откусываю последний кусочек от своего сэндвича, наблюдая за Софией, пока она готовит чай.

— Лука много с тобой разговаривает, не так ли? — Тихо спрашиваю я. — Он много тебе рассказывает.

— Наверное, больше, чем следовало. — София протягивает мне одну из чашек. — Но не то, чтобы у него были близкие друзья. Все, кого он знает сейчас, могли бы стать соперниками, если бы ветер изменился. Его единственный лучший друг оказался предателем. В наши дни он терпеть не может подпускать слишком многих слишком близко. Он хочет, чтобы я была его напарницей, и я счастлива быть. Сначала я не хотела быть частью этой жизни. Но Лука знает, с чем я могу справиться, а о чем предпочла бы не слышать. И я смирилась с тем, что это то, для чего я предназначена. У моего отца была причина отдать меня Луке, и я не жалею о его выборе. Временами это было болезненно, но также принесло мне много любви и радости.

Ее рука опускается к нежной выпуклости живота, когда она произносит последние слова, и я чувствую стеснение в груди. Я не хочу дарить Виктору сына, но в то же время мысль о том, что у меня никогда не будет собственного ребенка, причиняет боль. Я никогда не ожидала, что полнлюблю своего будущего мужа, но я всегда с нетерпением ждала возможности завести детей, стать матерью. В каком-то смысле я такая и есть, но какая-то часть меня чувствует пустоту при мысли, что я, возможно, никогда не буду носить своего собственного малыша.

— Давай выйдем на улицу, — мягко говорит София. — Я не хочу оставлять Ану надолго. С тех пор, как мы здесь, ей все труднее. Ее ничто не отвлекает, и она плохо

питается или делает что-либо из того, что рекомендовали ее врачи. И я не могу заставить ее. Она...

— У нее депрессия. — Я следую за Софией к задней двери, чувствуя, что очень сильно понимаю чувства Аны. Я мчусь в том же направлении. Необходимость сохранить все вместе для Аники и Елены, это единственное, что действительно удерживает меня от погружения в такую же темноту.

— Да. — София глубоко вздыхает. — И я не знаю, что для нее сделать, кроме как попытаться отвлечь ее. Короче, сегодня мы сидим в саду и разговариваем. Это лучшее, что я могу придумать, застряв в этом доме.

Она толкает дверь и затем останавливается как вкопанная. На секунду я думаю, что случилось что-то плохое, а затем я слежу за ее взглядом и понимаю, на что она смотрит.

Лиам сидит на одном из кованых стульев, окружающих каменное очаговое гнездо, наклонившись вперед и слушая что-то, что говорит Ана, его зеленые глаза блестят. С тех пор как он здесь, у него начала расти щетина на верхней губе и подбородке, и это ему идет, заставляет его выглядеть старше. Никто из нас не может слышать, что они говорят, но ясно, что он заиклен на этом, что бы это ни было. Все его внимание сосредоточено на ней, и на лице Аны застенчивая улыбка, ее руки переплетены в кашемировом одеяле, прикрывающем колени.

— Я была уверена, что он уйдет, как только разведет костер — шепчет София. — Я думаю, они просто разговаривали все это время.

— Ана, кажется, не возражает.

— Нет, но... — София поджимает губы, ее брови хмурятся. — Она сейчас такая другая. Ты не очень хорошо знала ее раньше, но ты встречалась с ней несколько раз. Она никогда не была раздражительной, никогда не была тихой. Особенно с мужчинами.

— Я определенно поняла это, когда мы несколько раз все вместе тусовались. — Я наблюдаю за ними обоими, чувствуя что-то внизу живота, настолько незнакомое, что сначала не могу подобрать этому названия. Когда я наконец это делаю, я чувствую себя ужасно виноватой.

Это ревность. Лиам смотрит на Ану так, словно смакует каждое ее слово, его влечение к ней написано каждым дюймом его лица, его зеленые глаза нежны и добры. Ни один мужчина никогда не смотрел на меня так, как будто он хочет слышать каждое слово, которое слетает с моих губ, как будто он хочет лелеять меня, защищать меня, обожать меня. Даже в самые собственнические моменты в Викторе есть жестокость, безжалостность, которая никогда не исчезнет. И я не знаю, хотела бы я этого. Меня заводит его грубость. Он отличается от всех мужчин, которых я когда-либо знала, пугающий и волнующий одновременно. Но прошлой ночью я почувствовала намек на эту нежность, услышала ее отблеск в его голосе и, увидев, как Лиам смотрит на Ану, я снова начинаю жаждать этого. Я хочу этого от своего мужа. Я хочу этого от Виктора, и я знаю, что никогда не смогу этого получить.

Получить представление об этом было хуже, чем никогда не видеть его вообще. И это причиняет боль больше, чем я могла себе представить.

— Ей нужно быть осторожной, — тихо говорю я, не в силах скрыть горечь в своем голосе. — Он ей не подходит.

— Он мог бы подойти. — София все еще наблюдает за ними обоими. На ее лице нет ревности, но с чего бы ей быть? Лука обожает ее. Он тоже порочный человек, но не тогда,

когда дело касается его жены. Больше нет. Он сожжет мир дотла, чтобы защитить ее и их ребенка, но он никогда бы и пальцем не тронул ее, если бы она этого не захотела.

Я знаю, что они играют в те же грубые игры, в которые Виктор любит играть со мной. Но София хочет этого сейчас, без оговорок. Она приняла Луку таким, какой он есть, и любит его в любом случае.

Но Лука и Виктор отличаются во многих отношениях.

— Он глава преступной семьи. — Я качаю головой. — Она такая уязвленная, ты действительно думаешь, что он подойдет ей? Тебе не кажется, что тебе следует сказать ему, чтобы он держался подальше?

— Это не мое дело. Если кто и скажет это, то это будет Лука. Я могла бы кое-что сказать Луке, но... — София указывает на них двоих. — Он даже не пытается к ней прикоснуться. Это безвредно. И посмотри на ее лицо. Такой счастливой я ее не видела с тех пор, как... — Она замолкает, но я знаю, чего она не договаривает. — Я не могу отнять это у нее, — просто говорит София. — Это безвредно, я уверена в этом. В любом случае, Лиам в конечном итоге женится на ком-то, кто поможет его положению, точно так же, как и любой другой лидер одной из семей. Вероятно, на дочери одного из других высокопоставленных членов Королевской семьи, чтобы гарантировать союзника, если кто-нибудь когда-нибудь будет возражать против того, что он занял место своего отца раньше своего брата. Это несерьезно.

Я помню, что у меня были те же мысли, когда Макс наблюдал, как Саша идет по коридору, его лицо покраснелось от очевидного влечения. Безобидная влюбленность. Что-то, чтобы ей стало лучше. Но что-то глубоко внутри подсказывает мне, что то, как Лиам смотрит на Ану... нечто большее.

София пользуется этим моментом, чтобы выйти в сад, но я не могу себя заставить.

— Я собираюсь подняться и проверить Анику и Елену, — быстро говорю я, отступая.

— Ты уверена? — София смотрит на меня с беспокойством. — На улице хорошо у огня, я обещаю. И, может быть, тебе не стоит оставаться одной...

— Я не буду, — твердо говорю я ей. — Я буду с девочками. Дай мне знать, если кому-нибудь из вас что-нибудь понадобится. — Последнее я произношу так убедительно, как только могу, пытаясь подтвердить свою позицию ответственной за управление домом. Какой я должна быть, как жена Виктора. Не слабой и испуганной, на грани того, чтобы в любой момент разрыдаться и погрузиться в место, более мрачное, чем любое, в котором я когда-либо была раньше.

Это не та женщина, которой я являюсь. Не та женщина, которой меня воспитали, и не та женщина, на которой он женился. Если я собираюсь настаивать, чтобы он придерживался рамок нашего брака, как это было оговорено, мне нужно сделать именно это.

Стать матерью его детей. Вести его домашнее хозяйство. Ложиться с ним в постель только тогда, когда это необходимо, чтобы подарить ему наследника.

И забыть обо всем остальном.

9

КАТЕРИНА

Аника спит, когда я тихо вхожу в ее комнату. Она все еще выглядит маленькой и хрупкой, лежа там, но я вижу, что на ее лицо вернулась значительная часть румянца. Она выглядит значительно лучше, чем когда мы привезли ее сюда, и впервые с тех пор я чувствую, что мне не нужно беспокоиться о том, выживет ли она после ранения. Я знаю,

доктор сказал, что ей еще многое предстоит вылечить, но облегчение, которое я испытываю, видя тепло и румянец на ее лице, ощутимо.

Я протягиваю руку, чтобы коснуться ее руки, и она слегка шевелится, издавая тихий звук. Ее пальцы обвиваются вокруг моих, и мое сердце почти останавливается в груди.

Елена привязалась ко мне с первого дня, но я не была уверена, что Аника когда-нибудь по-настоящему потеплеет ко мне. Я знаю, что то, что она держит меня за руку во сне, на самом деле ничего не значит, но, тем не менее, это заставляет меня чувствовать, как будто я что-то открыла, как будто мне дали что-то особенное. То, что мне действительно было нужно сегодня, после всего, что я потеряла прошлой ночью с Виктором.

Эти девочки — причина, по которой я остаюсь, превыше всего остального. Поэтому чувствовать, как маленькие пальчики Аники обвиваются вокруг моих, как будто она подсознательно доверяет мне и хочет, чтобы я была здесь, приятнее, чем я могла себе представить.

Она снова шевелится, слегка поскуливая, а затем ее глаза мерцают, светлые ресницы трепещут на щеках, когда она медленно открывает глаза. Я замираю, мое сердце бешено колотится в груди, я боюсь, что то, что я вижу, ненастоящее. Она впервые просыпается после ранения, и я знаю, что должна позвать Виктора. Но я не могу заставить себя пошевелиться или заговорить, боюсь, что пойму, что все это мне мерещится.

Она поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, медленно моргая.

— Катерина? — Ее голос слегка невнятен, вероятно, из-за обезболивающих, которые дал ей доктор, но я слышу свое имя. — Это ты?

— Так и есть. — Я сжимаю ее руку немного крепче, сдерживая внезапный прилив слез. — Я здесь, милая.

— Ты... осталась? — Слова даются с некоторым трудом, но ей это удается. — Осталась со мной?

— Всегда, — говорю я ей, и чувствую, как слезы начинают скатываться по краям моих век, стекая по щекам. Я не могу остановить это, хотя и не хочу плакать перед ней, потому что я так боялась, что она больше никогда не проснется. — Я обещаю.

— Почему ты плачешь? — Голос Аники прерывается на этих словах. — Катерина?

— Я просто так счастлива видеть тебя проснувшейся. — Мне удастся улыбнуться сквозь слезы. — Я так счастлива, милая.

— Я была... напугана.

— Я знаю. — Я наклоняюсь, нежно целую костяшки ее пальцев. — Мы все напуганы. Но сейчас с тобой все в порядке. С тобой все будет в порядке.

— Обещаешь? — Аника прищуривается на меня, и я вижу, как возвращается частичка того подозрения, которое всегда отражается на ее лице. Это заставляет меня чувствовать себя лучше, а не хуже, потому что я узнаю это отношение, искру в маленькой девочке, которая вселила в меня уверенность, что она будет бороться за выживание так же упорно, как борется со всеми остальными.

— Я обещаю, — твердо говорю я ей. — Доктор сказал, что если ты проснешься, это будет означать, что все будет хорошо. И вот ты здесь. Ты проснулась.

Аника кивает, пытаясь сглотнуть.

— Я хочу воды... — удается ей. — Я хочу папочку.

— Я позабочусь об этом, — обещаю я ей. — Воды, а потом я пойду поищу твоего отца. — Мысль о встрече с Виктором заставляет мой желудок сжиматься от беспокойства,

но если он нужен Анике, то я должна отложить это в сторону.

Я беру чашку воды для Аники с бокового столика, осторожно просунув одну руку под плечи маленькой девочки, чтобы помочь ей сесть, когда она тянется за ней.

— Медленно, — говорю я ей, смахивая последние слезы, пока обнимаю ее. — Будь осторожна.

— Я знаю, как пить воду, — бормочет она, но в ее голосе нет обычной враждебности. Она выпивает все это и возвращает мне чашку, и когда она смотрит на меня, выражение ее лица мягче, чем я когда-либо видела. — Спасибо тебе, Катерина, — тихо говорит Аника, ее голос все еще прерывается, и я улыбаюсь ей сверху вниз.

— Не за что. Я собираюсь сходить за твоим отцом, хорошо?

Она кивает, сглатывает, облизывает сухие губы и откидывается на подушки, пока я помогаю ей лечь обратно.

— Я скоро вернусь, я обещаю.

Я почти сталкиваюсь с Левином в тот момент, когда выхожу в коридор, мне приходится отступить, чтобы не врезаться прямо в него.

— О. — Я прочищаю горло, невольно краснея. Нет никаких причин, по которым Левин должен знать что-либо о том, что происходит между Виктором и мной. Тем не менее, он самый близкий Виктору человек в этом доме. По какой-то причине мне кажется, что он кое-что понял из этого или, по крайней мере, осведомлен о темных наклонностях своего работодателя.

— С тобой все в порядке?

Нет. Я определенно не в порядке. Ничто из того, что произошло за последние месяцы, не было хоть сколько-нибудь приближающимся к нормальному. Я ничего этого не говорю. Я прочищаю горло, быстро вытирая глаза.

— Я пытаюсь найти Виктора, — быстро говорю я ему. — Аника проснулась и спрашивает о нем.

Облегчение на лице Левина настолько реальное и осязаемое, что он нравится мне еще больше. За то короткое время, что я его знаю, он хорошо относился ко мне, особенно в хижине, и я понимаю, почему Виктор доверяет ему. Я бы доверилась ему, если бы понадобилось. Но теперь еще более ясно, что он заботится о Викторе и его семье так, что это выходит за рамки простого долга, и это заставляет меня смягчиться по отношению к нему больше, чем раньше.

— Я пойду найду его, — твердо говорит Левин. — Оставайся с Аникой на случай, если ты ей понадобишься. — Он колеблется. — Должен ли я попросить Сашу или Ольгу привести Елену?

Я мгновение колеблюсь, но качаю головой.

— Давай медленно. Аника только что проснулась. Я не хочу ее переутомлять. На этот раз позволим ей увидеть Виктора, а в следующий раз, когда она проснется, мы приведем и Елену тоже.

Левин кивает.

— Конечно. Как скажешь. Я пойду и найду Виктора.

Я прислоняюсь к двери, когда он уходит, мое сердце все еще сильно бьется. Виктор поднимется с минуты на минуту, и от этого осознания у меня снова скручивает живот и одновременно по телу пробегает покалывание предвкушения. Я не должна хотеть его видеть, и часть меня не хочет, часть меня в ужасе от того, что я снова его увижу после того, что

произошло прошлой ночью. Но другая часть, возможно, мазохистская часть, которая также наслаждается наказаниями, которым он подвергает меня, не может дожидаться, когда он войдет в комнату.

Забудь об этом, говорю я себе, открывая дверь. Сосредоточься на Анике. Сосредоточься на причине, по которой ты решила остаться. Забудь его.

Однако это легче сказать, чем сделать.

— Твой отец уже в пути, — говорю я Анике, когда снова сажусь у кровати. — Он придет через минуту, как только Левин найдет его.

— Он сердится на меня? — Голос Аники звучит очень тихо, когда она задает вопрос, ее голубые глаза смотрят на меня. Я моргаю, пораженная.

— Конечно, нет, милая. С чего бы ему сердиться на тебя?

Она сглатывает, быстро моргая, как будто борется со слезами.

— Я не должна была быть внизу. Папа сказал мне оставаться наверху с Еленой, но мне было любопытно. Я хотела знать, что происходит... и я была напугана. Поэтому я оставила ее и попыталась найти его и... — Аника прикусывает нижнюю губу, ее лицо немного бледнеет, когда она вспоминает. — Это было так громко, а потом у меня в животе что-то загорелось, и все закружилось...

— О, милая. — Я сажусь на край кровати, тянусь к ней, и, к моему удивлению, она наклоняется в мои объятия. — Твой отец не сердится на тебя. Он хотел, чтобы ты его послушала, и у него была причина сказать тебе это. Но он просто будет счастлив, что ты проснулась и с тобой все в порядке.

— Я думала, он обвинит меня в том, что...

— Нет. — Я качаю головой, поглаживая ее по волосам. — Он не собирается тебя ни в чем обвинять. Теперь ты в безопасности, и это все, что имеет значение.

Аника кивает, шмыгая носом. На мгновение мне кажется, что она собирается остаться там, где она есть, позволив мне обнять ее. Но затем открывается дверь, и входит Виктор, и все ее внимание мгновенно переключается на ее отца.

Мое сердце замирает в тот момент, когда он входит в комнату, смешанный страх и желание наполняют меня, пока я не чувствую, что вибрирую от этого изнутри. Он выглядит таким же красивым, как всегда, высоким и строгим, одетым в сшитые на заказ черные брюки и темно-красную рубашку на пуговицах с расстегнутым воротом, как будто он собирается в офис, а не работает на конспиративной квартире глубоко в русских горах. Он не смотрит на меня, выражение его лица такое жесткое, как будто оно высечено из камня, до того момента, как он замечает свою дочь.

Я отстраняюсь, когда он направляется напрямиком к кровати, его лицо расслабляется от облегчения, когда он опускается на колени рядом с кроватью, тянется к Анике и баюкает ее в своих объятиях.

— О, слава богу, — бормочет он, его широкая ладонь на ее волосах, ее маленькие ручки обвиваются вокруг его шеи, ее лицо утыкается в его плечо, когда Виктор прижимает к себе свою дочь. — Слава богу, ты очнулась маленькая. С тобой все в порядке.

— Прости, папа, — плачет Аника, ее голос приглушен его рубашкой. — Прости, что я вышла.

— Нет. — Он качает головой, и я слышу напряженность в голосе Виктора, эмоции. Я с удивлением понимаю, что он изо всех сил старается не заплакать, и это шокирует меня так же сильно, как и в первый раз, когда я услышала это, когда мы подумали, что есть

вероятность, что Аника может не выкарабкаться. — Тебе не нужно извиняться, — твердо говорит он ей. — Но ты должна слушать меня в будущем, маленькая моя. Это очень важно. Твоя сестра нуждалась в тебе, а ты старшая. Важно, чтобы ты защищала ее и слушалась своего отца. — Он откидывается назад, убирая с ее лица светлые волосы и заглядывая ей в глаза. — Хорошо?

Аника кивает, со слезами на глазах глядя на своего отца.

— Я обещаю, папа, — бормочет она, и Виктор кивает.

— Просто сосредоточься на том, чтобы поправляться, малышка. — Он снова обнимает ее, а затем помогает ей лечь обратно, поправляя одеяло так, чтобы она была подоткнута. — Здесь ты в безопасности. Просто сосредоточься на выздоровлении, и мы скоро будем дома, я обещаю.

Аника кивает, ее веки уже устало подрагивают. Ясно, что она измотана, и Виктор встает, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в лоб, прежде чем удалиться. Он проходит мимо меня, даже не взглянув, направляясь к двери, и я мгновение колеблюсь, прежде чем быстро повернуться, бросив на Анику еще один взгляд, прежде чем тоже последовать за ним.

— Виктор!

Он на полпути к лестнице, прежде чем останавливается, его плечи мгновенно напрягаются при звуке моего голоса.

— В чем дело, Катерина? — Мое имя звучит ломко на его губах, и он не оборачивается.

— Я просто... — Я перевожу дыхание, внезапно чувствуя себя неуверенно. — То, как мы расстались прошлой ночью...

— Я не хочу говорить об этом. — Он не оборачивается, но я вижу, как по нему распространяется напряжение. — Мне больше нечего сказать, Катерина. Ты ясно изложила свою позицию и не оставила мне иного выбора, кроме как согласиться с твоими пожеланиями. Итак. Если ты хочешь дистанцироваться, я даю тебе это.

— Если мы собираемся стать родителями девочек, хотя...

— Мы никого не воспитываем вместе. — Его голос такой холодный, что у меня мурашки бегут по коже. — Я их отец, и ты сделаешь все возможное, чтобы быть им матерью. Нам нет необходимости действовать в тандеме.

— Я ... — Я не знаю, что именно я пытаюсь сказать. Я хочу сказать ему, что им нехорошо видеть столько напряженности между нами, никогда не видеть никакой привязанности или тепла, но я не могу просить об этом после того, на чем я настаивала и что сказала прошлой ночью. До меня доходят слова Софии: *"Эти мужчины не терпят игр"*, и я чувствую, как у меня сжимается живот.

— Больше нечего сказать, Катерина, — повторяет Виктор. — Нам не нужно говорить друг с другом больше, чем необходимо. Ты дашь мне знать, когда появится вероятность, что мое присутствие в твоей постели может принести плоды, и любые сообщения, которые у тебя могут быть для меня, могут передаваться через Левина. Ты хотела дистанцироваться, так что ты получаешь, то чего хотела. Вот и все.

Я с трудом сглатываю, мои руки дрожат. Дюжина вещей вертится у меня на кончике языка, но я знаю, что лучше не произносить ни одной из них. Я не могу выразить, как отчаянно я хочу, чтобы он повернулся, чтобы я могла видеть выражение его лица, чтобы я могла знать, злое оно, или страдальческое, или какая-то смесь того и другого. Я не могу выразить, как сильно я хочу дотянуться до него, как мне требуется все, чтобы не сказать ему, что я сожалею, умолять его позволить мне забрать все это обратно, сказать ему, что я уже

жажду его, его прикосновений, его поцелуев, его тела.

Я не могу сказать ему, что он пробудил во мне потребность, о которой я никогда не подозревала, и что я чувствую, как будто он вырвал кусочек моей души прошлой ночью, когда бросил меня в той комнате и ушел. Я не могу сказать ему, как отчаянно я хочу произнести слова, которое обжигают мои губы, слова, которое я никогда не должна говорить такому человеку, как он.

Я не могу любить его. Я не могу. Не мужчину, который делает то, что он делает.

Мое сердце такое же предательское, как и мое тело, но я никогда не смогу сказать ему об этом. Никогда, никогда, никогда.

— Мы закончили? — Виктор не двигается, и моя грудь сжимается, моя кожа гудит от необходимости не позволить ему уйти от меня. Но я ничего не говорю. Он вздыхает в тишине, его плечи немного расслабляются, а затем он направляется к лестнице, даже не оглянувшись.

Моя вторая ночь в гостевой спальне ненамного лучше первой. Я переодеваюсь в шелковые шорты и тонкую майку, забираюсь под теплые простыни и выключаю свет. Отсутствие его в постели рядом со мной ощущается как пропасть, напоминание о том, как я одинока, которое заставляет меня чувствовать, что я тону. Я перекатываюсь на спину, провожу рукой по холодному месту рядом со мной и закрываю глаза.

Я не должна хотеть, чтобы Виктор был здесь. Но я все равно представляю его: его большое, крепкое тело, занимающее пространство, излучающее тепло. Его обнаженную кожу касающуюся меня, твердые мышцы его груди и выпуклости живота время от времени задевающие мою руку или пальцы, посылая через меня острые ощущения, которые, я говорю себе, я не чувствую и не хочу.

Почти каждый раз, когда мы были вместе, о котором я могу вспомнить, за исключением хижины и сада, был рассчитан одним из нас, настроен на то, чтобы наказать или вызвать желание. Я представляю, каково это, просто скользнуть в постель рядом с ним, как половина нормальной супружеской пары, чувствовать его дыхание на своем плече и тепло его тела, и чтобы он естественно тянулся ко мне, мое тело размягчившееся в его с проснувшимся желанием. Никаких наказаний, никаких насмешек, никакой борьбы с этим. Никакого сопротивления. Просто легкие, нежные занятия любовью, такие, как у других людей. Как будто мы женатые люди, которые не воюют друг с другом, проливая кровь словами вместо ножей, медленно убивая друг друга угрозами вместо пуль.

Прилив тепла охватывает меня при мысли о руке Виктора на моей груди, дразнящей мои соски через тонкий шелк майки, его губах у моего уха, его теплом дыхании, от которого по моей коже пробегают мурашки. Не задумываясь, моя рука скользит к животу, опускаясь к поясу моих шорт, и я втягиваю воздух, представляя, что вместо моих это пальцы Виктора.

Я представляю Виктора, нежно прикасающийся ко мне, его пальцы скользят между моих складочек, стон, который он издаст, когда обнаружит, что я уже влажная для него. Я знаю этот звук, глубокий и предвкушающий, жаждущий того, что будет дальше. Я представляю его губы на моем горле, его язык на чувствительной плоти моей шеи, покусывающий и посасывающий, усиливающийся, когда он оставляет отметину на моей плоти, в то время как его пальцы ускоряются, потирая мой клитор, когда я задыхаюсь и выгибаюсь вверх, мои бедра легко раздвигаются для него.

Я не должна фантазировать об этом. Я не должна трогать себя, представляя, как мой

жестокий муж нежен и любит меня, представляя будущее, которого у нас не может быть. Это просто другой вид пыток, новый способ мучить себя тем, чего я отчаянно хочу, но что никогда не сможет стать реальностью. Но я также не могу заставить себя остановиться, и я вздыхаю, когда мои пальцы обводят твердый, скользкий бугорок моего клитора, чувствуя его пульсацию, когда я теряюсь в фантазиях.

— Малышка, — слышу я шепот Виктора, когда он придвигается ближе ко мне, его рука тянется, чтобы повернуть мое лицо к своему, чтобы он мог поцеловать меня, его губы касаются моих. Другая его рука все еще внутри моих шорт, его пальцы дразнят мой клитор, и я провожу рукой под его рукой, дотягиваясь до твердой длины, которую я чувствую, прижимаясь к своему бедру. Он стонет, когда моя рука проскальзывает под пижамные штаны, которые на нем надеты, скользит по его голому животу, чтобы обхватить его член. Я чувствую, как он пульсирует в моей ладони, когда его язык скользит в мой рот, переплетаясь с моим, когда я медленно глажу его, соответствуя темпу, в котором его пальцы кружат по моему клитору.

— Я хочу твой рот, — стонет Виктор. Он встает на колени, одеяло соскальзывает, когда он спускает брюки до бедер, его руки на мгновение покидают меня, чтобы зацепиться за его пояс и спустить их вниз, открывая его толстую, твердую длину моим голодным глазам. Мне нравится видеть его член, твердый и готовый для меня, кончик, уже покрытый перламутром предварительной спермы, когда его бедра выступают вперед, набухшая головка ищет тепла и удовольствия моего рта.

Я не колеблюсь, я так же голодна по нему, как и он по мне. Я приветствую толчок его пульсирующей головки члена, скользкой по моим губам, так что я могу ощутить его солоноватый привкус на своем языке, бархатистую текстуру. Виктор стонет, когда я начинаю сосать, его пальцы возвращаются, чтобы подразнить мой клитор, в то время как другая его рука запутывается в моих волосах, притягивая мой рот по всей длине к нему, когда он подталкивает меня к кульминации.

Я чувствую, как напрягаются мышцы моих бедер, выгибается спина, когда я быстрее тру свой клитор, чувствуя, что начинаю приближаться к оргазму. Но я пока не хочу, чтобы это заканчивалось, я не хочу кончать, воображая только это. Я хочу большего, больше, чем могу иметь в реальности, и я позволяю образу в моей голове измениться. Виктор внезапно полностью обнажается, его стройное, мускулистое, великолепное тело растягивается на моем, когда он раздвигает мои бедра.

— Впусти меня, малышка. Впусти меня в себя. — Он бормочет эти слова хрипло и с акцентом, его голос хриплый от желания, и я не могу ему отказать. Я хочу его, его тепло и тяжесть на мне, его твердый член внутри меня, растягивающий меня, наполняющий меня, дающий мне все, что мне когда-либо могло понадобиться.

Мои ноги обхватывают его бедра, руки его шею, притягивая его ко мне, внутрь меня. Его губы встречаются с моими в тот самый момент, когда его член начинает скользить внутри меня, его бедра продвигаются вперед устойчивым, медленным движением, которое заполняет меня дюйм за дюймом, растягивая удовольствие, когда его рот захватывает мой. Его руки в моих волосах, его язык у меня во рту, его член в моем теле, толкается вперед, пока он не оказывается внутри меня так глубоко, как только может, а затем Виктор прижимается ко мне, его руки наклоняют мое лицо так, что он целует меня сильнее, глубже, неистовее.

Я думаю, что это любовь, выгибаясь дугой так, что я прижимаюсь к нему во всех местах,

где моя кожа может коснуться его, мои груди прижимаются к его груди, живот к его животу, ноги обвиваются вокруг его ног. Мой лоб прижимается к его лбу, и я задыхаюсь, вдыхая его, пробуя его на вкус, поглощенная им.

Это все, что я хочу.

Он толкается сильнее, быстрее, издавая стоны напротив моих губ, когда мы оба подталкиваем друг друга к вершине нашего совместного удовольствия, желая соединиться, отдать друг другу все, ничего не утаивать. Я выдыхаю его имя, когда он выдыхает мое, и я чувствую, как он подается вперед, его тело дрожит...

— О! — Я громко ахаю, чувствуя, как начинают дрожать мои бедра. Я опускаю другую руку, просовывая два пальца в свой влажный, сжимающийся вход, пока мои пальцы порхают по моему клитору, подталкивая меня все ближе и ближе к оргазму, в котором я так отчаянно нуждаюсь. В моих мыслях Виктор толкается быстрее, его тело содрогается от силы удовольствия, которое он сдерживает на хрупкой ниточке, и я так близко, так сильно близко...

Я почти выкрикиваю его имя, когда кончаю, останавливаю себя, только сильно прикусив губу, утыкаясь лицом в подушку, чтобы заглушить стон удовольствия, который поднимается до такой высоты, что, боюсь, Виктор может услышать. Мысль о том, что он слышит, как я ублажаю себя в одиночестве, заставляет меня чувствовать себя ужасно неловко. Прилив унижения, обжигающий мою кожу, и тоже заводит меня, моя киска сжимается вокруг моих пальцев и пропитывает мою руку возбуждением, я выгибаюсь вверх, прижимаясь к своей руке, когда я кончаю. Мысль о Викторе, нависающем надо мной, о его члене, пульсирующем внутри меня, когда он наполняет меня своей спермой, только усиливает это, пока все мое тело не начинает трястись, бедра сжимаются вокруг моих рук, когда я извиваюсь в оргазме.

— Черт, о боже, черт... — Я всхлипываю, утыкаясь лицом в подушку, когда переворачиваюсь на бок, мои пальцы все еще прижаты к пульсирующему клитору. Волна удовольствия на мгновение удовлетворила меня. Тем не менее, она оставляет за собой лишь холодную пустоту, напоминание о том, что Виктора здесь нет, и его никогда больше не будет. Я никогда даже не испытаю того, что он делал со мной в прошлом, не говоря уже о том, что я только что вообразила.

Единственный секс, который у нас будет в будущем, будет холодным и расчетливым, предназначенным для зачатия и ничего больше. И когда я дам Виктору то, что ему нужно... Я зажмуриваю глаза, высвобождая руки из сжатых бедер, и пытаюсь дышать, заставляя себя не плакать. Я не хочу проливать еще одну слезу по нему, но гулкая пустота в моей груди кажется почти невыносимой. У меня все еще ноет глубоко в груди, когда я засыпаю, я жажду чего-то, чему я даже не могу подобрать название. Но даже во сне я не могу этого избежать.

Я мечтаю о нем, поочередно то запретном, то нежном, мои руки привязаны к кровати, мое тело вытянуто и выставлено напоказ для него, когда он бьет меня снова и снова, посылая по мне приливы удовольствия вместе с жгучей болью. Я мечтаю о том, как его руки гладят отметины, его губы обводят их, пока я не начинаю умолять его прикоснуться ко мне в тех местах, где мне это нужно больше всего, умолять его позволить мне кончить. Я мечтаю о его улыбке, восхитительно жестокой на его красивом лице, о его дыхании, парящем над моими влажными складочками, когда он дразнит меня, заставляя умолять о каждой ласке его языка, каждом нажатии его губ. Я извиваюсь под его прикосновениями, так близко к кульминации, пока он не отстраняется, отказывая мне в этом, когда начинает поглаживать себя, наблюдая

за моим извивающимся телом, когда он поглаживает свой член и заставляет меня смотреть.

Сон совсем не похож на то, что я представляла, когда трогала себя. Этот Виктор во всей своей жестокости, оставляющий меня наказанной и влажной, изнывающей и нуждающейся, вынужденной смотреть, как он доставляет себе удовольствие, пока не кончает со стоном в его ладонь, лишая меня даже ощущения его горячей спермы на моей коже, отмечая меня как свою.

Я больше не принадлежу ему. Я ничто. Просто то, что он купил и за что заплатил, еще одна купленная девушка, предназначенная для определенной цели. Эти слова наполняют мои уши эхом, когда он, наконец, тянется ко мне. *Ты не заслуживаешь моего члена. Ты не заслуживаешь ничего, кроме этого.*

Его пальцы проникают внутрь меня, запихивая его сперму в мою сжимающуюся, ноющую киску так глубоко, как только могут. Я сжимаюсь, стыд за то, что он делает, забыт в моем отчаянии кончить, но это длится всего мгновение. Он вводит в меня свои пальцы дважды, трижды, потирая ладонью мою разгоряченную кожу, пока не вгоняет в меня столько своего освобождения, сколько может. А затем он встает, холодно смотрит на меня и тянется за своей одеждой.

— *Я надеюсь, что от этого ты забеременеешь, и мне, блядь, больше никогда не придется к тебе прикасаться. Ты вызываешь у меня отвращение.*

И затем его лицо превращается в лицо Франко, жестокого и насмешливого, смотрящего на меня сверху вниз.

Ты вызываешь у меня отвращение.

Вызываешь у меня отвращение.

Я резко просыпаюсь, задыхаясь, мое тело пульсирует от желания, в то же время слезы стекают по моему лицу, заставляя меня чувствовать себя почти сумасшедшей от клубка эмоций, бушующих внутри меня. Я болезненно возбуждена и скручена от боли одновременно, мое сердце колотится от страха при виде моего первого мужа в конце сна. Виктор не Франко, он никогда не мог быть таким ужасным, каким был Франко, но сон все равно остается, и по моей коже пробегают мурашки.

Я хочу, чтобы это закончилось. Это все, о чем я могу думать снова и снова, сворачиваясь в тугий комочек, пытаясь отогнать сон. Я хочу забыть об этом, но это задерживается, не давая мне уснуть, когда я дрожу, несмотря на тепло в комнате.

Перестанет ли это когда-нибудь причинять боль? Перестану ли я когда-нибудь чувствовать себя так, как будто мое сердце разрывается в клочья? Как будто я хочу чего-то настолько ужасного, что ненавижу себя за это?

Я не могу уснуть остаток ночи. Я слишком боюсь, что сон вернется, заставит меня представить вещи хуже, чем все, что Виктор сделал на самом деле, заставит меня увидеть, как он снова превращается во Франко. Вместо этого я лежу без сна в темноте, ожидая, когда солнечный свет проберется сквозь занавески и прогонит худшее из этого.

Предстоящие дни кажутся мне бесконечными и почти невыносимыми.

Это то, что он делает? Заставляет женщину любить его, а затем ломает ее?

Этого было бы достаточно, чтобы заставить меня возненавидеть его, но правда в том, что я не думаю, что он хотел это сделать. Я не думаю, что он хотел сломать свою первую жену, превратить ее жизнь во что-то настолько невыносимое, чтобы она видела только один выход. И я не думаю, что он хотел причинить мне боль.

Он, конечно, не хотел, чтобы кто-то из нас испытывал чувства к другому. Лишь брак по

расчету.

Это все, чем я когда-либо должна была быть для него. Удобной. Все зашло слишком далеко, и теперь мы расплачиваемся. Я должна перестать думать о том, насколько по-другому все могло бы быть. У этого нет будущего. Но когда солнечный свет начинает проникать в комнату, прогоняя худшие из кошмаров, я наконец признаюсь кое в чем себе, в тишине, где-то глубоко в моем сознании.

Я люблю Виктора.

Когда это случилось я не знаю. Может быть, в хижине, когда он ухаживал за мной, купал меня, кормил и делал все, что мог, чтобы сохранить мне жизнь. Я не могу точно определить момент между всеми этими ссорами, насилием и болью, но где-то там мое сердце предало меня так же верно, как мое тело когда-либо предавало его.

Я люблю его.

Если бы только был хоть малейший выход...

10

ВИКТОР

Я не спал с той ночи, когда оставил Катерину в гостевой спальне.

Проходит неделя, затем другая. Патовая ситуация между нами очевидна, я не отступлю, и она тоже. Если бы я знал, какая она упрямая говорю я себе поздно ночью, когда мне не хватает ее тепла рядом со мной в постели, я бы никогда не женился на ней. Однако в глубине души я знаю, что это неправда. Я хотел Катерину с того момента, как впервые увидел ее. Никакие ссоры, неповиновение или даже ее коварные угрозы не могут этого изменить. Я внутренне тоскую по ней так, как, как мне казалось, я больше не способен чувствовать. Она пробудила во мне то, что я считал мертвым только для того, чтобы снова забрать, что заставляет меня в равной мере желать и ненавидеть ее или, по крайней мере, я говорю себе это... что я ненавижу ее.

Правда... конечно, гораздо хуже, такие чувства делают таких людей, как я, слабыми. Что-то, что может быть использовано против нас. И мой второй самый большой страх, сразу после трагедии с дочерью из-за ситуации, в которой мы оказались, это то, что Алексей использует Катерину против меня.

Каждый день я делаю все возможное, чтобы избегать Катерины. Я навещаю детей, когда ее нет в их комнатах, ем в одиночестве в своем офисе, погружаюсь в работу, которую могу выполнять так далеко от дома, и на встречах с Левиным, Лукой и Лиамом анализирую ту информацию, которую мы можем найти о возможном местонахождении Алексея и о том, какие действия он предпринимает в отношении моих клиентов и связей. Он связывался со всеми откуда-то издалека, но мы смогли узнать достаточно о сделках, чтобы обнаружить, что он завершил все продажи, которые я организовал перед поездкой в Москву, и забрал деньги себе, а также выступил посредником в продажах остальных девушек, о которых не было сказано ни слова, и также получил эту прибыль.

— Он позиционирует себя как преемник, и скоро будет готов сообщить твоим бывшим клиентам, что ты больше не работаешь в бизнесе и что он новый руководитель, — мрачно говорит Левин. — Он укрепляет доверие, чтобы они были более готовы порвать с тобой, когда придет время, независимо от причины, которую он назовет им для твоего исчезновения.

Я стискиваю зубы от этого, черная ярость наполняет меня.

— Должно же быть что-то, что мы можем сделать.

— Нам нужно вернуться в Москву. Поговорить с некоторыми из наших тамошних связей и сделать все возможное, чтобы вытащить Алексея. — Левин смотрит на меня. — Ты знаешь, что это то, что нужно сделать, Виктор...

— Я не уйду, пока Анике не станет лучше. — Я качаю головой. — Я не могу этого сделать.

— Здесь она хорошо защищена. — Левин не часто настаивает на чем-то в разговоре со мной, и я знаю, что он, должно быть, обеспокоен, раз делает это сейчас, особенно по этой теме. — Мы возьмем с собой либо Луку, либо Лиаму, а другой останется здесь, чтобы помочь присматривать за охраной женщин. На несколько дней, не больше. Это стоит того, чтобы устранить угрозу...

— Анике должно стать достаточно хорошо, чтобы я мог чувствовать себя комфортно, покидая ее в ближайшее время, — настаиваю я. — Но до тех пор...

Левин разочарованно вздыхает, что еще более необычно для него. Обычно он никогда не давал мне знать, если был недоволен принятым мной решением, даже если так оно и было. Я могу сказать, что он так же, как и я, обеспокоен тем, что это значит для нашего будущего.

— Насколько Левину доверяют в Москве? — Вмешивается Лука. — Если мы отправим его с достаточной охраной, чтобы обеспечить его безопасность, сможет ли он получить ту же информацию, пока ты остаешься здесь?

В душе я не могу не скрипеть зубами от того, что Лука помогает нам. Было время, когда он не принимал бы участия ни в чем из этого. Я еще не совсем привык разделять принятие решений с человеком, чьей кровью я когда-то хотел забрызгать улицы Манхэттена. Но перемирие есть перемирие, и частью этого является признание того, что заминка в моих деловых отношениях также влияет на отношения Луки и, следовательно, Лиама тоже.

— У тебя есть какие-нибудь предложения? — Я бросаюсь через стол к рыжеволосому ирландцу, который был примечательно молчалив на протяжении всего обсуждения.

Лиам пожимает плечами.

— Я доверяю вам обоим принимать правильные решения. Ты знаешь свой бизнес, свои связи и, самое главное, ты знаешь Алексея лучше, чем я, Виктор. Я не уверен, что мой вклад был бы полезен.

Что ж, по крайней мере, хоть один из них знает, когда нужно замолчать. Однако я не говорю об этом вслух, как мог бы когда-то, осознавая, что мое раздражение проистекает из беспокойства о моих детях и моих разочарований в Катерине в той же степени, что и мое желание держать свои деловые отношения при себе.

— Возможно... — начинаю я говорить, но мое предложение резко обрывается звуком, который больше всего похож на грохот выстрелов снаружи.

— Блядь! — Я вскакиваю из-за стола, направляясь к двери. — Левин, где, черт возьми, охрана? Записи с камеры, сейчас же!

Левин тоже встает на ноги и направляется к монитору, на котором отображается система безопасности, которая прямо сейчас настроена на детские комнаты. Он нажимает кнопку, пролистывая каналы с номерами комнат в особняке, прежде чем они резко переключаются на главные ворота, где сцена, которой я так боялся, разыгрывается в режиме реального времени.

Орда мужчин, одетых в черное, с бронежилетами и автоматическим оружием, с закрытыми лицами, вливается через сломанные ворота, тактическая машина припаркована в

воротах, где она с грохотом прорвалась. Несколько членов моей охраны уже на земле, и я громко ругаюсь, обхожу стол и хватаю свой собственный пистолет из верхнего ящика.

— Вооружи Луку и Лиам, — рывкаю я Левину. — И любого другого мужчину здесь, у которого еще нет оружия. Убедись, что женщины в доме в безопасности...

Хлопанье входной двери и еще один грохот выстрелов прерывают меня, и я бросаюсь к двери офиса, распахиваю ее и выхожу, а Левин следует за мной по пятам. Я слышу щелчок заряжаемых пистолетов позади себя, но не утруждаю себя тем, чтобы посмотреть. Я вижу Макса, выходящего из дверного проема дальше по коридору, его лоб сморщен, и я беру пистолет у Левина, протягивая его ему.

— Возьми это, — резко говорю я, но он качает головой.

— Мои клятвы...

Я бросаю на него пронзительный взгляд, который может заморозить лед.

— Сынок, мне насрать на твои клятвы. Ты уже убил одного человека, и за это ты под моей защитой. Если ты хочешь, чтобы это продолжалось, ты возьмешь этот пистолет и будешь защищать мою семью. — Я прищуриваюсь, глядя на него. — Ты бы не хотел, чтобы с Сашей что-нибудь случилось, не так ли?

Щеки Макса краснеют, но он берет пистолет.

— Я не буду использовать его без необходимости, — натянуто говорит он, но я уже отворачиваюсь от него.

Я начинаю поворачиваться к Левину, чтобы что-то сказать, но пронзительный крик сверху останавливает меня.

— Виктор! — Голос Катерины разносится по дому, сопровождаемый тихим вскриком, который звучит очень похоже на Софию. За этим следует мужское ворчание с громкими ругательствами на русском, и я бросаюсь к лестнице, под звуки новых выстрелов и едкий запах дыма и пороха, наполняющий холл из фойе и гостиной.

— Это гребаное безумие, — рычит Лука. — Лиам, пойдём со мной. Мы разберемся с тем, что там происходит. Макс, Левин, оставайтесь с Виктором.

— Я отдаю приказы в этом доме, — огрызаюсь я, и Лука, прищурившись, смотрит на меня.

— Тогда отдавай приказы, — коротко говорит он. — Но я только что, блядь, услышал, как моя жена кричала, и...

Нас обоих прерывает звук падения с верхней площадки лестницы. Я поворачиваюсь и вижу троих мужчин, двое из них изо всех сил пытаются удержать Катерину, в то время как у другого Аника перекинута через плечо, а Елена схвачена за запястье.

— Я сброшу тебя с лестницы, сука! — Кричит он, когда Катерина пытается расцарапать ему лицо.

— Мне все равно, что ты со мной сделаешь, — выплевывает она, вырываясь из его объятий, но мужчина только смеется.

— Тогда я брошу одну из этих соплячек на землю, — говорит он, поднимая Елену за запястье, когда она извивается и начинает плакать.

— Опусти ее! — Мой голос разносится по воздуху, когда я направляюсь к лестнице, но мужчина только смеется.

— Отойди, Уссуриец, или я начну отрезать кусочки от нее. — Он протягивает руку, и я замечаю охотничий нож в одной руке, направленный к уху Катерины. — Она симпатичная, но есть мужчины, которые купят шлюху даже с отрезанными кусками, если им будет

позволено отрезать еще.

Катерина отшатывается, на ее лице неприкрытый ужас, и я вижу, как из нее вытекает каждая капелька крови. Ее глаза расширяются при виде ножа, и я вижу, как она заново переживает каждый порез, который Андрей и Степан когда-либо наносили ей в том доме. Горячая, неистовая ярость вскипает во мне, и я направляю пистолет прямо в лицо мужчине.

— Положи нож и отойди от моей жены.

Он просто смеется, прижимая острие ножа к челюсти Катерины.

— Давай, пристрели меня. Я отрежу это по пути вниз, и одна из твоих дочерей окажется сброшенной с лестницы к твоим ногам. Алексей сказал нам убедиться, что мы сохраним одну живой для целей торга. Но две маленькие девочки, это слишком много, насколько я могу судить.

— Папа! — Кричит Елена, слезы текут по ее покрасневшему лицу. — Папа, помоги!

Аника обмякла, что говорит мне о том, что она потеряла сознание. Я стискиваю зубы, пылая от ярости.

— Левин, где, черт возьми, охрана? — Я рычу, говоря низким тоном, но мужчина, держащий Катерину, все равно слышит это.

— Твоя охрана практически уничтожена. У Алексея было в два раза больше людей, чем у тебя. — Он ухмыляется, показывая рот, в котором наполовину нет зубов. — Он неплохо заработал на этом складе, полном девушек. Оказывается, то, чего ему не хватало для превращения половины твоих людей в предателей он купил на заработанные деньги. Есть много наемников, которые с радостью пойдут даже против тебя за правильную цену. И в твоей конюшне было несколько прекрасных кобылок. — Затем он смеется, качая головой. — Большой, злой медведь. Мы подкрались к твоей крепости и проникли внутрь, отключили твою охрану на время, достаточное для того, чтобы этот грузовик проехал через твои ворота, и впустили остальных. Вот тебе и конспиративная квартира. — Он ухмыляется Катерине. — Она блядь чертовски великолепна. Твоя жена?

— Отпусти меня, блядь, ай! — Катерина кричит, когда он запускает руку ей в волосы, откидывая ее шею назад.

— Я отрежу тебе язык, если ты еще раз закричишь, — угрожает мужчина. — Брошу его к ногам твоего мужа. — Он дергает головой в направлении гостинной. — Мы заканчиваем с остальным. Отойди, Медведь. Чем быстрее ты встретишься с Алексеем и услышишь его условия, тем скорее мы все сможем покончить с этим грязным делом.

Я никогда никого не хотел убить так сильно, как хочу убить троих мужчин наверху лестницы, которые держат мою жену и дочерей. Я редко испытывал такое жгучее желание не просто убить, но сделать так, чтобы это продолжалось, разобрать их по кусочкам и показать им, откуда именно взялась репутация, которую они предпочли игнорировать. Но слезы Елены и тот факт, что я не сомневаюсь, что они без колебаний выполняют свои обещания, удерживают меня от того, чтобы броситься вверх по лестнице или сделать выстрел, который, я знаю, я бы не промахнулся.

Я бы убрал хотя бы одного из них, но были бы жертвы, и по крайней мере одной из них была бы одна из моих дочерей и, вполне возможно, Катерина. Чувство беспомощности, которое охватывает меня, только усиливает мою ярость. Катерина смотрит на меня, ее темные глаза несчастны и напуганы, и в этот момент я понимаю, что где-то на этом пути я совершил ужасную ошибку.

Несмотря на все мое богатство, всех людей, которых я нанял, чтобы защитить себя и

свою семью, все усилия, которые я приложил, все свелось к этому. Я не могу защитить тех, кого люблю больше всего, даже после всего. И когда открывается дверь, и я вижу, как выходят еще двое мужчин с Софией, зажатой между ними, и еще один с Анной, перекинутой через плечо, я чувствую, как внутри меня открывается бездна отчаяния.

Я не смог защитить первую супругу и ребенка, о зачатии которого не знал, и теперь я снова потерпел неудачу. Несмотря на то, что я следовал пути, на который наставили меня мой отец и дед, за все, что я пытался вести честно, следовать кодексу и быть мужчиной, которому другие мужчины могли бы следовать и уважать, на этом все закончилось.

— Отпусти ее к чертовой матери! — Лука рявкает, увидев Софию. — Их обоих! Они не имеют к этому никакого отношения...

— Ты заключил сделку с Медведем.

Позади нас раздается голос, ясный и резкий, и я узнаю его. Я медленно поворачиваюсь вместе с Лукой, Левином и Лиамом, но я уже знаю, кого увижу.

Алексей стоит там, по бокам от него дюжина мужчин с автоматическим оружием. Он холодно улыбается мне, его белокурые волосы зачесаны назад, а голубые глаза ледяным блеском сверкают.

— Мистер Романо, ты заключил сделку, — повторяет он, бросая взгляд на Луку. — Это означает, что бизнес Медведя также влияет на тебя и твоих близких. И на тебя тоже, соответственно, ирландец. Хотя, если ты хочешь перейти на другую сторону, плоть — не единственный бизнес, в котором я заинтересован. Ваша торговля оружием, это рынок, на котором я бы не колеблясь воспользовался. Я слышал, твой отец превосходно умел переходить на другую сторону, когда ветер дул в его пользу. — Он смотрит на Лиаму, его лицо бесстрастно. — Итак, я дам тебе, по крайней мере, шанс выбрать победившую сторону сегодня.

Лиам, к его чести, даже не вздрагивает.

— Я не мой отец, ты, маленькое дерьмо, — говорит он, его акцент усиливается по мере того, как он говорит, почти растягивая слова с сильным гэльским акцентом. Он смотрит на Алексея почти небрежно, как будто его ни в малейшей степени не пугает этот человек или его подмога, и этого почти достаточно, чтобы произвести на меня впечатление. Я не слишком высокого мнения о младшем сыне Конора, но ясно, что у него яйца покрупнее, чем я думал.

— Позор. — Алексей пожимает плечами. — Я полагаю, если бы твой брат унаследовал, он мог бы выбрать сторону, которая сделала бы его богатым человеком и защитила семьи, которые он должен возглавлять. Я приеду в Бостон, ирландец, как только закончу с делами Виктора.

— Разве Манхэттена недостаточно? — Лука свирепо смотрит на него. — Если ты нацелился на меня и моих близких, то я предполагаю, что ты смотришь и на мои территории тоже. Так ты попытаешься захватить Бостон после этого? Амбициозно, для одного мужчины.

— Я положил глаз на весь Северо-восток, — говорит Алексей с холодной улыбкой, глядя на Луку. — От Ньюпорта до Балтимора. Так что да, мистер Романо, я намерен захватить Бостон, когда закончу оставлять свой след на Манхэттене.

— Действительно амбициозно. — Я смотрю на него холодно. — Жаль, что ты не сосредоточился на том, чтобы стать лучшим бригадиром. Ты мог бы быть более доволен своими наградами...

— Заткнись. — Алексей насмехается надо мной. — И пошевеливайся. Мы закончим эту

дискуссию в более удобном месте. — Он жестом указывает на гостиную, когда мужчины над нами спускаются по лестнице, ведя за собой Катерину, Софию, Елену, Анику и Ану.

Он кивает головой в сторону меня, Луки, Левина и Лиама, бросая взгляд на мужчин рядом с ним.

— Разоружите их.

11

ВИКТОР

Я скриплю зубами, когда мужчины шагают вперед, из-под балаклав и тактического снаряжения на них видны только их глаза. Они грубо хватают всех нас, и все во мне кричит дать отпор. Я вижу, как лицо Левина становится жестким, его мышцы напрягаются, когда он смотрит на меня с выражением, которое ясно говорит: "что ты хочешь, чтобы я сделал, босс?"

Я хочу, чтобы он дал отпор. Я хочу дать отпор. Я не хочу, чтобы эти сукины дети прикасались ко мне или к любому другому мужчине или женщине в моем доме. Я хочу разорвать Алексея в клочья, содрать с него кожу до костей, пока я буду наблюдать за последствиями того, как он посмел переступить порог моего дома и позволил своим людям прикасаться к моей жене и детям. Но драка будет означать увечья или смерть для женщин и детей, за которых я несу ответственность. И эта мысль обрушивается на меня, как тонна кирпичей, голос Катерины эхом отдается в моей голове.

Ты был ответственен за них в тот момент, когда привез их сюда. Это твоя вина...

Моя вина. Моя вина. Пронзительный крик заставляет мою голову повернуться, и я вижу, как другой из людей Алексея грубо тащит Сашу вниз по лестнице.

— Прости! — Выдыхает она, увидев меня, ее лицо бледнеет, когда она замечает мужчину, держащего Елену. — Я пыталась остановить его, мне так жаль, он забрал ее, и я не смогла...

Я не совсем уверен, почему из всего этого для меня наконец-то прояснилось именно это, все, что сказала мне Катерина, но вид Сашы, избитой за попытку спасти мою дочь, расставляет некоторые окончательные точки на свои места. Я чувствую волну холодной, болезненной вины, на которую раньше испытывал лишь намеки, как будто наконец-то был разрушен какой-то барьер в моем разуме и в моей душе.

Эта девушка, которую я похитил, держал на складе для продажи, эта девушка, у которой украд девственность один из моих людей, эта девушка, которой затем дали место в моем доме или могли выставить на улицу по ее собственному желанию, рисковала собой, чтобы спасти мою дочь. И все, что это принесло ей, было еще большей болью.

В руках Алексея ей тоже не станет лучше.

Я смотрю на Катерину и вижу те же мысли на ее лице. Ее глаза встречаются с моими, и в них печальная покорность судьбе. Она больше не сопротивляется, просто стоит там, мужская рука обхватила ее за горло, пока она смотрит, как Сашу тащат вниз по лестнице.

Мне очень жаль, хочу сказать я. Я понимаю. Но уже слишком поздно.

— Саша — кричит Макс, его лицо бледнеет, когда он извивается в руках держащего его мужчины, но все, что он получает, это удар кулаком в челюсть, его голова поворачивается, и глубокий стон срывается с его губ, когда он наклоняется вперед. Люди Алексея подталкивают нас к гостинной, женщины и дети позади нас. Там уже больше его людей, Ольга и другой персонал сбились в кучу в окружении солдат.

— Отведите их туда. — Алексей указывает в сторону комнаты. — Всех женщин и

детей. Я хочу, чтобы их мужчины увидели их. Постройте людей в шеренгу. — Он дергает головой, и его солдаты начинают расталкивать нас по местам, выстраивая в шеренгу перед одним из диванов. Левин рядом со мной, Лука, Лиам и Макс, который слегка пошатывается, изо рта у него течет кровь.

Катерина снова начинает драться, когда один из мужчин роняет Ану, как мешок с картошкой, на пол, оставляя ее там грудой, пока она стонет.

— Что, черт возьми, с ней не так? — спрашивает Алексей, прищурился глаза.

— Она ранена, ты, кусок дерьма! — София огрызается, бросаясь вперед. — Ее ноги...

Один из мужчин, держащих ее, сильно бьет ее по лицу.

— Закрой рот и говори с уважением, сучка, — рычит он. Лука почти взрывается, так яростно вырываясь из хватки держащих его мужчин, что высвобождает одну руку и замахивается на ближайшего.

Требуются двое мужчин, чтобы удержать его, один наносит удар в живот, который заставляет его согнуться пополам, прежде чем Лука перестает сопротивляться. Он свирепо смотрит на меня, выплевывая злость и проклиная по-итальянски на человека, который его ударил.

— Ты что, собираешься просто стоять там и смотреть на это? — Лука тяжело дышит, поворачивает голову, чтобы посмотреть на Софию, которая побледнела как смерть. Когда она делает шаг вперед, а один из мужчин выкручивает ей руку, Лука издает почти животный звук.

— Она беременна, ты, кусок дерьма! — Огрызается он, и я стону, качая головой, когда Алексей смотрит на него с интересом.

— Ради всего святого, Лука, заткнись, — шиплю я. — Ты сделаешь только хуже.

— По крайней мере, я, блядь, буду драться! — Лука смотрит на Алексея с такой ненавистью, которую я редко видел на лице мужчины.

— У них мои дети, — рычу я себе под нос. — Ссоры нас не спасут. Сохраняй хладнокровие, Лука.

— Он прав, — жестко говорит Лиам, его взгляд прикован к Ане. — Я ненавижу это так же сильно, как и ты, парень, но он чертовски прав. — Он переводит взгляд на Алексея, спокойный, несмотря на искорки в его зеленых глазах. — Чего ты хочешь, мелкое дерьмо? Ты уже забрал половину бизнеса Виктора. И я знаю, я знаю, у тебя есть планы на весь Северо-Восток, но подумай своей головой, чувак. Ни один человек не сможет вместить все это. Даже мой отец знал достаточно, чтобы пытаться заключать союзы.

Алексей ухмыляется.

— Значит, твой отец был таким же глупым, как и ты. Один человек может править чем угодно, если его достаточно бояться.

— Страх не заведет тебя далеко. — Мой голос остается ровным, несмотря на дрожь гнева, охватившую меня. Елена упала на пол, свернувшись в клубок, мужчина, наблюдающий за ней, навис над ней. Когда я смотрю прямо на Алексея, я вижу, как мужчина не слишком нежно опускает Анику рядом с ее сестрой. Это все, что я могу сделать, чтобы не впасть в ту же ярость, что и Лука, увидев, как Аника дернулась от боли, а ее сестра ахнула, потянувшись к ней. Катерина извивается в объятиях мужчины, который снова держит ее, отчаянно пытаюсь добраться до девочек, но он держит ее слишком крепко.

— Страх заведет меня достаточно далеко. — Губы Алексея снова изгибаются в этой жестокой улыбке. — Видишь ли, Виктор, твоей проблемой был твой надоедливый

моральный кодекс. Ты торгуешь сексом, продаешь женщин, наживаешься на современном рабстве. Тем не менее, ты считаешь себя выше других, потому что убиваешь дискриминируемо, отказываясь от изнасилований, редко подвергаешь пыткам. Ты думаешь, что правишь, потому что тебя уважают, но на самом деле ты всего лишь медведь без когтей. Старый гризли, у которого выпали зубы. И я здесь, чтобы сказать тебе, что страх заведет нас дальше, чем уважение, дальше, чем моральный кодекс. Видишь ли, Виктор... — он балансирует пистолетом в одной руке, его пристальный взгляд скользит по собравшейся группе, и мое сердце замирает в груди. — Разница в том, что твои мужчины точно знали, как далеко ты можешь зайти, — продолжает Алексей. — Один из них осмелился изнасиловать женщину с твоего склада, украсть ее девственность, потому что верил, что ты поступишь с ним милосердно.

— Я убил его, если ты помнишь, — отвечаю я сквозь стиснутые зубы. — Я бы не назвал это милосердием.

— В самом деле. — Алексей размышляет. — Пуля в голову. Более добрая смерть, чем я бы дал человеку, который обокрал меня. Но, видишь ли, мои люди боятся меня до такой степени, что этого никогда бы не случилось с самого начала. Ты знаешь, что я сделал с мужчинами дома, которые не смогли перейти на мою сторону?

От выражения его лица у меня в животе скручивается тошнотворное чувство.

— Нет, — тихо говорю я. — И не хочу.

— Я разрезал их на куски, пока остальные смотрели и благодарили Бога за то, что они выбрали правильную сторону. — Алексей возвращает пистолет обратно в руку, обхватывая пальцами его рукоятку. — От человека можно отрезать много кусочков, прежде чем он умрет. Некоторые теряют сознание раньше, чем другие, но все это часть веселья. Некоторые из твоих мужчин, перешедших на другую сторону, к концу делали ставки на то, кто продержится дольше всех.

Затем он хмурится, размышляя.

— Конечно, я потерял Михаила. Это было разочарованием, я думаю, он продержался бы дольше всех. Он был очень предан тебе. Достаточно лоялен, чтобы попытаться вывести всех твоих сотрудников, хотя ему это и не удалось.

— Что ты с ними сделал? — У меня болят зубы от того, как сильно я их сжимаю в попытке не потерять контроль. Не выкручиваться и не нападать на него, действие, которое имело бы катастрофические последствия для моей семьи.

Алексей пожимает плечами.

— Самых красивых и молодых женщин я взял на продажу. Мужчин, я застрелил, женщин постарше и уродливее я отдал своим людям, чтобы избавиться от них, когда с ними будет покончено. Некоторые мужчины трахнут все, что угодно, если смогут заставить лечь под них. Он ухмыляется. — Михаилу несколько раз удавалось уйти. Но не волнуйся, у меня есть люди, которые ищут его, пока мы разговариваем. Я бы сказал, что предоставлю тебе привилегию наблюдать, пока я смотрю, сколько фрагментов я смогу удалить, прежде чем он потеряет сознание. Но вы будете все уже мертвы.

— Нет!

С левой стороны комнаты доносится крик, и мое сердце замирает, когда я вижу, как Ольга делает шаг вперед, ее морщинистое лицо сморщивается, когда она умоляюще смотрит на Алексея.

— Виктор — хороший человек, — спокойно говорит она, протягивая руки. — Я знаю

тебя, сынок, — тихо говорит она. — Я готовила тебе ужин, прислуживала за столом Виктора. Это не ты.

— Заткнись, ведьма, — огрызается Алексей. — Если ты знаешь, что для тебя хорошо, ты отойдешь назад и закроешь свой морщинистый рот. Я могу назначить тебе цену, учитывая твоё умение вести хозяйство, но если ты не оставишь меня заниматься моими делами...

— Ольга, пожалуйста, — начинаю говорить я, но она продолжает говорить, высоко подняв подбородок, а её водянисто-голубые глаза устремлены на Алексея.

— Жаль, что у тебя нет уважения к старшим, — бормочет Ольга. — Но что бы ты ни запланировал для меня, пощади Виктора и его семью. Он был добр ко мне и другим членам своей семьи.

— Я предупреждаю тебя ещё раз, — глаза Алексея сужаются, рот поджимается. — Я не люблю терять деньги. Но ты выводишь меня из себя, старая сука. Ты должна знать своё место.

Но, к моему ужасу, Ольга не отступает. Вместо этого она опускается на колени, все ещё протягивая руки. Я слышу вздох справа от меня, вероятно, Катеринин, но я не отвожу взгляд. Я не могу, потому что знаю, что будет дальше. И это моя вина.

Во всем этом моя вина.

— Я умоляю тебя, — говорит Ольга, неуклюже опускаясь на колени под тяжестью возраста, теперь более отчетливого, хотя её старческий голос дрожит с оттенком страха. — Если в тебе есть хоть капля милосердия, не...

Грохот выстрела оглушительен. Елена начинает кричать, когда Ольга падает на пол, кровь, капающая из раны на её лбу, хорошо видна. Её пронзительные крики наполняют комнату, достаточно громкие, чтобы быть услышанными даже через временную глухоту от выстрела, и Алексей разворачивается на каблуках, на его лице явно написано раздражение.

— Заткни это гребаное отродье, — рявкает он. — Мне нужен только один ребенок живым, если она не заткнется нахуй...

— Нет! — Теперь очередь Катерины кричать. Она вырывается из рук мужчины, держащего её со свирепостью, которой я никогда не видел, её изящное тело изгибается, когда она вонзает локоть ему в ребра, наступая ему на ногу, и высвобождается, бросаясь на пол рядом с Еленой и Аникой. — Шшш, — шепчет она, заключая Елену в объятия, физически загораживая её от линии огня Алексея и кого-либо ещё. — Ты должна вести себя тихо, детка, пожалуйста. Я знаю, ты напугана, я тоже, но сейчас ты должна помолчать, ради своего отца и меня. Тсс, тсс...

Она продолжает напевать Елене, поглаживая её по волосам, все её внимание сосредоточено на маленькой девочке, несмотря на то, как она напугана, я вижу, что она напугана. Я знаю, что она ещё не оправилась от травмы собственного похищения, и я знаю, что это, должно быть, снова поднимает все это. Но я вижу по её лицу, что ничто не может помешать ей защитить моих дочерей, и мое сердце наполняется чувством к ней, которого я желаю больше всего, чтобы я мог выразить словами до этого момента.

— Мама-медведица. — Алексей смеется. — Эта тоже беременна? — Он смотрит на меня, и я знаю, что он ждет от меня ответа.

Я не знаю, какой ответ лучше. Софии не причинили вреда с тех пор, как Лука выкрикнул это, но у меня есть неплохое представление о том, что Алексей надеется сделать с присутствующими здесь женщинами. Беременная женщина — это новинка, но не многие мужчины, желающие купить, хотят результата. Это снизило бы её цену.

Меня тошнит от одной мысли о Катерине в таком ключе, но я должен думать о том, как наилучшим образом защитить ее, пока Алексей одерживает верх. И я понимаю, свежим взглядом, которым я посмотрел на Сашу, что я думал о сотнях женщин именно так. Для меня это просто не имело значения, потому что они не были моей женой или моими дочерьми. Тем не менее, я был ответственен. Так же, как я несу ответственность за все, что случилось с Сашей, Катериной и Ольгой. Я смотрю на старую женщину, ее тело неподвижно лежит на ковре, кровь течет у нее со лба, когда Алексей делает знак, чтобы ее унесли. Ее жизнь оборвалась в одно мгновение, потому что она вступилась за меня.

Я этого не заслуживал. Она была верна мне, а я этого не заслужил. Я хорошо относился к ней все те годы, что она работала в моем доме, но на что она закрывала глаза все это время? Как она оправдывала это, продолжая так преданно заботиться о моей семье и обо мне?

Только Катерина противостояла мне. Только Катерина отказывалась дарить мне свою любовь и преданность, пока я не увижу себя таким, кто я есть на самом деле. Даже первой жене не удалось выразить свои чувства словами. Только Катерина была достаточно сильна.

А теперь уже слишком поздно.

— Она нет, — тихо говорю я.

— Хорошо. — Алексей удовлетворенно улыбается. — Разделите остальной персонал, — говорит он мужчинам, стоящим по бокам от них, поглядывая в том направлении. — Женщины в возрасте до двадцати пяти лет с достаточно приличной внешностью выставляются отдельно на продажу. Остальные держатся отдельно, возможно, мы еще найдем на них покупателей. Итальянка, блондинка, жена Виктора, и эта маленькая вертихвостка, — он кивает в сторону Саши, — они идут со мной обратно в главный дом. Вместе с детьми. — Он улыбается мне, выражение его лица самое жестокое, какое я когда-либо видел. — Эти две девочки очень хорошенькие. Представь себе цену...

Звук, который вырывается из моего рта, не похож ни на что, что я когда-либо слышал, звериный звук, когда я бросаюсь к нему, мой контроль окончательно сломлен. Алексей отступает назад, издавая странный звук.

— Давай, давай, Виктор, помни, что твое поведение имеет значение. Чем сильнее ты будешь давить на меня, тем больше я буду вымещать это на них. — Прежде чем мы уйдем, — продолжает он. — Совершенно ясно, что я не могу оставить тебя в живых, Виктор. Ты не хочешь уйти на пенсию с почестями. И я не могу допустить, чтобы кто-то из наших соотечественников пытался отомстить за тебя. Поэтому многим из вас придется умереть. Поскольку у нас нет времени на развлечения, я сделаю это быстро. Пристрелите их. — Он отступает назад, кивая своим людям, и они в унисон поднимают оружие.

Гребаная расстрельная команда в моей гостиной. И я нахожусь не на том конце этого.

Я точно не боюсь смерти. Человек в моем положении не может оставаться там так долго без здорового осознания того факта, что он все время живет на острие ножа смерти, если неправильные люди получают неправильные идеи. В нашем мире дожить до глубокой старости, это успех сам по себе, такой же впечатляющий, как любой финансовый успех. Это означает, что вы умны, подкованы, сообразительны и вас уважают или боятся настолько, что вы избежали заговоров, убийств и общей недоброжелательности, которые привлекают мужчин, обладающих властью в нашем мире.

Наконец-то это дошло до меня.

Что касается меня, то мне все равно. Я не боюсь самой смерти. Конечно, обидно так

скоро лишаться атрибутов жизни: роскоши, ради которой я упорно трудился, удовольствий от секса, наслаждения хорошей едой, хорошей сигарой или рюмкой хорошей водки. Я знаю, что Лука чувствует то же самое. Он моложе меня, ему слегка за тридцать, он знает, какое достижение, подняться на свое место, оставаясь при этом живым и невредимым. И у него были более близкие контакты, чем у меня. Лиам... ну, он достаточно молод, чтобы сожалеть о жизни, по большей части непрожитой. Я сочувствую ему. А Макс боится своего Бога и клятв, которые он нарушил. Смерть не придет к нему спокойно. Но в основном, это все остальные, которые наполняют меня сожалением. София, которая одна будет рожать своего ребенка, вдова. Ана, оставшаяся одна в мире, который и так достаточно ее потрепал. Саша, снова заключенная. Мои дети в руках человека, который будет делать вещи, от которых меня тошнит. Катерина...

Я должен был сказать ей, что люблю ее. Я должен был понять, что она пыталась сказать мне намного раньше. Если бы только... Но в этом нет смысла. У меня может быть несколько секунд, чтобы высказаться, прежде чем мужчины начнут стрелять, но я не могу использовать эти секунды, чтобы сказать Катерине то, что я хочу сказать, независимо от того, насколько отчаянно слова срываются с моих губ. Это эгоистичное желание, и поскольку смерть всего в нескольких секундах от меня, у меня нет на это времени.

Мысль о том, чтобы оставить Катерину на их милость, так и не узнав, что я чувствую, заставляет мое сердце чувствовать себя так, словно его вырывают из груди. Но не она нуждается во мне больше всего.

— Только не мои дети, Алексей, пожалуйста. — Я протягиваю руки, осознавая, насколько это похоже на то, как Ольга умоляла всего несколько минут назад, но в этот момент я далек от мысли заботиться о своей гордости. — Мой бизнес никогда не заключался в торговле детьми. Женщины всегда были совершеннолетними, и моя клиентура отражает это. Если в тебе есть хоть капля доброты, хоть капля уважения к годам, которые мы проработали вместе, а не к моим дочерям. Убей меня, делай что хочешь, но не...

— Заткнись. — Алексей смеется. — Меня волнует прибыль, а не мораль. Эти девочки... само совершенство. Одна, конечно, ранена, но я могу с этим справиться. Самая маленькая, хотя...

— Алексей.

Голос Катерины пререзает воздух, и все замирают, в основном из-за того, как она произносит его имя. Это не крик и не мольба. Это холодный и ясный голос, который я ожидал услышать от одного из моих людей, и даже солдаты, наставившие на нас оружие, дрогнули, желая повернуться, чтобы посмотреть на нее. Однако они не осмеливаются навлечь на себя гнев Алексея и удерживают свою позицию, направив дула автоматического оружия прямо на нас пятерых. В любой момент они могут разорвать нас в клочья, убив еще до того, как мы едва успеем услышать выстрелы. По крайней мере, это будет быстро.

Я боюсь не смерти и не боли. Но мысль о том, что я оставлю своих дочерей и Катерину позади, вызывает невыносимое горе, агонию, подобной которой я никогда не испытывал.

Алексей медленно поворачивается, на его лице расплывается ухмылка.

— Говори мама-медведица. Что ты хочешь сказать, миссис Андреева? — Он саркастически наклоняет голову. — Что хотела бы сказать мне царица?

Катерина вздыхает, ее подбородок вздернут.

— Если ты оставишь мужчин в живых, всех пятерых, — уточняет она. — Дашь им свободу. Если ты сделаешь это, я и другие женщины и дети уйдем с тобой.

Алексей мгновение ошеломленно смотрит на нее, а затем начинает смеяться.

— Ты что, не слышала, что я только что сказал, тупая сука? — Он фыркает. — Я сказал, что вы все поедете со мной, как только я избавлюсь от ваших мужей. Ты что, дура? Что это за гребаная сделка?

Любая другая женщина могла бы дрогнуть или умереть. Даже София дрожит, ее лицо такое бледное и бескровное, что я не могу поверить, что она еще не потеряла сознание. Ее взгляд прикован к Луке, слезы текут по ее лицу, губы издают бессловесные звуки. Я люблю тебя, я люблю тебя. То, что я так сильно хочу сказать Катерине. Моя пылкая, любимая невеста. Мое сердце переполняется, когда я смотрю, как она бесстрашно смотрит на Алексея, хотя я знаю, что это бесполезно.

Она улыбается ему, и этого достаточно, чтобы заставить его дрогнуть.

— Ты что, тупая? — спрашивает он снова. — Чему, блядь, ты улыбаешься, пизда? — Он делает два шага к ней, насмешливо улыбаясь. — Я собираюсь продать тебя тому, кто уберет эту улыбку с твоего милого личика. Я найду самого порочного мужчину в России, того, кому нравится причинять боль женщинам, и я продам тебя за цену, которая оправдывает все, что он с тобой сделает. Того, кто готов заплатить за его особые пристрастия. Можешь ли ты представить...

— Я могу, — спокойно говорит Катерина, хотя я вижу страх, мелькающий в ее глазах. — И ты можешь делать со мной все, что захочешь, Алексей, если отпустишь Виктора и других мужчин здесь и обещаешь быть мягким с другими женщинами и моими дочерьми. Ты можешь делать все, что захочешь, сейчас или позже, и я не буду сопротивляться. Никто из нас не будет сопротивляться тебе, когда ты заберешь нас отсюда. Но если ты убьешь наших людей... — Она переводит дыхание, не отрывая от него зрительного контакта. — Ты все равно заберешь нас, это правда. Но мы превратим это место в ад для тебя. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы навредить твоим солдатам, мы попытаемся сбежать, мы будем кусаться, царапаться и не важно, что ты сделаешь с нами за это. Мы будем действовать, когда ты попытаешься продать нас, и снижать цену. Мы превратим каждый момент, когда мы будем в твоём распоряжении, в сущий ад, если ты сделаешь это. Ты продашь нас гораздо дешевле, чем мы стоим, просто чтобы избавиться от нас.

Христос. От храбрости в ее словах, от стали в ее позвоночнике у меня перехватывает дыхание. Она смотрит на него непоколебимо, предлагая себя больше всех. Это вырывает у меня сердце из груди, хотя я без сомнения знаю, что ни одна женщина в мире не смогла бы стать для меня лучшей партией.

Жаль, что я понял этого так поздно.

Алексей фыркает.

— Ты сделаешь то, что я хочу, и все равно тихо кончишь. Или я причиню боль этим двум девочкам...

— Нет, ты этого не сделаешь. — Катерина спокойно смотрит на него. — Ты хочешь за них хорошую цену. И кроме того, что ты сделаешь? Ты причинишь им вред? Если ты это сделаешь, ты не получишь за них больше пени. Убьешь их? — Она холодно улыбается ему. — Смерть лучше, чем то, что ты для них запланировал. Если бы я думала, что другого выхода нет, я бы сделала это сама, прежде чем позволить тебе их продать.

Я не знаю другой женщины, которая могла бы так спокойно обсуждать что-то настолько ужасное. София выглядит так, как будто ее сейчас стошнит, Саша с ужасом смотрит на

Катерину. Но Катерина не хуже меня знает простую истину, мольбы к Алексею ничего не изменят. Единственный способ победить такого человека, как он, апеллировать к единственному, что его волнует, жадности и результатам. Практичность ситуации — это то, что изменит его мнение, а не мораль. Его не волнует, что правильно, а что нет. Его волнует эффективность и прибыль. И, убрав свои эмоции из ситуации, Катерина обратилась к обоим.

Возможно, она только что спасла всех нас.

Алексей хмуро поджимает губы.

— Гребаная сука, — рычит он сквозь стиснутые зубы. — Что, если я скажу тебе, что все равно причину вред твоим мужчинам, даже если ты уйдешь тихо?

— Ты можешь делать все, что захочешь, — говорит Катерина, ее голос слегка дрожит. — При условии, что ты позволишь им уйти. Мы сделаем то, что должны, чтобы сохранить им жизнь.

Он делает шаг вперед, его левая рука метается вперед и грубо хватается ее за грудь. Я вижу боль на лице Катерины, но она не вздрагивает.

— Ты не девственница, — говорит он, смеясь. — Так что нет никакой разницы, кто тебя трахнет, прежде чем продать. Думаю, я возьму тебя для себя, на некоторое время. Наслажусь тем, чем наслаждался Виктор. Я уже забрал все остальное у него. Что ты об этом думаешь? Ты трахнешь меня в обмен на жизнь своего мужа? — Его губы кривятся. — На все их жизни? Тебе придется сделать это добровольно.

Катерина дрожит всем телом, мелкая дрожь пробегает по ее телу ото лба до кончиков пальцев ног, но она кивает.

— Да, — тихо говорит она. — Если такова твоя цена.

— Что, если я скажу тебе сейчас встать на колени и отсосать у меня на глазах у твоего мужа? — Алексей громко смеется, почти безумно. — Боже, разве это не было бы весело?

Катерина тяжело сглатывает, ее взгляд устремляется на меня. Сейчас ее трясет, но она начинает опускаться на колени.

— Катерина, нет! — Я начинаю кричать, но один из мужчин тычет прикладом пистолета мне в живот, заставляя меня согнуться пополам от кашля. — Кэт...

Она опускается, и Алексей снова хихикает, его рука крепко сжимает ее волосы.

— Боже, ты, должно быть, чертовски любишь его. Или же он знает, как отдать тебе свой член, чтобы внушить такую преданность. Но не волнуйся, мама-медведица. — Он приподнимает ее подбородок, ухмыляясь ей сверху вниз. — Я буду трахать тебя до тех пор, пока ты не будешь думать ни о каком члене, кроме моего.

Затем Алексей крепче сжимает ее волосы, поднимая на ноги.

— Хорошо, отойдите, — говорит он почти небрежно, махая мужчинам. — Однако не спускайте с них глаз и держите их в узде, пока женщин не погрузят. Когда мы будем в пути, вы сможете их освободить. Или... — исправляется он, — оставьте их связанными, чтобы они не смогли последовать. Убедись, что все остальные сотрудники службы безопасности мертвы. Проведите зачистку. — Он машет рукой, и некоторые из мужчин послушно отступают. — Они могут сами найти способ освободиться. Это даст нам время уйти.

Затем он смотрит на меня, его голубые глаза пронзают, когда его взгляд останавливается прямо на моем.

— Будь осторожен, Виктор Андреев. Если ты придешь за мной, цена, которую заплатит твоя семья, будет дорогой. Не приноси жертву своей жены напрасно. И даже не думай о том, чтобы вернуться на Манхэттен и продолжить с того места, на котором ты

остановился. Теперь у тебя нет ни дома, ни бизнеса. Попроси своих итальянских или ирландских друзей о помощи, если сможешь. Но тебе конец.

Затем он хватается Катерину и толкает ее ко мне.

— Попрощайся, пока мы грузим твоих друзей.

— Пусть они тоже попрощаются, — начинает говорить она, и рука Алексея мгновенно взлетает, сильно ударяя ее по щеке.

— Хватит, — выдавливают он. — Ты выторговала все, что могла, царица. Ты прощаешься. Больше никто. Посмотри, как сильно твои друзья заботятся о тебе после этого, поскольку ты уже заключила сделку и с их жизнями тоже.

— Макс... — Рот Саши распух, но она произносит его имя, глядя на него глазами, полными слез. — Макс, мне жаль...

Он вырывается из рук удерживающих его мужчин, его лицо за считанные мгновения из сморщенного превращается в свирепое.

— Оставайся сильной, Саша! — Кричит он. — Ты продержалась так долго. Ты можешь выжить, пока мы не придем за тобой.

Людам Алексея сейчас трудно удержать кого-либо из нас. Лиам пытается увидеть Ану, протискиваясь мимо мужчин, которые преградили ему путь.

— Ана! — Зовет он, но ответа нет. Она потеряла сознание от холода, от боли или страха, или от того и другого, и один из солдат Алексея бесцеремонно перекидывает ее через плечо и несет к Саше.

— Вы, мерзкие ублюдки. — Лука тоже пытается освободиться, его взгляд отчаянно ищет жену. — Она беременна, клянусь богом, если она потеряет ребенка...

— Какое тебе до этого дело? — Алексей смеется. — Ты ее больше никогда не увидишь, Романо. Кто знает, что случится с ребенком, если он родится. Возможно, я оставлю ее у себя, пока она не родит, и найду применение ребенку, когда он станет достаточно взрослым, чтобы приносить прибыль.

Лицо Луки покраснело от ярости, и он сильно вырывается из удерживающих его рук. Алексей издает многострадальный вздох.

— Возьмите их под контроль, — огрызается он. Лука издает стон боли, когда один из мужчин, держащих его, сильно бьет его, другой наносит удар в почку, из-за которого он чуть не падает на пол от боли. Я хочу что-нибудь сделать, остановить то, что происходит с ним и что, несомненно, скоро произойдет с другими мужчинами, но Катерину подталкивают ко мне, и я знаю, что у нас с ней есть только мгновения.

— Виктор...

— Тебе не следовало этого делать, — говорю я ей, качая головой. — Алексей причинит тебе боль. Он сделает с тобой ужасные вещи просто потому, что ты моя жена, а остальные...

— Все в порядке, — выдыхает она, ее глаза прикованы к моим, ее голос тихий, чтобы он и другие солдаты не услышали. Она протягивает руку, хватая меня за ворот рубашки, притягивая меня ближе. — Ты спасешь нас. Я знаю, что спасешь. Я верю в тебя, и в Луку, и даже в Лиаму. Что бы мне ни пришлось вынести до тех пор, это того стоит, чтобы сохранить тебе жизнь.

Ее слова останавливают все, что я мог бы сказать. Я смотрю на нее, мой взгляд изучает ее лицо.

— Ты это серьезно. — Это невероятно, оставить все так, как есть между нами, не сказав ей о том, что чувствует мое сердце...

— У нас нет времени, Виктор, — шепчет Катерина низким и отчаянным голосом. — У нас недостаточно времени, чтобы что-то сказать, на самом деле. Но да, я серьезно. Что бы мы ни сделали, что бы мы ни сказали друг другу, я не могла видеть, как ты умрешь у меня на глазах. Однажды ты спас меня. Ты сделаешь это снова. Я знаю, что ты так и сделаешь. — Она резко вдыхает, ее руки сжимаются на моей рубашке, а затем моя Катерина, моя жена, бросается ко мне с диким выражением в глазах, которого я никогда раньше не видел.

Она притягивает меня к себе, ее рот обрушивается на мой. Она целует меня так яростно, как я только мог себе представить, ее язык погружается в мой рот, когда она целует меня так, как будто это в последний раз, как будто она запоминает мои губы. И я знаю, что это так, потому что это вполне могло бы быть.

Я хочу прикоснуться к ней, обнять ее, заключить в свои объятия и никогда не отпускать. Я хочу чувствовать ее тело в своих руках, ее волосы, ее лицо, но мои руки связаны за спиной, и во время этого последнего поцелуя с моей женой я вообще не могу прикоснуться к ней.

— Катерина, я...

— Тсс. — Она отстраняется, качая головой. — Скажи мне, когда мы освободимся от этого, Виктор. Не здесь, не с ними.

— Что, если...

— Нет. — Ее голос тверд, и она протягивает руку, обхватывая мое лицо ладонями. — Ты спасешь нас. Я знаю, что спасешь. Мы будем ждать тебя.

— Поторопись, сука. — Голос Алексея прорезает воздух. — Хватит этого дерьма. У тебя есть десять секунд.

— Я позабочусь о них, — торопливо шепчет Катерина. — Девочки. Я не позволю ему причинить им вред, что бы мне ни пришлось сделать. Я обещаю. Я...

Его люди шагают вперед, хватают ее, оттаскивают от меня. Я пытаюсь броситься вперед, чтобы подойти к ней, но чьи-то руки хватают и меня, тащат обратно к Луке и остальным. Лука оседает на ковер, изо рта и носа у него течет кровь. Алексей жестоко ухмыляется мне, когда хватает Катерину за подбородок, заставляя ее смотреть на всех нас, пока Елену и Анику уносят к ожидающим автомобилям.

— Помни об этом, когда я буду трахать тебя, — говорит он, его губы возле ее уха, но его голос достаточно громкий, чтобы его услышали. — Это последнее, что я хочу, чтобы ты видела.

Он кивает своим людям, и они устремляются вперед, все они обрушиваются на нас одновременно. Лука уже избит до потери сознания, но остальные из нас: Макс, Лиам, Левин и я, мгновенно оказываются в центре их внимания, как будто Алексей щелкнул выключателем. Я слышу ворчание Макса, стон боли Лиама, а затем я еще раз мельком вижу бледное, заплаканное лицо Катерины, прежде чем кулак поворачивает мое лицо вбок, и я теряю ее из виду.

Когда мне удастся уклоняться от ударов достаточно долго, чтобы посмотреть снова, ее уже нет, как и Алексея. Дверь открыта, но я не вижу ни ее, ни кого-либо из них.

Они ушли.

Возможно, я никогда их больше не увижу.

Следующий удар сбивает меня с ног, и я знаю, что следующий за ним лишит меня сознания. Но на данный момент мне все равно.

Когда он приходит, я приветствую тьму.

КАТЕРИНА

Дорога до места назначения долгая.

Нас запихивают в фургон, всех нас оттесняют к одной его стороне, в то время как солдаты Алексея, все они вооружены, сидят на корточках с другой стороны, наблюдая за нами хищными взглядами.

— Жаль, что у него на них на всех свои планы, — бормочет один мужчина. — Я бы хотел попробовать. Особенно блондинку.

— Мне самому нравится рыжая, — говорит другой, указывая на Сашу, которая отшатывается назад с испуганными глазами.

— У жены Медведя есть когти, — с ухмылкой говорит крайний слева мужчина. — Я бы хотел засунуть в нее свой член. Мне нравятся такие дерзкие. Какого хрена ты полезла к боссу, а? Мы все должны были передавать ее по кругу, если бы Алексей не оторвал нам за это яйца.

— А как насчет итальянской шлюшки?

— Мне не нравятся беременные сучки. У меня аж мурашки по коже.

Я игнорирую их. Они не могут нас тронуть, Алексей мог бы сделать хуже, чем убить их, и они это знают. Это тот момент, когда жестокость Алексея сработает в нашу пользу. Вместо того чтобы удовлетворять их какой-либо реакцией, я сосредотачиваюсь на том, чтобы успокоить остальных. София бледна, но удивительно спокойна или, может быть, просто в шоке, поэтому я поворачиваюсь туда, где Саша свернулась калачиком рядом с Аникой и Еленой, Ана все еще без сознания рядом с ней.

— Мне страшно, — хнычет Елена, ее лицо распухло от слез, а нос покраснел. — Они убили Ольгу, Кэт, они убили ее...

— Я знаю, детка. Я знаю. — Моя грудь сжимается от горя, когда я тянусь к Елене, заключая ее в свои объятия вместе с Аникой. Аника начинает приходить в себя, но она не сопротивляется мне. Вместо этого она сворачивается калачиком в моих объятиях вместе с Еленой. При других обстоятельствах мое сердце наполнилось бы счастьем от того, что Аника была такой милой и доверчивой со мной. Но все, что я чувствую, это едва контролируемый ужас. Алексей хуже, чем я думала, он перешел грань от простого предателя к жаждущему власти безумцу. То, что он запланировал для нас, для каждого из нас ужасно, но то, что он запланировал для Аники и Елены, еще хуже. И я не позволю этому случиться.

Хотя я не знаю, как я собираюсь это остановить. Я могу успокоить его на некоторое время, занять его, чтобы у него не было времени причинять боль кому-то еще. Но если Виктор и другие не найдут нас быстро, у нас может не хватить времени, чтобы что-то изменить. Алексей не собирается долго тянуть время. Он никак не может поверить, что Виктор ускользнет вдаль, поджав хвост, когда Алексей только что похитил его жену и детей вместе с двумя женщинами, находящимися под его защитой, женой и нерожденным ребенком его союзника.

Я серьезно говорила Виктору, что верю, что он придет за нами. Я просто не знаю, сколько у нас времени.

— Мне страшно, — Елена снова плачет, переходя в рыдания, и я прижимаю ее к своей груди, приглушая их, насколько могу, чтобы не злить наших охранников. Даже помимо страха, я киплю от гнева и ненависти, подобных которым я никогда раньше не испытывала к Алексею и всем, кто ему помогал. Одно дело похищать и жестоко обращаться со взрослыми

женщинами. Тем не менее, я знаю, что Аника и Елена будут страдать от эмоциональных и ментальных шрамов от этого всю оставшуюся жизнь. Травма, которую они пережили всего за последний час, невысказана. *Если они зайдут так далеко.* Закрадывается мысль, но я так же быстро отбрасываю ее. Я не позволю себе думать об этом даже на мгновение. Я не позволю себе рассматривать возможность, при которой, по крайней мере, дочери Виктора не будут спасены. Я сделаю все возможное, чтобы сохранить их. Чего бы мне это ни стоило.

Я бросаю взгляд на Сашу, все еще держащую Елену и попеременно успокаивающую поглаживающую ее волосы и волосы Аники.

— Ты в порядке? — Тихо спрашиваю я, и она тяжело сглатывает, ее подбородок дрожит, когда она борется с тем, чтобы не расплакаться. Ее рот распух, лицо в синяках, а руки прижаты к груди, пытаюсь удержать рубашку на месте, чтобы охранники не могли видеть ее грудь.

— Нет, — шепчет она. — Но что, черт возьми, я должна с этим делать?

Ее честность поразительна. Мое сердце болит за нее, потому что она уже через многое прошла.

— У нас все будет хорошо, — шепчу я в ответ, и Саша грустно улыбается мне.

— Я не уверена, миссис Андреева. Но мы будем держаться так долго, как сможем. Они, самое важное. — Она кивает Анике и Елене. — Пока они безопасны, не имеет значения, что еще произойдет.

— Я не знаю, что они собираются со мной сделать, — бормочет София сквозь сжатые бледные губы. — Мой малыш...

— Я собираюсь обеспечить вашу безопасность, — яростно шепчу я. — Я обещаю. Я буду отвлекать Алексея, пока смогу...

— Этого будет недостаточно. — Саша тоже бледна, ее руки, сжимающие рубашку, дрожат. — Вы не знаете таких мужчин, как он, миссис Андреева. Ваш муж один из них, но даже он не такой злой.

Я на мгновение опешила от этого. Ваш муж — один из них. Я это знаю, конечно. Вот почему трещина между Виктором и мной такая глубокая, она все еще не зажила даже после тех последних минут между нами. Я не хотела оставлять его с такой болью, не хотела, чтобы наш последний разговор был таким же неестественным, сердитым, как те, что были у нас за последние недели. Но волшебным образом лучше не стало. И даже если он спасет нас, ничего не изменится, если он этого не сделает. Между нами по-прежнему будет непроходимая, невозможная пропасть. Но в этот момент я бы все отдала, лишь бы вернуться домой, даже если это означает жизнь рядом с моим порой жестоким, отстраненным мужем без любви или удовольствия, на которые я так недолго надеялась.

Последняя ночь, которую мы провели вместе, теперь кажется такой далекой, что я почти могу подумать, что это мне приснилось. Сейчас мне кажется, что это всего лишь фантазия, как будто я даже не могу быть до конца уверена, что это произошло. Здесь, в тесном, холодном фургоне, когда я толкаюсь между Софией и Сашей с моими падчерицами на руках, вооруженные люди наблюдают за нами, как ястребы, эта теплая, освещенная огнем ночь кажется чем-то из фильма. Кое-что, что я придумала.

Он придет за нами. Говорю я себе снова и снова, бросая взгляд в сторону Софии. Виктор не позволит Алексею победить, хотя бы из-за своей гордости, но я знаю, что дело не только в этом. Я точно не знаю, что между нами. Он хотел мне что-то сказать, прежде чем Алексей утащил меня, но я не позволила ему, по нескольким причинам, чем

одна.

Если он собирался сказать то, что я думаю, это было не то, что я хотела услышать. Не там, не так, не на глазах у Алексея, когда моих друзей увозили, чтобы продать в секс-рабство, а я направлялась прямо за ними. Не сейчас, когда до того, как мы, возможно, никогда больше не увидимся, остались считанные секунды.

Более того, я хочу, чтобы он был уверен. Я хочу быть уверена. И если кто-то из нас когда-нибудь скажет эти слова друг другу, я хочу, чтобы это было тогда, когда мне не нужно будет говорить ему, что я люблю тебя, но...

Я люблю тебя, но мы не можем быть вместе, когда ты делаешь то, что делаешь. Я люблю тебя, но только если ты изменишься. Я люблю тебя, но не таким. Было бы лучше не говорить этого вообще. Если он спасет нас... когда он спасет нас, говорю я себе, мы сможем поговорить об этом.

София шевелится рядом со мной, прижимая руку к животу, и я бросаю на нее взгляд.

— Ты в порядке? — Я спрашиваю мягко, и она качает головой, морщась.

— Мне немного больно, — тихо говорит она. — Они были не совсем нежными. Но я беспокоюсь не за себя.

Ребенок. Я смотрю на ее защищающую руку, прижатую к животу, и чувствую тот же страх, что и перед тем, как Аника и Елена снова зашевелятся.

— Они не сделали ничего достаточно грубого, чтобы причинить вред ребенку, не так ли?

— Пока нет. — София тяжело сглатывает; ее лицо и губы бескровно бледны. — Но это не значит, что они этого не сделают.

Мне требуется секунда, чтобы понять, что она имеет в виду.

— Нет, — шепчу я. — Нет, они бы не стали. Даже Алексей...

— Он хочет за меня хорошую цену, — София говорит с некоторым трудом, как будто ей трудно произносить слова. — Беременность только помешает этому. Я не так уж далеко продвинулась. Это было бы несложно... ее голос прерывается, рука крепко прижимается к животу, глаза наполняются слезами. — Я так сильно боролась за этого ребенка. Я подвергла нас обоим опасности, скрыв это от Луки, когда думала, что он этого не захочет, что это нарушит наш контракт. — Она фыркает, очевидно, пытаясь не сломаться перед нашими охранниками. — А потом он был счастлив, и все было хорошо, и, и...

— О, София. — Я хотела бы, чтобы у меня было больше рук, чтобы обнять ее и девочек, но вместо этого я прислоняюсь лбом к ее плечу, все еще баюкая Анику и Елену. Я чувствую тяжесть на своих плечах, ответственность за то, чтобы пытаться обеспечить безопасность каждой. Никто прямо не сказал мне, что это моя работа, но я жена Виктора, жена Пахана. Жена человека, чей соперник является причиной этого. Я прочитала Виктору лекцию об ответственности, и теперь я должна принять свои собственные слова близко к сердцу.

— Я не думаю, что они сделали бы что-то, что могло бы навредить мне, — произносит она сдавленным голосом. — Алексей заинтересован в получении прибыли от этого, а не только в том, чтобы навредить Виктору и Луке. Но если он сможет вызвать врача, чтобы...

— ТСС. — Я протягиваю руку и хватаю ее за руку, качая головой. — Не произноси это вслух. Даже не думай об этом, София.

— Но что, если...

— Если это то, что он имеет в виду, тогда мы перейдем этот мост, когда дойдем до

этого. Но ты не можешь заставлять себя бояться того, что еще даже не произошло. Так будет только хуже для тебя и для ребенка.

София кивает, делая как можно более глубокий вдох.

— Я видела, что они сделали с Лукой, когда уводили нас, и остальных...

— Лука сильный. — Я сжимаю ее руку. — Я знаю, это ужасно. Они набросились на Виктора, когда Алексей вытащил меня. Но они уже проходили через избиения раньше. Это те мужчины, которые знают, как выжить в этом мире, София. Они все сильные. Они переживут это и придут за нами. Как только они смогут составить план.

— Ты думаешь, Макс пойдет? — Голос Саша доносится с другой стороны, тише и мягче, чем обычно. — Ты думаешь, он пойдет с ними?

Я делаю паузу, обдумывая.

— Я не знаю, — осторожно говорю я, бросая на нее взгляд. — Я не очень хорошо знаю Макса. Но я не думаю, что он такой же человек, как Виктор и Лука, и даже Лиам. Он священник, Саша, ты это знаешь, верно?

— Он был им. — В ее тоне есть намек на упрямство, от которого в моей голове зазвенел сигнал тревоги. Я помню, каким было лицо Макса, когда он увидел ее в холле, как они разговаривали друг с другом ранее, до того, как люди Алексея увели нас. — Его лишили сана.

Я облизываю пересохшие губы, обдумывая, что сказать. С одной стороны, я не хочу отказывать Саше ни в чем, что могло бы дать ей хоть какое-то утешение или надежду. Она через многое прошла, и это далеко не конец. Но так же, как я не уверена, что интерес Лиам к Ане разумен, я чувствую то же самое к Максиму. Даже если он полностью отошел от священства, он явно пришел с большим багажом.

— У меня сложилось впечатление, что он все еще пытается придерживаться своих клятв, — мягко говорю я ей. — Я не знаю его истории. Но он нарушил по крайней мере одну из них, я это точно знаю, и сейчас он под защитой Виктора. Я не думаю, что он открыт для романтических связей. И помимо этого, он сложный человек, Саша.

Она отводит взгляд, ее руки крепко сжимают порванную рубашку.

— Я тоже, — тихо говорит она. А затем она замолкает, отказываясь смотреть на кого-либо из нас.

Я начинаю говорить что-то еще, чтобы утешить ее, но Ана начинает шевелиться с другой стороны от Софии, и София немедленно поворачивается к ней.

— Привет. Все в порядке, — мягко говорит София, протягивая руку к Ане, когда ее глаза расширяются, и она начинает подтягиваться, отползая назад. Она не может далеко уйти, потому что мы уже с одной стороны фургона, и я вижу, как в ее глазах поднимается паника.

— Что происходит? — Ана выдыхает, начиная дрожать, когда видит мужчин, охраняющих нас. — Что, черт возьми, происходит? Что, черт возьми...

— Алексей напал на конспиративную квартиру, — говорит София тихим и успокаивающим голосом, даже если ее слова совсем не похожи на спокойные. — Он заставил Виктора, Луку и других позволить ему забрать нас. Мужчины все еще живы, хотя и немного потрепаны. И я знаю, что они придут за нами...

— Лиам. — Ана смотрит на Софию, а затем на меня, ее глаза широко раскрыты и полны ужаса. — С ним все в порядке? Он...

— Насколько я знаю, с ним все в порядке, — быстро говорю я ей. — Может быть,

немного потрепанный, но он жив. Я договорилась с Алексеем, чтобы убедиться, что он их не убьет.

— Что ты сказала? — Выражение лица Аны внезапно становится настороженным. — Что ты им пообещала, Кэт?

Я прикусываю нижнюю губу, видя, как она складывает кусочки воедино, прежде чем я успеваю произнести это вслух.

— Он все равно собирался заставить нас пойти с ним. Я сказала ему, что мы уйдем тихо и не будем сопротивляться, если он не убьет Виктора, Луку, Лиаму и остальных. Что мы сделаем то, что он хочет. Он бы убил их, если бы я этого не сделала.

— И чего он хочет? — Голос Аны дрожит. — Он забрал бизнес Виктора, верно? Ну и что? Он собирается продать нас?

— Он попытается, — уточняю я. — Я верю, что они спасут нас до того, как это произойдет. Он не сможет устроить это сразу. Мы просто должны подумать о том, как защитить себя до тех пор, пока...

— Как ты думаешь, что он собирается сделать со мной? — Спрашивает Ана дрожащим голосом. — Я ничего не стою, ты это знаешь. Мои ноги...

— Ты этого не знаешь, — твердо говорит София. — Никто из нас ничего не знает о том, как это работает. За исключением, может быть, Кэт...

— Я не знаю. — Я качаю головой. — Я ненавидела, что Виктор имел какое-либо отношение к этому бизнесу. Какое-то время это было предметом спора в нашем браке. Я ничего об этом не знаю. Саша могла бы...

Саша издает тихий звук, свернувшись калачиком вдали от нас.

— Я не хочу говорить об этом, — бормочет она. — В любом случае, я ничего не знаю о деловой стороне этого. Я была товаром, никто на самом деле не обсуждает тактику продаж с товаром.

В ее голосе слышится горечь, когда она произносит последнюю фразу, и я не могу ее винить. Она здесь из-за Виктора, возможно, ее самостоятельная жизнь в России была бы жестокой и неумолимой, как он часто настаивал, он взял ее на продажу, привел в движение колеса, которые привели ее сюда, в то состояние, в котором она сейчас. Я чувствую холодный укол вины в животе, хотя знаю, что это не моя вина, не больше, чем то, что Франко сделал с Анной, было моей виной. Но, тем не менее, ей причинил боль кто-то из моих близких. Кто-то, кого я люблю, больше, чем я когда-либо была близка к тому, чтобы любить Франко, и диссонанс, который возникает внутри меня, ужасен.

— Это не ваша вина, миссис Андреева, — тихо говорит Саша, как будто может прочесть мои мысли. — Виктор был тем, кто он есть, задолго до того, как вы вышли за него замуж. И, как вы можете видеть, он далеко не худший.

— Но ты все равно оказалась здесь. — Слова вырываются прежде, чем я успеваю их остановить. — Мне жаль.

— Я здесь. — Она пожимает плечами, ее тон побежденный. — Может быть, это просто моя судьба.

— Я ни во что из этого не верю.

— Ух ты. — Она никогда не вела себя со мной так воинственно, и я вижу, как ее осторожная вежливость начинает ускользать. — Вы родились в лучших обстоятельствах, миссис Андреева, с большим контролем над своей судьбой. И все же вас все равно выдали замуж без вашего согласия. Вы тоже в этом фургоне. — Саша поворачивает голову,

оглядываясь на меня. — Итак, что заставляет вас думать, что это не судьба?

— Это невезение, — твердо говорю я. — Невезение и сложный мир, в котором мы родились, мир, созданный для мужчин. Но это еще не конец, Саша. У нас есть время. И они будут...

— Спасать нас. Вы продолжаете это говорить. — Саша потирает щеки рукой. — Вас, может быть. Миссис Романо. Мисс Иванову. Но меня? Зачем им спасать меня?

Потому что я оторву Виктору голову, если он этого не сделает.

— Потому что Виктор знает, что он тоже несет ответственность за тебя, — твердо говорю я ей. — Как и любую другую здесь. Тебя не оставят.

— Посмотрим. — Выражение лица Саши, это выражение человека, который повидал приличную часть мира и нашел в нем очень мало того, что вселяет в нее надежду. Тем не менее, она поднимается, вытирая щеки. — Я помогу с малышами. — Она тянется к Елене. — Чтобы дать вам передышку.

Я не совсем хочу отказываться от них, но мои руки устали, а София пытается успокоить Ану, которая находится на грани приступа паники. Я уверена, что ей не помешала бы помощь, поэтому я отстраняю от себя маленькую фигурку Елены, которая сейчас спит, и передаю ее Саше, сжимая руку Аники.

— Позволь Саше присмотреть за тобой, хорошо? — Спрашиваю я. — Я все еще буду рядом.

— Не похоже, что ты можешь куда-то уйти — саркастически бормочет Аника, морщась, когда фургон попадает в неровность на дороге и всех нас трясет. — Мы вроде как застряли здесь.

Если уж на то пошло, ее отношение поднимает мне настроение. Возвращение острого языка Аники означает, что она, по крайней мере, выздоравливает и, возможно, не так травмирована, как ее младшая сестра, хотя ее бледное лицо и мерцающий страх в глазах говорят мне, что это в основном бравада. Что снова заставляет меня злиться, потому что девятилетняя девочка не должна учиться так скрывать свои эмоции. Она должна быть дома, на Манхэттене, играть или спорить со своей младшей сестрой, делать домашнее задание, жаловаться на школу, отказываться слушать меня. Она не должна сидеть в грязном фургоне с оружием в нескольких дюймах от нас, слушая, как мы беспокоимся о том, что произойдет дальше. Она не должна была видеть, как хладнокровно убили женщину, которая была ей как бабушка.

Все это нехорошо. И все, что я могу сделать, это надеяться, что каким-то образом Алексей заплатит за это.

Как только Саша отвлекает Анику, я подхожу ближе к Ане, беру ее за руку, которую София не держит.

— Я собираюсь сделать все, что в моих силах, чтобы ты была в безопасности, — мягко говорю я ей. — Всех нас. Чего бы ни хотел Алексей в качестве расплаты, я постараюсь, чтобы он сосредоточил это на мне, если смогу. Мы просто должны держаться там, хорошо?

Ана безмолвно кивает, в ее глазах блестят слезы.

— Я хочу домой, — тихо шепчет она. — Лука сказал, что я буду в безопасности, если приеду в Россию с ним и Софией. Что Виктор хотел, чтобы я поехала с ними, чтобы держать меня подальше от Алексея. Но в конце концов это совсем не помогло.

— Я знаю. — Я беспомощно смотрю на нее, не зная, что сказать. — Мне так жаль, Ана, за все. Я говорила это раньше и повторяю миллион раз. Я сожалею о том, что с тобой

случилось. Больше всего на свете я хотела бы остановить это.

— Это не твоя вина, — тупо говорит Ана. — Франко тоже причинил тебе боль. И теперь... Алексей, конечно, не твоя вина.

— Он охотится за моим мужем, а ты оказалась рядом со мной, вот почему...

— И я, — вмешивается София. — Ты не можешь взять все на себя, Кэт. Лука заключил сделку с Виктором, и я его жена. Ана моя лучшая подруга. Все это в такой же степени связано с деловыми отношениями моего мужа, как и с твоим. — Она смотрит на меня с сочувствием. — Кэт, я не была рождена для такой жизни, и даже я теперь это знаю. Ты тоже это знаешь. Ты выросла среди всего этого, даже если была защищена от этого. Ты просто настолько погрязла в своей вине, что игнорируешь это. Нас всех подталкивали к решениям, которые мы не хотели принимать. — Она проводит свободной рукой по глазам, вытирая остатки слез, которые она сморгнула ранее. — Братва однажды причинила мне боль, но я не держу на Виктора зла. Я поняла, что в этой жизни есть много вещей, которые не такие, какими мы хотим их видеть. Мы не можем удержать все это.

София одаривает меня мягкой, грустной улыбкой.

— Ты так сильно помогла мне, Кэт, когда я боролась. И что я узнала, так это то, что этот мир, в который меня втянули, в котором ты родилась, очень жесток. Но любовь можно найти в любом случае, если мы будем ее искать. Для меня, это Лука и мой ребенок. Дружба, которую я испытываю к тебе. Ты должна найти, что это для тебя.

— Ты, конечно. — Я сжимаю ее руку. — И Ана, и мои девочки. — И Виктор, хочу сказать я, но не могу, потому что пока не знаю, как примирить это с собой. Я так глубоко возмущалась тем, что меня отдали замуж за человека из Братвы, чувствовала себя так, словно меня продали врагу, кому-то намного ниже меня, и что Лука отдал меня грубому, изуверскому мужчине, но... это совсем не про Виктора. И как бы я ни старалась, я не могу заставить себя пожелать вернуться ко всему этому. Если бы я могла исправить то, что происходит сейчас, я бы это сделала. Но то, что я испытала с Виктором, то, что он заставил меня почувствовать?

Я не могу сожалеть об этом, даже если знаю, что должна.

13

КАТЕРИНА

Когда фургон, наконец, останавливается, проходит несколько минут, прежде чем мы понимаем, где находимся. Мы ни разу не останавливались с тех пор, как покинули конспиративную квартиру Виктора, и все мы отчаянно нуждаемся в воде и возможности воспользоваться ванной, умирая от голода вдобавок ко всему. Я не знаю, сколько времени прошло. Кажется, прошли часы, но в темноте фургона было трудно сказать. И Аника, и Елена опорожнились, к большому неудовольствию охранников, которые издевались над ними из-за этого доводя до слез девочек. Мы с Сашей обе пытались успокоить их, но все наши нервы на пределе, и я киплю от гнева, которого никогда раньше не испытывала.

Я никогда не хотела причинить кому-либо боль так сильно, как хочу причинить боль Алексею. Даже не ради себя, а ради своих друзей, и больше всего ради своих дочек. Тот факт, что я пообещала охотно выполнить все, о чем он попросит, вызывает у меня тошноту, но я знаю, что не могу отказаться от этого. Я не сомневаюсь, что он заставит меня пожалеть о том дне, когда я нарушу эту конкретную сделку, даже если он больше не сможет открыто убить наших мужчин. Он нашел бы какой-нибудь способ исправить это, я уверена в этом. А это значит, что я должна придерживаться своего слова и надеяться, что смогу стать барьером

между ним и остальными. Я должна надеяться, что я достаточно сильна.

После того, что случилось со мной, когда меня похитили в Москве, я не так уверена. Каждый момент с тех пор, как Алексей и его люди штурмовали конспиративную квартиру, заставляет меня чувствовать, что я переживаю все это заново, травма, которую у меня даже толком не было времени переварить, поднимает свою уродливую голову и заставляет меня хотеть раствориться в панике. Каким-то образом я держусь. И я должна продолжать это делать, еще немного. Алексей более искушен, чем те люди, которые пытали меня в том доме, даже если он такой же явный садист. Я ему нужна, поэтому он не причинит мне боли так, как это сделали они. Я просто должна быть сильной.

Я могу это сделать. Всю свою жизнь меня воспитывали как жену мафиози, чтобы я стояла рядом с мужем и закрывала на это глаза, растила детей, целовала его, когда он приходил домой, согревала его постель и никогда, ни за что не осуждала. По стандартам хорошей женщины, с которой я росла, я потерпела неудачу. Но никто никогда не рассказывал мне об этой темной стороне жизни. Никто никогда не говорил мне, что я могу столкнуться с подобными вещами, что мне, возможно, придется смириться с такими людьми, как Андрей, Степан и Алексей, и стоять на своем. Что мне, возможно, придется спасти своего мужа, а не наоборот. Никто никогда не говорил мне, что это могут быть не только дети и званые обеды, и игнорирование помады на воротничке моего мужа, и притворство, что я не знаю о крови на его руках.

Никто не говорил, что на моих руках тоже может быть кровь.

И теперь я хочу это. Я хочу крови Алексея. Я хочу отплатить ему за все, что он сделал. Это даже более интуитивное чувство, чем то, что я чувствовала, когда приставляла пистолет к голове Степана. Интересно, может быть вместо того, чтобы быть хорошей женой мафиози, какой меня воспитывали, я становлюсь одной из них?

Сильной. Свирипой. Безжалостной, когда дело касается тех, кого я люблю.

Я бы предпочла быть такой, чем женщиной, подобной моей матери, независимо от того, как сильно я ее любила. Она ни разу не вступилась за моего отца, ни разу не возразила ему, ни разу не предположила, что что-то из того, что он сделал, может быть неправильным, даже когда я знала, что она так думает. Я отказываюсь быть бесхребетной или запуганной перед лицом всего, что Алексей может бросить в меня.

Когда двери фургона открываются, я удостоверяюсь, что нахожусь спереди. Саша стоит сразу за мной с Аникой и Еленой, а София держится поближе к Ане, так что, когда я слышу, как Алексей выкрикивает приказы мужчинам вывести нас, мы покидаем фургон примерно в таком порядке.

На улице темно. Я едва могу что-либо разглядеть, кроме смутных очертаний того места, где мы находимся, освещенных луной над головой. Мы все еще в горах, возможно, еще дальше, судя по тому, что я вижу, и в доме перед нами и вокруг него не горит свет. Я вижу очертания высоких стен и ворот дальше по подъездной дорожке, и гравий хрустит под моими босыми ногами, когда охранники толкают нас вперед, мою кожу покалывает от холода.

Здесь намного холоднее, так, что холод пробирается под кожу и проникает в кости. Никто из нас не одет для этого, и мы все дрожим, когда направляемся к входной двери дома. Когда мы подходим ближе, я вижу, что это большое сооружение из темного камня, возвышающееся на три или четыре этажа и раскинувшееся на расчищенной земле посреди окружающего нас леса. Он не такой большой, как крепость Виктора, которую мы

только что покинули, но все равно внушительный, и я смотрю на Алексея, прищурив глаза.

— Это не твое. — Я киваю в сторону дома. — Ты был бригадиром моего мужа. У тебя не могло быть ничего подобного.

— Это не твое дело, сука, — рычит один из охранников, сильно тыча меня в ребра рукояткой пистолета.

— Остынь, остынь. — Алексей улыбается, его зубы белы даже в темноте. — Нет причин грубить миссис Андреевой, даже если она строит предположения. Но, конечно, ты права. Это не мое. — Его улыбка становится шире, не совсем встречаясь с его глазами, но, тем не менее, широко, почти насмешливо. — Раньше это принадлежало твоему мужу. Он подарил его одному из своих деловых партнеров в качестве подарка за их долгую историю совместной работы. Не похоже, что их совместная история помешала ему работать со мной, когда я предложил ему то, на что Виктор не согласился. И теперь я пользуюсь этим домом, пока работаю над завершением захвата всего, что должно было принадлежать мне с самого начала.

Что-то сворачивается у меня в животе от выражения его лица.

— Что ты ему предложил? — Я не уверена, что хочу знать, но не могу удержаться от вопроса.

Алексей пожимает плечами.

— Это не подходит ни для твоих ушей, ни для некоторых других, более деликатных. Давай просто скажем, что он хотел редкого удовольствия, которое моральный кодекс твоего мужа, каким бы он ни был, не позволил бы ему предоставить весь спектр.

Дрожь пробегает по мне, и я плотно сжимаю губы. Я не хочу знать. Виктор делал вещи, которые я считаю по-настоящему отвратительными, но я рада слышать, что у него есть пределы. Я просто не хочу знать, что может быть настолько ужасным, что Виктор отказался бы это продавать, или какой разврат существует в мире, о котором я еще не знаю. За последние недели я узнала слишком много. Если честно, я не уверена, сколько еще смогу вынести.

— Девочкам холодно, — говорю я ему, бросая взгляд на Анику и Елену, дрожащих так сильно, что у них стучат зубы, когда они цепляются за Сашу. — Они должны быть внутри, согреты и вымыты. Никто не остановился, чтобы позволить нам воспользоваться туалетом.

Алексей ухмыляется.

— Мои извинения. Я не привык к детям и их потребностям, поскольку они отличаются от взрослых. — Он толкает тяжелую деревянную входную дверь, распахивая ее со стонущим скрипом, и жестикулирует. — Заходите, и мы обсудим, что будет дальше.

Последнее, что я хочу сделать, это войти в этот дом. Привести моих падчериц, детей Виктора, в этот дом, но я знаю, что у меня нет выбора, и мне нужно быть храброй ради всех остальных.

Итак, я отрываю взгляд от лица Алексея и шагаю вперед в темный дом, мое сердце колотится где-то в горле, когда мои босые ноги ступают по холодному деревянному полу.

— Здесь еще нет персонала, — говорит Алексей своим холодным голосом с акцентом, когда остальная группа входит внутрь. — Это будет несколько отличаться от того, к чему ты привыкла, царица. Вам придется самим позаботиться о себе здесь, по крайней мере, сейчас. — Он нажимает на выключатель, и комната внезапно наполняется желтым светом, освещая большое фойе, отделанное слегка пыльным деревом, переходящее в гостиную открытой планировки с мебелью в чехлах, расставленной перед массивным каменным

камином.

— Не трудитесь разжигать огонь, — говорит Алексей мужчинам, стоящим позади него. — Мы не пробудем здесь долго. Кроме того, мне нравится смотреть, как они трясутся. — Он жестом приглашает двух мужчин подойти и указывает на Сашу, которая все еще держится за Анику и Елену. — Отведите детей наверх. Им не обязательно быть здесь.

От этого у меня кровь стынет в жилах, желудок скручивает. Я не знаю, что у Алексея на уме, но если он действительно хочет убрать детей, это не может быть к добру. Мой разум убегает во всевозможные ужасные места, но я заставляю себя делать то, что я сказала Ане, и не думать слишком далеко вперед.

— Они воняют, — жалуется один из мужчин, и Алексей прищуривает на него глаза.

— Просто отведи их наверх, — огрызается он. — Тебе не обязательно их мыть. Просто запри их в одной из спален, пока я не закончу с женщинами. Тогда они смогут разобраться с соплячками.

— Да, сэр. — Двое мужчин делают шаг вперед, и Саша мгновенно отшатывается, ее руки сжимаются на плечах Аники и Елены. Елена уже снова начинает плакать, и я ясно вижу раздражение на лицах охранников.

— А они не могут остаться здесь? — спрашивает Саша, ее глаза широко раскрыты и испуганы, а глаза Алексея сужаются.

— Если вы не хотите, чтобы они видели то, чего детям видеть не следует, нет, — рычит он. Как будто они этого еще не видели сегодня. — Отведите их наверх, сейчас же! — Рывкает он своим людям. — Если они будут сопротивляться, дайте им хорошую пощечину. Ничего достаточно сильного, чтобы оставить синяк, но достаточно, чтобы ужалить.

— Алексей. — Я делаю шаг вперед, и он поворачивается, пригвождая меня своим ледяным взглядом. Я уже замерзла, но, несмотря на это, мне кажется, что температура в комнате упала на пару градусов. — Позволь мне пойти с ними. Их нужно искупать и сменить одежду...

— Черт. — Алексей морщится. — Клянусь Христом, именно поэтому я не беспокоюсь о детях. Посмотри в комнатах наверху, — приказывает он одному из мужчин, который в данный момент тянется к Анике, которая выглядит так, словно может попытаться откусить ему пальцы. — Посмотри, есть ли чистая одежда для соплячек. Что касается тебя... — он поворачивается ко мне, его рот кривится в злобной улыбке. — Ты никуда не пойдешь. На самом деле, поскольку ты решила высказаться вне очереди, царица, ты можешь начать первой.

Начать первой? Мое сердце замирает в груди, беспокойство скручивается в животе. Я понятия не имею, о чем он говорит, но это не может быть чем-то хорошим. От того, как он произносит царица, у меня мурашки бегут по коже, напоминая мне о рычании Виктора, отпечатавшемся на мне, но намного хуже. Это даже не сарказм, это издевательство, напоминание о моем положении и о том, как низко Алексей планирует меня опустить.

— О чем ты говоришь? — Выдавливаю я, чувствуя, что во рту пересохло и он набит ватой. Мои руки начинают дрожать от холода и нервов, но я изо всех сил стараюсь оставаться спокойной и неподвижной, глядя на него прямо, как будто я его совсем не боюсь.

— Раздевайся. — Алексей машет мне рукой. — Каждая из вас, по очереди, раздевается. Чтобы я мог видеть, с чем я работаю.

О боже. Я слышу, как Саша издает тихий звук, вижу, как Ана отступает назад, как будто она может спрятаться за Софией. Мужчины за спиной Алексея переминаются с ноги на ногу

в предвкушении, некоторые из них начинают ухмыляться почти хищно. Я чувствую, что меня сейчас стошнит. Раздевание догола перед незнакомцами всегда вызывало у меня тошноту от беспокойства. Но теперь, когда я так сильно пострадала, эта мысль еще хуже. И я знаю, что это повлияет на планы Алексея в отношении меня.

— По крайней мере, убери своих людей. — Я тяжело сглатываю, заставляя себя продолжать говорить, хотя знаю, что, вероятно, только злю его еще больше. — Им не нужно оценивать нас, не так ли?

Алексей хмурится.

— Вот ты опять указываешь мне, что делать, царица. Что мне нужно сделать, чтобы показать тебе, насколько это плохая идея?

— Я не указываю тебе, — торопливо говорю я, качая головой. — Предлагаю. Мы ценные активы, не так ли? Как ты думаешь, твоим покупателям понравилось бы знать, что наемники и солдаты низкого уровня получили возможность увидеть ту же плоть, за которую они платят деньги?

Мне становится дурно от одной этой мысли, но это заставляет Алексея сделать паузу.

— Освободите комнату, — наконец говорит он. — Это не публичное шоу.

— Босс, должны ли мы оставить вас без охраны...

— Оставайтесь за дверью, — огрызается Алексей. — И не думайте, что я не знаю, что вы пытаетесь сделать, оставаясь поблизости, чтобы хоть мельком взглянуть на этих женщин. Держите дверь закрытой, и я позову, если вы мне понадобится.

Мужчины кивают, выходя, и я вижу разочарование на их лицах. Я чувствую небольшую вспышку триумфа. Возможно, я проигрываю войну в целом, но, по крайней мере, я выиграла эту битву. Я знаю, как урезонить Алексея, я не могу не думать, что это пригодится снова.

Однако триумф недолговечен. Я смогла избежать необходимости раздеваться перед всей его службой безопасности и бандой наемников. Тем не менее, мне все равно придется сделать это перед Алексеем. И из этого никуда не деться.

— Не заставляй меня ждать. — Голос Алексея понижается на октаву, полный предупреждения, которое я знаю лучше, не игнорировать. Я тяжело сглатываю, тянусь к подолу своей футболки. Сегодня на мне не было ничего особенного: футболка и джинсы, босиком по дому. Я определенно не была готова к этому. Я замерзаю, и мысль о том, чтобы снять еще больше одежды, звучит ужасно.

— Поторопись, черт возьми, — рычит Алексей. — У нас нет времени.

Я делаю глубокий вдох и снимаю рубашку.

— Все это, — огрызается Алексей. — Быстрее. Давай, царица. Все до мелочей.

Просто покончи с этим, говорю я себе. Я расстегиваю джинсы, стягивая их с бедер и игнорируя мурашки, которые покрывают каждый дюйм моего тела, когда холод атакует мою кожу. Я тянусь к застежке своего лифчика, быстро расстегиваю его и позволяю ему упасть на пол. Мои трусики в последнюю очередь. Я не смотрю на Софию, Сашу или Ану, чувствуя, как краснеют мои щеки оттого, что я обнажена, не только перед Алексеем, но и перед ними. Я чувствую, как они смотрят на меня, гадая, что Алексей сделает с ними, тревожась о том, когда настанет их очередь.

Я натягиваю черные трусики-бикини на бедра и спускаю их, снимая их. Я не брилась с тех пор, как Виктор сделал это для меня, и я вижу недовольный взгляд Алексея, когда его взгляд скользит между моих бедер.

— Этому пушку придется исчезнуть. — Его взгляд скользит по мне, и я вижу

разочарование, которого ожидала, написанное на его лице. — Черт, ты изрезана в ключья. Или, по крайней мере, исцеляешься от этого. — Он делает шаг вперед, заставляя других женщин отойти с его пути, пока он кружит вокруг меня. — Это гребаный позор. Ты идеальна во всех других отношениях. Немного худовата, но с этим можно справиться. Идеальная грудь, красивые бедра, длинные ноги. Великолепное лицо, густые, здоровые волосы. — Он приподнимает мой подбородок, говоря обо мне так, словно я домашний скот, я еле сдерживаюсь, чтобы не укусить его за пальцы. — Хорошие зубы. Прекрасные темные глаза. — Его пристальный взгляд снова скользит по мне спереди, осматривая шрамы на моей груди, животе и бедрах, все еще заживающие раны, которые покрылись струпьями и почти превратились в сами шрамы.

Алексей отступает, нахмурившись.

— Я все еще могу получить за тебя приличную цену. Ты молода. Не девственница и с пометкой, но есть мужчины, которым будет все равно. Некоторым это даже понравится, хотя я сомневаюсь, что тебе понравится, если тебя продадут одному из них. — Он посмеивается. — Не то, чтобы меня волновало, что тебе нравится, в любом случае. Я мог бы получить некоторое удовольствие, продав жену Виктора Андреева в темницу или, может быть, в охотничьи угодья. — Он снова окидывает меня взглядом, постукивая пальцами по своему бедру. — А пока я сам буду наслаждаться тобой. Как я уже говорил ранее, не будет иметь значения, кто тебя трахнет, прежде чем я тебя продам, так что имей это в виду. Разозли меня, и я, возможно, позволю нескольким моим мужчинам сделать свое дело, при условии, что они не оставят следов.

На этот раз я не могу скрыть дрожь, которая пробегает по мне. Последнее, чего я хочу, это приближаться к Алексею, но, если альтернатива быть отданной одному из этих скотов, которые только что смотрели на меня так, словно я мясо, готовое к подаче, я возьму Алексея. По крайней мере, в отношении него у меня есть некоторое представление о том, как манипулировать.

— Ты. — Алексей кивает головой в сторону Софии. — Ты следующая. Нет, нет, — добавляет он, глядя на меня, когда я тянусь за своей одеждой. — Оставайся так, пока я не скажу тебе иначе.

Ясно, что ему это нравится, и это заставляет меня ненавидеть его еще больше. Я не утруждаю себя попытками прикрыться, я знаю, что он просто положит этому конец, и я рискую разозлить его. Я покраснела от смущения, несмотря на холод, мои соски затвердели на морозном воздухе, и я не могу смотреть на Софию, когда она начинает раздеваться рядом со мной.

— Намного лучше, — удовлетворенно говорит Алексей. — На этой никаких отметин. За исключением... — Он хлопывает ее по животу, который лишь слегка начинает округляться, качая головой. — Я могу брать дополнительную плату за беременную женщину, но как только ребенок рождается и его отнимают от груди, новизна исчезает. Обычно ребенка выбрасывают, и его владелица снова беременеет. — Он ухмыляется. — Сколько сирот в России из-за всего этого?

Саша издает тихий звук отчаяния, и я смотрю на нее. Она такая же бледная, как София, ее руки дрожат, и она стоит на коленях на полу рядом с Анной, которая не в состоянии стоять. Она сжимает руку Аны, и я никогда в жизни не чувствовала себя более беспомощной, чем в этот момент.

— Пожалуйста, — шепчет София, ее слова выходят оцепенелыми. — Пожалуйста,

просто не причиняй вреда моему ребенку...

— Ты знаешь пол? — Резко спрашивает Алексей, и София потрясенно смотрит на него.

— Нет, — наконец удается ей. — Я еще недостаточно продвинулась.

Я вижу, каких усилий ей стоит сказать это, страх стоит в ее глазах. Она в ужасе от того, что Алексей сделает что-то, что навредит ребенку, и это справедливо. Нетрудно представить, что он сделает именно это.

— Хорошо, — говорит Алексей, к нашему обоюдному удивлению. — В таком случае, у меня, возможно, есть покупатель. — Он приподнимает прядь волос Софии, пропуская их сквозь пальцы, прежде чем они падают обратно на ее обнаженное плечо. — Очень красивая. Жаль, что совершенное тело будет испорчено ребенком.

София застывает при этих словах, ее губы поджимаются, но она ничего не говорит. Когда ему не удается добиться от нее реакции, Алексей отворачивается, бросая взгляд на Сашу и Ану.

— Что, черт возьми, не так с блондинкой? — спрашивает он, наклоняясь, чтобы убрать волосы Аны с ее лица. — Русская?

Ана не говорит ни слова, только отворачивается от него. Его рука движется слишком быстро, чтобы ее можно было разглядеть, хватая ее за подбородок и приподнимает ее голову.

— Отвечай мне, сучка, — рычит он. — Как тебя зовут?

— Анастасия Иванова, — выдавливают Ана, ее глаза широко раскрыты от ужаса, слова выходят натянутыми из-за хватки Алексея за ее подбородок. — Пожалуйста, ты делаешь мне больно.

— Тогда вставай.

— Я не могу, мои ноги...

— Что, черт возьми, с тобой не так? — Алексей качает головой, поднимая ее, схватив за подбородок. Ана вскрикивает от боли, ее пальцы на ногах подгибаются, когда он пытается поставить ее на ноги, и она тут же снова падает.

— У нее повреждены ноги, — вмешиваюсь я, чувствуя, как у меня снова скручивает живот при взгляде на лицо Аны. — Она не может хорошо ходить или долго стоять.

— Господи, эта ничего не стоит. — Рот Алексея отворачивается, выражение отвращения пересекает его лицо. — Достаточно хорошенькая, но чертовски бесполезная, если она даже встать не может. И она съезживается, как побитая собака. Я должен вернуть сюда своих людей и избавить ее от страданий.

— Нет! — София кричит, прежде чем может остановить себя, ее рука подносится ко рту. — Нет, пожалуйста, не делай ей больно. Пожалуйста...

— О, заткнись. — Алексей разворачивается на каблуках, его рука ударяет Софию по щеке. — Я не собираюсь ее убивать. Я найду ей какое-нибудь применение. А пока... — он многозначительно смотрит на Сашу. — Вставай, девочка, и докажи мне, что это не было пустой тратой моего времени.

Саша выглядит так, как будто вот-вот разрыдается, но она медленно поднимается на ноги.

— Хорошо, очень хорошо... — говорит он жутко, когда слезы катятся по лицу Саши. В одно мгновение она визжит, и я отворачиваюсь, видя, как его рука появляется между бедер Саши.

— Черт! Если бы ты только была девственницей. — Он злобно усмехается. — И так, что

у меня есть помимо подержанных товаров? Одна покрыта шрамами, одна беременна и одна калека. Черт возьми, если я не должен был только что убить всех вас. Но, по крайней мере, я должен быть в состоянии получить что-то от вас, за исключением калеки. — Алексей качает головой. — Убирайтесь с моих глаз.

Все мы одновременно вскакиваем, хватаясь за свою одежду только для того, чтобы он отбросил ее в сторону.

— Я сказал, убирайтесь с моих глаз. — Его верхняя губа изгибается. — Найдите наверху что-нибудь другое из одежды.

София и Саша одновременно подходят к Ане, помогая ей подняться, пока я иду позади них, мучительно осознавая свою наготу. Я чувствую себя смущенной и незащищенной, беспомощной и уязвимой, и я знаю, что в этом все дело. Алексею это нравится, он отправляет нас голыми к лестнице, и мы спешим подчиниться, пока он не передумал и не придумал что-нибудь похуже.

Никто из нас не хочет престать перед детьми в таком виде, поэтому мы находим первую гостевую спальню наверху, где все еще темно, открываем дверь и направляемся напрямик к шкафу и комоду. Неизвестно, что мы найдем и подойдет ли что-нибудь из этого, но ясно, что по крайней мере одна женщина останавливалась здесь в прошлом. Мне удастся найти хлопчатобумажную рубашку с длинными рукавами и пару джинсов свободного покроя, а София достает откуда-то из глубин шкафа черное платье-свитер. Она быстро протягивает Саше еще одно, и мы втроем одеваемся так быстро, как только можем, болезненно осознавая отсутствие нижнего белья или чего-либо еще, кроме этой позаимствованной, плохо сидящей одежды.

— Пойдем найдем девочек, — говорит София, и я киваю.

— Они, должно быть, оставили их в одной из этих комнат. — Я бросаю взгляд на Сашу. — Саша, найди кровать для Аны, а затем найди ванную на этом этаже, если таковая есть. Подогрей воду, чтобы мы могли помыть девочек.

Саша кивает, выглядя почти довольной тем, что ей дали хоть какое-то занятие. Она обнимает Ану за талию, когда София переходит на другую сторону, помогая ей ковылять по коридору, пока мы не видим комнату со светом, пробивающимся из-под двери. Когда мы открываем ее, с другой стороны оказывается большая спальня с двумя кроватями, по одной у каждой стены, таким же комодом, а также стулом и письменным столом у окна. Аника свернулась калачиком у одной из кроватей, покусывая губы, в то время как Елена лежит рядом с ней на коврик, свернувшись в самый маленький из возможных комочек.

— Я пойду разберусь с горячей водой, — быстро говорит Саша. — Девочки, мы собираемся приготовить вам ванну, хорошо? Вам станет тепло, когда мы закончим.

Я бы все отдала за горячую ванну. Черт возьми, даже пятиминутный горячий душ был бы приемлемым на данный момент. Но последнее, чего я хочу, это снова раздеваться в этом доме, даже на мгновение.

Аника прищуривается, глядя на меня, когда Саша уходит, а София опускается на одну из кроватей.

— Этот злой мужчина разрешает нам принять ванну?

— Да, — устало говорю я ей. — Вам обеим. А потом мы останемся в этой комнате, и ни ты, ни Елена ни за что не выходите, ты меня понимаешь?

Аника кивает, но я не прерываю зрительный контакт с ней.

— Я серьезно, Аника. Помнишь, как ты вышла из своей комнаты, хотя твой отец сказал

тебе остаться, потому что тебе было любопытно? И из-за этого ты пострадала?

Маленькая девочка поджимает губы, как будто хочет поспорить, но в конце концов кивает.

— Да, — бормочет она. — Я помню. — Она прижимает свою маленькую ручку к животу, где, я знаю, все еще есть бинты, гарантирующие заживление раны. Раны нужно промыть так же сильно, как и все остальное тело Аники.

— На этот раз ты должна подчиниться, хорошо? — Я выдыхаю, не зная, как много сказать. — Аника, человек, который похитил нас, плохой. Он очень плохой, очень опасный человек. В первую очередь из-за него тебе причинили боль, ясно? Ты понимаешь?

Аника безмолвно кивает, ее глаза начинают быстро моргать, как будто она хочет заплакать, но отказывается.

— Мне нужно, чтобы ты оставалась здесь, пока меня не будет рядом, чтобы я могла защитить вас. Ясно?

— Хорошо. — Ее голос тише, чем я когда-либо слышала, такой же маленький и хрупкий, как у Елены, и я ненавижу это все. Я ненавижу, что Алексею удалось отнять даже искру Аники, чтобы напугать ее до такой степени, что она стала робкой.

Я собираюсь убедиться, что он заплатит за это, даже если это будет последнее, что я сделаю.

И если я буду честна сама с собой, это вполне могло бы быть.

14

КАТЕРИНА

Нам удастся искупать девочек без особых хлопот. К моему удивлению, в шкафчике в ванной комнате полно горячей воды и полотенце, и София даже обнаруживает детскую комнату дальше по коридору с одеждой, которая, похоже, подойдет Елене. Все, что она может найти для Аники, это футболка оверсайз, которая выглядит так, как будто ее когда-то носила очень миниатюрная женщина. Я не могу не заметить разнообразие размеров женской одежды. Алексей сказал, что мужчина, которому принадлежало это место, был клиентом, так что я могу только догадываться, почему здесь останавливались такие разные женщины.

Виктор подарил клиенту это место. Напоминание резкое и болезненное. Легко забыть, особенно когда сталкиваешься с таким ужасом, как Алексей, что мой муж не без вины виноват. Он не такой садист-социопат, как Алексей, но и не безупречен. Он продавал женщин мужчине, которому принадлежит этот дом, дом, в котором его семья и семьи партнеров находятся в плену.

Пройдет много времени, прежде чем я забуду жгучее унижение от того, что Алексей заставил меня раздеться перед ним и моими друзьями. Я думала, что Виктор заставил меня чувствовать себя униженной в прошлом, в спальне, но теперь я знаю разницу. Ничто из того, что Алексей заставил меня сделать, не вызывало ни малейшего возбуждения. Меня просто тошнило от этого.

С Виктором все по-другому. Его доминирование, приказы и требования, все это заставляет меня чувствовать то, чего я никогда раньше не чувствовала, что никогда не представляла, что могу чувствовать. Сейчас, все еще содрогаясь от пережитого Алексеем, я понимаю, что, хотя унижения Виктора по отношению ко мне могут быть очень реальными, они происходят из совершенно другого места. Виктор не хочет убивать меня. Он хочет обладать мной. Владеть мной. Доминировать надо мной. Но на самом деле он не хочет причинить мне вреда, и ему не доставляет удовольствия моя настоящая боль, только

приятная боль, которую он иногда причиняет мне.

Когда я выхожу из ванной с Аникой на буксире, Еленой на руках у Саши, Алексей ждет нас. Я чувствую, как у меня сводит живот, когда я вижу его жесткое выражение лица и ледяные голубые глаза. Тем не менее, я заставляю себя сохранять невозмутимое выражение лица, встречая его пристальный взгляд, как будто я гость в его доме, а не пленница, ожидающая продажи новому хозяину.

— Вы останетесь в той комнате, где мои люди оставили девочек, — холодно говорит Алексей. — Все вы. Разделите кровати, как вам нравится. Ваша дверь будет охраняться, и в коридоре, и у каждой двери по всему дому будут люди, так что не утруждайте себя мыслями о побеге. У вас это не получится, и я гарантирую, что вы пожалеете об этом. — Он делает паузу, его пристальный взгляд скользит по нам. — Если вы будете вести себя наилучшим образом, вы продолжите свободно спать в этой комнате без каких-либо ограничений.

Я чувствую, как у меня пересыхает во рту при этой мысли. Виктор, привязывающий меня к столбику кровати, это одно, но мысли о том, что кто-то связывает меня с намерением держать в плену после того, что произошло в той хижине, достаточно, чтобы меня охватила безумная паника.

Держи себя в руках. Я заставляю свои руки не дрожать, сжимая руки Аники в своих.

— Спасибо, — выдавливаю я, слова обжигают, как кислота, на моем языке. Меньше всего на свете я хочу благодарить Алексея за что-либо, но я знаю, что это поможет нам.

Я должна сделать все, что поможет нам.

Он смотрит на меня так, как будто это какой-то трюк.

— Скоро у меня выстроится очередь покупателей, — продолжает он небрежно, как будто мы обсуждаем цены на мясо в мясной лавке. — До тех пор ведите себя как хорошие девочки, и вам станет легче, — ухмыляется Алексей. — Клиентура Виктора слишком легко смылась с корабля. Но опять же, Виктор никогда не умел меняться вместе с рынками. Это новый день, и я готов встретить его.

— У Виктора был моральный компас, — выдавливаю я сквозь зубы, во мне снова поднимается гнев, острый и горячий. Я чувствую, как Аника отшатывается от меня, и мысль о том, что Алексей найдет для нее покупателя, разлучит ее с нами, заставляет меня покраснеть. — Тот, кто нуждается в хорошей чистке и полировке, это точно, но, тем не менее, с моральным компасом. Ты...

— Я мужчина, который может видеть, куда заведет нас будущее... меня и Братву, которая поддерживает меня. — Алексей пожимает плечами. — Я бы не ожидал, что ты поймешь. Ты всего лишь женщина. В конце концов, жена, предназначенная для того, чтобы сосать, трахаться и рожать детей. Но в некотором смысле мне действительно жаль тебя.

Я удивленно моргаю, глядя на него.

— Извини? Жаль меня?

— Конечно. — Губы Алексея подергиваются. — Ты думала, что вышла замуж за сильного человека, но ты вышла замуж за медведя без когтей. И теперь ты здесь, в моей власти. Такая трагедия для такой хорошенькой царицы, как ты. Он даже позволил людям, которых я нанял, похитить тебя и жестоко с тобой обращаться. Позволил им взять тебя и оставить на тебе шрамы, так что ты почти ничего не будешь стоить. Действительно, старый, усталый медведь.

— Моя ценность не имеет ничего общего с моим телом, — огрызаюсь я на него. Я знаю, что должна молчать, но я не могу. Я измучена, замерзла, напугана и отчаянно пытаюсь

сохранить надежду, которая быстро ускользает. — А мой муж — мужчина, которого уважают другие мужчины. То, что ты не уважаешь или не боишься его, как следовало бы, ничего не значит. И ты пожалеешь о своих словах, когда почувствуешь его когти у себя на спине.

Я почти ожидаю, что Алексей ударит меня, но вместо этого он начинает смеяться.

— Я вижу, у тебя появились чувства к своему мужу, — говорит он с ухмылкой, все еще посмеиваясь. — Как неловко. Интересно, что бы подумал твой отец, узнав, что его дочь каждую ночь трахается с Паханом. Ты была создана для лучшего, чем один из нас, я это знаю. И все же Лука Романо продал тебя за обещание мира, которое теперь ничего не стоит. Виктор даже не смог сдержать обещание, которое принесло ему твое тело в его постель. — Его глаза похотливо скользят по мне, и я подавляю дрожь. — Что за зрелище ты, должно быть, представляла в своей брачной постели до того, как на тебе остались шрамы. — Алексей облизывает губы, и, к моему ужасу, я вижу, как он наклоняется, чтобы привести себя в порядок. — Принцесса мафии, девушка Росси, проданная Братве, потому что наследник Росси так отчаянно хотел мира. Интересно, знал ли Виктор, какой приз ему достался.

Конечно, он знал, хочу сказать я. Вот почему он потребовал, чтобы Лука отдал меня ему. Почему он угрожал войной и кровопролитием, если Лука не уступит, или я не соглашусь. Но я этого не делаю. Я и так сказала слишком много.

— И теперь я вижу по твоему лицу, что ты влюбилась в него. — Алексей снова смеется, качая головой. — Какой проблемой это, должно быть, для тебя! Я знаю, как сильно ты ненавидишь его бизнес. Я был там в тот день в его офисе, помнишь? Когда ты открыла эти файлы и узнала, что делает твой муж, чтобы подарить тебе этот особняк для проживания, прекрасную еду на твоей тарелке и неограниченные кредитные карты в твоём кошельке? Но ты все равно влюбилась в него. Что делает все это еще слаще, если быть честным.

— Что? — Прохрипела я, мои чувства звенят от тревоги, и я поняла, куда клонит Алексей, еще до того, как он это произнес.

— У тебя был только один член Братвы с тех пор, как Лука променял тебя, — ухмыляется Алексей. — Я думаю, тебе давно пора с чем-то сравнить его.

У меня сводит живот. Конечно, я знала, что к этому придет. Учитывая, как я торговалась за жизни Виктора и других, не было никакого способа, чтобы Алексей не воспользовался этим таким образом. Но я не ожидала, что это произойдет так скоро.

— Мне нужно принять душ...

— Ты можешь искупаться позже. — Алексей протягивает руку, делая шаг вперед, чтобы одним пальцем приподнять мой подбородок. — Думаю, мне это нравится. Принцесса в позаимствованных лохмотьях, грязная и на коленях. Отдай девочку ей, — приказывает он, кивая головой на Сашу. — И пойдём со мной.

У меня нет выбора. Я пообещала ему свое добровольное подчинение, и если я сейчас откажусь от него, я знаю, что он заставит заплатить кого-то другого, а не меня. Может быть, одну из девочек или Сашу. Может быть, Софию или ее ребенка. Нет способа узнать, и в любом случае, я не могу позволить кому-то еще пострадать из-за меня.

Только не снова.

Я должна сделать то, что обещала.

— Вход на этот этаж будет заперт, — говорит Алексей, глядя на Сашу и Софию. — Охранники расставлены по всему этажу и у каждого выхода, как я уже сказал. Поэтому я

советую вам вернуться в свою комнату и устроиться поудобнее. Вы будете там в обозримом будущем, если я не скажу иначе. А попытка побега, как я уже сказал, повлечет за собой наказание. Можно сказать, наказания.

Саша и София ничего не говорят, бледные, с побелевшими губами, цепляющиеся за Анику и Елену. Рука Алексея на моем локте, крепко сжимает его, пока он ведет меня по коридору, к двери, ведущей в наши комнаты, и к главному холлу по лестнице, которая спиралью поднимается на другой этаж.

— Сюда, — твердо говорит он, и у меня нет выбора, кроме как следовать за ним.

Алексей, конечно, выбрал для себя самые изысканные апартаменты. Это все еще не похоже на комнаты, которые я делила с Виктором в его крепости-конспиративной квартире. Кровать в центре комнаты больше, чем любая другая, которую я видела. В этой спальне есть камин и дверь в другую комнату, заставленную мягкой мебелью, и смежная ванная комната. Однако у меня не так много времени, чтобы осмотреться. Алексей запирает за нами дверь и шагает к камину, который кто-то разжег. Это отбрасывает странные, пугающие тени по комнате, когда Алексей манит меня пальцем, и я иду к нему, зная, что должна сделать, как он просит.

Что бы он ни попросил.

Это была сделка, которую я заключила ради жизни Виктора, Луки, Лиамы, Левина и Макса. И теперь пришло время расплачиваться.

Алексей ухмыляется, как будто может прочесть мои мысли. Я могу сказать, что он уже возбужден, он нажимает на ширинку с настойчивостью, которая вызывает у меня тошноту.

— На колени, царица, — говорит он, одна рука тянется к поясу. Другой касается моих волос, когда я послушно опускаюсь, мое сердце колотится в груди, и я делаю все, что могу, чтобы меня не стошнило. Я вижу его, нетерпеливого и готового, когда он расстегивает молнию, это требует больше, чем небольших усилий.

Он не такой крупный, как Виктор, даже близко не такой. Я бы почти рассмеялась, если бы ситуация не была такой ужасной. Он так сильно хочет быть Виктором, и все же его член даже не может сравниться с ним. Эта мысль заставляет меня чувствовать себя немного лучше. Это нелепая мысль, но я цепляюсь за нее, потому что у меня нет ничего другого. Ничего, кроме юмора висельника и осознания того, что, стоя сейчас на коленях, я защищаю всех, кто пришел сюда со мной.

Моя ответственность. Мой долг.

— Соси, царица, — приказывает Алексей, его голос хриплый от вождения. — И проглоти все это, когда придет время. Каждую каплю. Не волнуйся, тогда мы не закончим. У нас впереди вся ночь.

Это то, чего я боялась. Но я не говорю этого вслух.

Я просто склоняю голову и повинуюсь.

15

ВИКТОР

Люди Алексея избили нас недостаточно сильно, чтобы нанести серьезные травмы, но мы были в отключке приличное количество времени. Когда я прихожу в себя, на улице начинает темнеть, и мой желудок сжимается, когда я понимаю, что у Алексея было достаточно времени, чтобы увеличить расстояние между ним и нами. Я понятия не имею, куда он направляется, понятия не имею, куда он может их отвезти.

Я слышу стон с дальнего конца дивана и вижу, как Макс медленно садится, прижимая

руку к носу.

— Я думаю, они сломали мой гребаный нос, — рычит он.

Лиам тоже садится и смеется, искоса поглядывая на Макса, когда тот осторожно прикасается к губам.

— Следи за своим языком, священник. Ты окажешься на исповеди. Или ты просто признаешься самому себе? Как именно это работает?

Макс раздраженно смотрит на него.

— Если бы ты когда-нибудь оказался по правую сторону двери на мессе, ты бы знал.

— Откуда ты знаешь, что я этого не делаю? — Лиам одаривает его дерзкой ухмылкой, затем морщится. — Ах, дерьмо. Ублюдок раскроил мне губу.

— Назови это предчувствием. — Макс морщится, протягивает руку, чтобы схватить свой нос и вернуть его на место. — Черт! — Он кричит, и я слышу хруст, когда он это делает.

Лиам корчит гримасу.

— В следующий раз сделай это где-нибудь в другом месте, ладно? Этого достаточно, чтобы мужчина лишился завтрака.

— Лука все еще без сознания. — Макс игнорирует подколки Лиама, обходя другого мужчину, чтобы подползти к Луке и дотянуться до его плеча. — Лука. Проснись, чувак.

— Я думаю, ему досталось самое худшее, — говорит Лиам. — Ему и Виктору. — Он поднимает на меня взгляд, его лицо искажено беспокойством. — Ты в порядке, парень?

— Я старше тебя на пятнадцать лет, — мрачно говорю я ему, поднимаясь на ноги и направляясь туда, где Лука все еще лежит на полу. — Так что “сэр” было бы более уместно, чем “парень”, я думаю.

— Тот самый Виктор.

— Ты в удивительно хорошем настроении, учитывая только что полученное тобой избиеие и тот факт, что женщина, с которой ты флиртовал большую часть трех недель, находится под стражей Алексея вместе с нашими женами и моими детьми. — Я мрачно смотрю на него. — Или, может быть, ты это пропустил?

— Нет. — Лиам хмурится. — Я все это видел, Виктор. Я приношу извинения. — Он пожимает плечами, наблюдая, как Лука начинает приходить в себя, Макс помогает ему наполовину сесть. — Я нашел лучший способ не допустить, чтобы плохая ситуация дошла до тебя, это юмор.

— Не сейчас. — Я бросаю взгляд на Луку. — Как он?

— Жить буду, — с некоторым трудом говорит Лука, опережая Макса, хотя не похоже, что нанесен какой-либо непоправимый ущерб. — Я думаю, они могли сломать одно или два ребра. Каждый раз, когда я дышу, у меня словно нож в боку. Но я не мертв, ура мне.

— Ну, это уже что-то. — Я хмурюсь, глядя на них троих. — Алексей уже установил слишком большую дистанцию между собой и нами. Будет трудно выяснить, куда он их увез. Звучит странно, но единственное, что у нас есть в нашу пользу, это то, что нам не нужно беспокоиться о том, что он причинит им вред. Он захочет получить хорошую цену, что означает поддержание их в хорошем состоянии. Это даст нам немного времени.

Лука прищуривает глаза.

— Это не защищает ребенка. И есть другие способы причинить боль, которые не оставляют следов. Ты это очень хорошо знаешь, Виктор.

— Да. — Я выдыхаю. — Но мы должны подумать о наших вариантах. Теперь у Алексея

преимущество, как бы сильно мы этого ни ненавидели. Мы играем в его игру, и нам нужно делать это осторожно. Он расчетлив, больше, чем я когда-либо предполагал, — признаю я.

— Ты не видел признаков этого? — Лиам прищуривает глаза. — Ни единого намека на то, что один из твоих самых близких людей был на грани предательства?

— Нет. — Я свирепо смотрю на него. — Если бы это было так, я бы предпринял шаги, чтобы предотвратить это.

— Учитывая то, что случилось с Сашей, я думаю, можно с уверенностью сказать, что в твоих рядах было несогласие задолго до того, как Алексей решил...

Что-то обрывается внутри меня. Я сдерживал свой гнев все время, пока Алексей был здесь, зная, что потеря контроля над моими эмоциями означала вред или смерть для моей семьи и тех, кто зависел от меня. Но теперь, когда непосредственная опасность миновала, я нахожусь на краю пропасти. И быть по другую сторону допроса от дерзкого ирландца, который на пятнадцать лет меня младше, это последняя капля.

Я замахваюсь на него, намереваясь нанести удар прямо в челюсть. За свою жизнь я ударил человека или троих, хотя обычно не полагаюсь на свои кулаки. Но Лиам ловко уклоняется от удара, ухмыляясь и обходя меня стороной.

— Надо действовать быстрее, старина, — говорит он с усмешкой. — Или, может быть, ты теряешь самообладание.

— Сейчас узнаем, — рычу я и снова замахваюсь.

Я рассеян. Это не так уж странно, учитывая, что несколько минут назад я был без сознания. А Лиам двигается как боксер, гибко приподнимаясь на цыпочки и выходя из зоны досягаемости, как будто это его вторая натура.

— Виктор! — Голос Луки, хриплый от боли, но все еще повелительный, разносится по комнате. — Хватит!

Я стискиваю зубы, поворачиваясь к нему лицом.

— Ты собираешься отдавать мне приказы в моем собственном доме, Романо!

— Я собираюсь сказать тебе взять себя в руки. — Лука заставляет себя выпрямиться, его лицо становится слегка серым от боли, когда он поднимается на ноги, но ему все равно это удастся. — Каждая минута, пока мы стоим здесь, сражаясь вместо того, чтобы выслеживать Алексея, это еще одна минута, которую он использует, чтобы увеличить дистанцию между собой и нами, еще один шанс для него убедиться, что мы не найдем его, пока не станет слишком поздно. — Он сердито смотрит на Лиаму. — Это относится и к тебе, сынок. Держи свой умный язык при себе.

При этом зеленые глаза Лиамы блестят, и я мельком вижу мужчину под небрежной, дерзкой внешностью, того, кто не ценит, когда ему говорят, что делать, больше, чем это сделали бы Лука или я. У него твердый характер и стальные яйца, я знаю это по тому, как он противостоял Алексею. Но я не собираюсь выслушивать расспросы от мальчишки, все еще мокрого за ушами, лидер Королей он или нет.

— Мы можем собрать вместе некоторых людей, — говорит Левин, сидя на краю дивана, его темные волосы спутаны от засохшей крови на виске. — Мы позвоним в Москву, получим подкрепление. Черт возьми, мы вырвем страницу из книги Алексея, если понадобится. У меня все еще есть кое-какие контакты через синдикат, возможно, я смогу найти наемников, которые согласились бы поддержать нас за приличную плату...

— Я оставляю тебя ответственным за это, — твердо говорю я ему. — Лиам, у тебя есть связи с хакерами в Вашингтоне, верно?

Лиам ухмыляется.

— Хакер, — небрежно говорит он. — Раз или два она пригодилась.

— Она? — Левин поднимает взгляд, и Лиам усмехается.

— Да, она. Женщины знают, как пользоваться компьютерами, Петров. И она знает, как быть не заметной.

— Сосредоточься, — огрызается Лука. — Лиам, ты должен посмотреть, сможет ли этот твой друг-хакер покопаться в любых транзакциях, которые Алексей может совершить в ближайшие несколько дней, посмотрим, сможем ли мы точно определить местоположение. Ты и Макс останетесь здесь, пока Виктор, Левин и я возьмем несколько человек и уйдем, как только у нас будет...

— Абсолютно, блядь, нет. — Лиам прищуривает глаза. — Ты думаешь, я останусь здесь, за этими стенами, в то время как Ана там страдает, будучи пленницей этого монстра? Блядь, нет. Я тоже пойду с вами.

Лука хмурится, и его лицо внезапно становится очень серьезным, почти отеческим.

— У тебя есть чувства к ней?

Макс закатывает глаза:

— Я думаю, любой человек с приличным зрением мог бы это увидеть.

Я выпускаю тяжелый вздох.

— Я думаю, было совершенно ясно, что Лиаму здесь нравится мисс Иванова. Но вряд ли сейчас подходящее время...

— Нет, я думаю, что самое время... прежде чем это зайдет дальше. — Лука не выглядит довольным. — Как много ты знаешь о ней, Лиам?

Лиам замер, выражение его лица внезапно стало настороженным.

— Хватит, — коротко говорит он, дерзкое мальчишество исчезло в одно мгновение. — Как сказал Виктор, я думаю, сейчас не время...

— Ана через многое прошла. — Лука скрещивает руки на груди, его глаза сужаются. — Она лучшая подруга моей жены, и я тоже стал заботиться о ней, как о сестре. С тех пор как...

— Что случилось? — Перебивает Лиам, нахмутив брови. — Кто-то причинил ей боль?

— Это не мое дело обсуждать, — твердо говорит Лука. — Но она подверглась жестокому обращению. Это сказалось на ней не только физически, но и морально. Каковы бы ни были твои чувства к ней, она не в том состоянии, чтобы ответить на них взаимностью или даже согласиться с ними. Она едва способна позаботиться о себе. — Лука вздыхает, хмурясь. — В любом случае, я слышал, что ходили разговоры о твоей женитьбе на девушке О'Салливан.

— Для босса итальянской мафии ты определенно много знаешь о внутренней работе королей, — рычит Лиам. — Я не понимаю, какое тебе дело.

— Благополучие Аны влияет на мою жену и, следовательно, на мир и стабильность в моем доме. И помимо этого, между нашими семьями существует союз. Если короли будут дестабилизированы, это также повлияет на меня и моих близких. — Лука качает головой. — Иди с нами, если должен, но выбрось Ану из головы. Женись на девушке О'Салливан. Это укрепит твое положение и настроит тебя наилучшим образом, увеличив твою благосклонность к другим королям. Ана ничего не сможет для тебя сделать, когда речь пойдет о твоём положении в семьях.

Челюсть Лиама сжимается, но он больше ничего не говорит об Ане.

— Я иду с тобой, — говорит он вместо этого, его голос звенит от решимости. — Я поговорю с Бет и посмотрю, что она сможет откопать. Но когда придет время уезжать, я здесь не останусь.

— Я тоже. — Макс тяжело сглатывает, на его лице неуверенность, но челюсть тоже сжата, плечи расправлены. — Саша доверяла мне в прошлом. Я хочу быть там, чтобы вернуть ее домой. — Он замечает выражение моего лица и пожимает плечами. — Как друг, — говорит он, делая ударение на последнем слове. — Для людей, нуждающихся в духовном руководстве.

Губы Лиама подергиваются, но он сдерживает любое замечание, вертящееся у него на кончике языка, к моему облегчению, и Луки тоже, судя по выражению его лица.

— Давай, — говорит Левин, со стоном вставая. — Давай подлатаем себя и соберем по кусочкам. Несколько порезов и ушибов нас не остановят, а? — Он смотрит на меня с грубоватой стойкостью человека, который видел гораздо худшее, чем даже то, что произошло здесь сегодня.

Он отстраняется, когда Макс, Лиам и Лука начинают выбираться из гостиной, перешагивая через тела и осколки стекла.

— Я вызову бригаду чистильщиков, — мрачно говорит Левин, оглядываясь на побоище. — Это чертовски печально. Все они хорошие люди.

— Алексей должен заплатить за это. — Я слежу за взглядом Левина, любясь ужасной сценой. — Он убил моих людей и забрал у меня семью. Этого нельзя терпеть.

— Этого не будет, Медведь, — твердо говорит Левин. — Он заплатит в десять раз больше. Но сначала мы должны найти его.

— Это будет нелегко.

— У Лиама свои способы, а у меня свои. — Левин холодно улыбается, и я вижу намек на человека, которым он был до того, как пришел работать на моего отца, наемника, которого когда-то боялись на четырех континентах. — Я свяжусь с синдикатом. То, что сделал Алексей, невыносимо. И он заплатит за это, я тебе это обещаю.

В это я верю без тени сомнения.

Я просто надеюсь, что мы сможем завершить это вовремя, чтобы спасти женщину, которую я люблю.

16

КАТЕРИНА

К моему облегчению, Алексей не требует, чтобы я осталась на ночь в его постели. Когда он заканчивает со мной, он наклоняется и поднимает мою одежду с пола, швыряя ее в меня, пока выбрасывает использованный презерватив в мусорное ведро, едва взглянув на меня, когда я одеваюсь и отступаю к двери. Это само по себе является еще одним облегчением. Алексей, похоже, не заинтересован в том, чтобы рисковать тем, что я могу от него забеременеть, чего я боялась даже больше, чем того, что он затащил меня в свою постель. Я до сих пор понятия не имею, возможно ли это вообще для меня, но я знаю, что есть одна вещь, которую я не смогла бы вынести, и это вынашивать ребенка, который не был от Виктора. Я не могу представить, что бы сделал Виктор при таком раскладе, чего бы он потребовал, как бы он с этим справился, но я никогда не хочу знать.

Странно чувствовать облегчение в постели мужчины, заставляющего тебя спать с ним, но это именно то, что я почувствовала, когда Алексей достал пакет из фольги. Я почти почувствовала благодарность. Это то, на что похож Стокгольмский синдром? Эта мысль

мрачно мелькает в моей голове, юмор висельника заставляет уголки моего рта подергиваться, когда я так быстро, как только могу, направляюсь к двери, пока он не передумал и не решил, что ночь еще только началась.

Уже почти два часа ночи, и я чувствую себя разбитой как телом, так и разумом. Я сделала все возможное, чтобы отключить свой разум, как только Алексей приказал мне встать на колени, сказав себе просто не существовать столько, сколько потребуется. Это было бы не то, что он забирал, а просто мое тело. Просто оболочку, в которой я обитаю. Это ничего не значит, говорила я себе снова и снова, глядя на стропильный потолок, следуя за узлами и завитушками в дереве, когда Алексей входил в меня. Я старалась не думать о реальности происходящего, о том, что он забирал то, что принадлежало Виктору, оставляя на мне след, который никто из нас никогда не сможет смыть. Я думала, что Виктор был последним мужчиной, который когда-либо будет внутри меня, но это больше не так, и это был не мой выбор.

Сколько раз лечь в постель с мужчиной не было моим выбором? Больше, чем я могу сосчитать, если быть честной сама с собой, между большей частью моего брака с Франко и началом моего брака с Виктором. Последняя ночь, которую я провела с Виктором, запечатлелась в моей голове как единственный настоящий момент, когда я сама решила соблазнить мужчину и переспать с ним. Однако тогда я не могла позволить себе думать об этом. Не с Алексеем внутри меня, делающим все возможное, чтобы стереть все следы Виктора. На протяжении всего фильма он ворчал что-то в этом духе, с каждой проходящей секундой напоминая мне о реальности ситуации, от которой я пыталась убежать.

Бери мой член. Я знаю, тебе это нравится. Как только ты его получишь, у тебя появится к нему тяга, а? Веди себя прилично, маленькая королева, и я не отдам тебя своим людям. Тебе бы этого хотелось, не так ли, царица? Итальянская шлюха. Ты хотела бы посмотреть, сколько русских членов ты могла бы принять одновременно.

Я игнорировала его, мои глаза были прикованы к потолку, пока он выкрикивал оскорбления, извергая их быстрее по мере приближения к кульминации. Он издал звук, похожий на звериный, когда кончил, мгновенно перекатившись на спину, его мускулистый живот блеснул от пота, когда он одной рукой убирал с лица свои белокурые волосы, а другой снимал презерватив.

— Я заставлю тебя кончить в следующий раз, царица, — пообещал он с жестокой ухмылкой. — Вот увидишь.

— *Ни за что на свете,* — хотела сказать я, но просто одарила его легкой вымученной улыбкой, чувствуя, как что-то треснуло внутри меня, когда я это сделала. Казалось, это удовлетворило его, потому что он отвернулся от меня, выбросил презерватив в мусорное ведро и, поднявшись со стоном, прошел мимо меня в сторону ванной. Он закончил со мной.

— *Пожалуйста, поторопись,* — мысленно обращаюсь я к Виктору, выходя в коридор, где меня немедленно встречает рослый охранник, который берет меня за локоть и подталкивает к лестнице и вниз, на этаж, где нас держат. Я не знаю, как долго я смогу это выносить. Я буду, столько, сколько потребуется. Если это смягчит Алексея и сделает приятным, помешает ему использовать моих друзей или моих падчериц в качестве боксерских груш, я охотно лягу с ним в постель. Но я чувствую, что каждый раз теряю частичку себя.

Я надеюсь, что к тому времени, когда нас спасут, что-нибудь останется.

Когда я возвращаюсь, в комнате тихо. Я едва вижу, но когда мои глаза привыкают, мне

удается разглядеть импровизированные приспособления для сна, которые другие придумали, пока меня не было. Аника и Елена крепко спят в одной кровати, а София и Ана прижимаются друг к другу в другой, при этом Ана снаружи. Две стопки одеял лежат рядом с кроватью, на одной свернулась калачиком Саша, а другая пуста, предназначена для меня, я полагаю.

Саша шевелится, когда я опускаюсь на колени на грудь одеял. Я отчаянно хочу принять душ, но у меня такое чувство, что нам не разрешено делать это без специального разрешения, и я не хочу рисковать навлечь на себя гнев Алексея.

— Миссис Андреева? — Сонно шепчет она, и я протягиваю руку, похлопывая ее по руке, когда ложусь. — С вами все в порядке?

Я выпускаю вздох.

— Зови меня просто Катериной, пожалуйста? Или Кэт? Особенно после всего этого, я думаю, мы прошли через формальности.

Саша колеблется.

— Хорошо, — наконец шепчет она в темноте. — Катерина. Ты в порядке?

— Нет, — честно отвечаю я. — Но я жива, и мне не больно. Так что, в общем, я настолько в порядке, насколько это возможно, я думаю.

— Он не причинил тебе вреда?

— Не... — Я тяжело сглатываю. — Не физически, нет. — С Алексеем было на удивление скучно спать, учитывая все обстоятельства, особенно после того, на что Виктор открыл мне глаза. Он не пытался причинить мне боль во время секса или действительно был жестоким каким-либо образом, за что, опять же, я странно благодарна. Странно, что такие вещи, кажется, имеют значение, когда все остальное так ужасно. По-видимому, он получал удовольствие от того, что трахал жену своего бывшего босса, и не более того.

— Это хорошо, — шепчет Саша. — Мы не были уверены, где уложить тебя спать, если... — Она колеблется, и я слышу, как она тяжело сглатывает в темноте. — Учитывая беременность Софии и состояние Аны, я подумала, что у них должна быть кровать. Я не возражаю против пола. Но я не была уверена...

— Я, вероятно, могла бы лечь спать с девочками, — устало бормочу я. — Но это прекрасно. — По крайней мере, здесь, внизу, я могу вытянуться, что было бы невозможно в одной кровати с девятилетним и семилетним ребенком. — Они быстро заснули?

— Почти сразу, — печально говорит Саша. — Дети устойчивы к стрессу.

Она говорит это так, что заставляет меня думать, что за этим кроется нечто большее. Я вспоминаю, что она и Виктор говорили о том, что она была в приемной семье, повзрослела из-за этого быстро, до того, как Виктор забрал ее. Я хочу попросить ее рассказать мне больше о себе, чтобы узнать ее лучше. Но я этого не делаю, потому что, лежа там, в темноте, в этом чудовищном доме, мне кажется, что оказаться в таком темном месте, это больше, чем любой из нас может вынести.

— Он снова захочет тебя, — мягко говорит Саша. — Такие мужчины, как он, всегда хотят.

Я хочу спросить, откуда она это знает. Но я этого не делаю.

— Я знаю, — это все, что я говорю, а затем откидываюсь на импровизированную подушку, которая была оставлена для меня, уставившись в потолок.

Больше всего на свете я хочу забыть ощущение рук Алексея на мне, его пальцев, скользящих по моему телу, его жалкого члена внутри меня. Я хочу притвориться, что этого

никогда не было, но я не могу. Я даже не могу избавиться от его запаха, все еще липнувшего ко мне, оставшегося от его потной кожи, скользкой по моей.

Я боюсь засыпать, потому что не хочу видеть сны. Но в конце концов, мое измученное тело сдаётся, и я проваливаюсь в глубокий сон, к счастью, без сновидений.

Где-то ранним утром я просыпаюсь от звука чьего-то плача, тихих вскриков и заикающихся всхлипываний, доносящихся ко мне по воздуху с кровати Аники и Елены. Я мгновенно вскакиваю, поднимаю свое измученное тело с пола, ощущая боль в каждой косточке и мышце, когда направляюсь напрямик к их кровати.

— Шшш, — шепчу я, протягивая руку к Анике, которая извивается под одеялом, ее маленькие кулачки бьют по ним, как будто она пытается отбиться от кого-то. — Все в порядке, милая. Это просто дурной сон. Просыпайся, детка. С тобой все в порядке.

— Мы дома? — Шепчет она, ее глаза все еще плотно закрыты. — Мы вернулись домой, мама?

Я втягиваю воздух, моя грудь сжимается, когда я чувствую, как слезы подступают к моим глазам. Я не знаю, достаточно ли Аника проснулась, чтобы увидеть, что это я держу ее, а не ее настоящая мать. Хотя прямо сейчас, когда я отчаянно жажду чего-нибудь, что заставило бы меня почувствовать что-то хорошее, я не могу заставить себя беспокоиться.

— Пока нет, — шепчу я, притягивая ее в свои объятия. К счастью, Елена все еще спит, каким-то образом не разбуженная плачем сестры. — Мы скоро будем, я обещаю. Как только твой отец приедет за нами, он заберет нас домой.

— Он уже идет? — Затем глаза Аники приоткрываются, она смотрит на меня сквозь слезы, все еще текущие по ее покрасневшему лицу. — Папа действительно придет за нами?

— Он сделает все, что в его силах. — Я целую ее в макушку, отчаянно желая пообещать ей, что это так, и в то же время не желая лгать ей. — Я знаю, что он ищет нас прямо сейчас. Он сделает все, что в его силах, потому что он так сильно любит нас. — Я не уверена, что меня, мрачно думаю я, укачивая Анику, пока ее рыдания затихают, но их он очень сильно любит. Но я не говорю этого вслух. Анике нет необходимости это слышать, и это не то, что она может понять. Лучше, чтобы она думала, что ее отец глубоко любит всех нас троих, что мы крепкая, непоколебимая семейная ячейка.

Я так сильно хочу, чтобы это было правдой.

Я слышу тихие звуки плача с другой стороны комнаты и понимаю, что Ана проснулась, вероятно, от шума, который создала Аника.

— Все в порядке, — слышу я шепот Саши. — Все будет хорошо.

Я поднимаю глаза и вижу Ану, свернувшуюся в клубок, ее руки прижаты к лицу.

— Нет, — бормочет она сквозь пальцы, ее плечи трясутся. — Это не нормально. Больше никогда, ничего не будет хорошо...

— Будет, — настаивает Саша с удивительной горячностью, учитывая тот факт, что я знаю, что у нее похожие опасения. — Ана, они найдут нас...

— А до тех пор? — Голос Аны начинает повышаться, что является признаком приближающейся панической атаки, и Саша хватает ее за руку, чтобы попытаться успокоить, но уже слишком поздно. — Ты слышала, что он сказал, — выдыхает она. — Я ничего не стою. Я слишком испорчена. Так что же он собирается со мной делать? Что происходит с женщиной в этом мире, которая ничего не стоит для мужчины?

Теперь она плачет по-настоящему, икает и сотрясается от рыданий, почти

задыхается. Тем не менее, все мы замерли при ее последних словах, их вес повис в воздухе и медленно оседает.

Что происходит с женщиной в этом мире, которая ничего не стоит для мужчины?

Ни у кого из нас нет хорошего ответа на этот вопрос. Не здесь. Не сейчас.

— Они найдут нас, — отчаянно шепчет Саша, глядя на меня в поисках помощи, но я поглощена детьми. Аника снова начинает плакать, всеобщая печаль в комнате снова подстегивает ее эмоции, и Елена начинает просыпаться, хныча и выглядя смущенной и расстроенной, когда она слышит весь плач вокруг себя.

— Пожалуйста, девочки, — шепчу я, с тревогой поглядывая на дверь и пытаюсь их успокоить. — Мы должны вести себя тихо, хорошо? Я знаю, нам всем страшно, но мы не можем быть громкими.

Но уже слишком поздно. Я слышу шаги в коридоре, и я надеюсь, что это просто один из охранников идет, чтобы отругать нас и сказать, чтобы мы успокоились. Но когда дверь открывается, я вижу начищенные ботинки, и мой желудок сжимается, когда Алексей входит в комнату.

17

КАТЕРИНА

Он уже одет, несмотря на ранний час, и по раздраженному выражению его лица я могу сказать, что мы его побеспокоили. Он морщится, когда смотрит на кровать, где я сижу с девочками, я вздрагиваю, и это все, что я могу сделать, чтобы не отпрянуть назад.

— Что происходит? — Требует Алексей, раздражение окрашивает каждое его слово. — Почему эти соплячки не затыкаются? А та, что калека, она всегда такая?

— Она напугана, — шипит Саша, к ней возвращается часть самообладания, когда она поворачивается, чтобы свирепо взглянуть на него. — Она ничего не может с этим поделать. Ты не первый мужчина, который...

— Который что? — Глаза Алексея блестят, его взгляд фиксируется на Саше. — Давай, продолжай, — говорит он, и она вздрагивает, бледнея, когда понимает, что сказала слишком много. — Скажи мне, что я делаю. Я хотел бы знать.

— Ты держишь нас в плену! — Аника вырывается из круга моих рук, наклоняется ко мне и смотрит прямо на Алексея так, как может смотреть только девятилетний ребенок, не имеющий понятия о том, в какой опасности мы находимся. — Ты плохой человек! И она напугана, потому что ты плохой человек!

Медленная улыбка изгибает губы Алексея.

— О, значит, она может говорить, а не только плакать. — Он ухмыляется, делая несколько шагов ближе к кровати, когда мои руки сжимаются вокруг Аники, мой пульс предупреждающе ускоряется. — Ты не должна бояться, малышка. Я не собираюсь причинять тебе боль. Я собираюсь найти тебе нового папочку, того, кто будет очень хорошо заботиться о тебе, пока ты будешь хорошей девочкой. Ты можешь быть хорошей девочкой, не так ли?

Аника не понимает двойного смысла этих слов, но я, безусловно, понимаю. Я чувствую, что начинаю дрожать, гнев закипает во мне, когда я смотрю на жестокое, ухмыляющееся лицо Алексея и испытываю глубокое, интуитивное желание стереть с него это выражение.

Я не могу. Я сделаю только хуже. Я повторяю это снова и снова в своей голове, стараясь не думать о том, что он делал со мной прошлой ночью, о том, что он отнял у меня, что он собирается отнять у всех нас. Я цепляюсь за мысль, что я должна сохранять спокойствие, что я должна защищать других, и на мгновение мне кажется, что он собирается

отступить, возможно, пригрозить нам и уйти. Но вместо этого он протягивает руку, чтобы погладить Анику по волосам, улыбаясь при этом.

— Ты будешь хорошей девочкой для своего нового папочки?

У Аники отвисает челюсть.

— Я не хочу... — начинает она жалобно говорить. У нее не было шанса закончить предложение, потому что я резко оттаскиваю ее от Алексея, укладываю на подушки и бросаюсь к нему, в этот момент все остатки самообладания, которые у меня были, улетучиваются.

— Отойди от нее, ты, гребаное чудовище! — Я визжу, толкая его в грудь, мои руки царапаются, когда я пытаюсь царапнуть его ногтями по лицу только для того, чтобы он быстрым рефлекторным движением схватил мое запястье, его пальцы обхватывают его так сильно, что я вскрикиваю от боли.

Глуно, глуно, глуно. Это слово эхом отдается в моей голове, потому что я знаю, что это было неправильно, что я никогда не должна была терять контроль, что, делая это, я подвела Анику, Елену, Ану и всех остальных, кто зависит от меня. Я сделала все намного хуже. Тем не менее, моя ярость ощущается как живое, дышащее существо, скручивающееся в животе, пока я не чувствую, что меня сейчас стошнит, пока я не чувствую, что пожертвовала бы всем, только чтобы увидеть, как лицо Алексея превращается в кровоточащие ленты.

— Ты не тронешь моих детей, — шиплю я, моя грудь вздымается. Краем глаза я вижу, как Саша быстро пересекает комнату, хватая Анику и Елену и уводит их в свой угол, София и Ана, вне досягаемости Алексея. София движется впереди всех, ее лицо бледное и напряженное, но Алексей не обращает внимания ни на кого из них. Его внимание полностью сосредоточено на мне, его хватка усиливается, пока не возникает ощущение, что он может раздавить мне запястье своими длинными пальцами, и я на грани слез от боли.

Он нависает надо мной, и по его лицу расползается та холодная, расчетливая улыбка, которую я начинаю узнавать лучше, чем хотелось бы.

— О, но они не твои дети, не так ли? — Алексей холодно улыбается. — Они принадлежат Виктору. Если быть точным, Виктору и Кате. В них нет ни капли твоей крови. О, я знал Катю, если тебе интересно. Мы все завидовали Виктору. Она была совершенством: блондинка, голубоглазая, с фарфоровой кожей и фигурой, о которой мужчина мечтает по ночам. Мы все драчили, думая о ней.

Он ухмыляется, облизывая губы.

— Впрочем, нам всем повезло, что она не была нашей. Ты знаешь об этом, не так ли? Знаешь, что она оказалась безумной шлюхой, избалованной и толстой, отчаявшейся, и что она перерезала себе вены, потому что была слабой?

Я слышу тихий вздох с другой стороны комнаты и мельком вижу, как Саша и София двигаются одновременно, прикрывая девочкам уши, чтобы они не слышали. Рот Софии открылся от шока, но я ничего не могу с этим поделать прямо сейчас. Алексей все еще смотрит на меня, его злобная улыбка становится все шире.

— Виктор выбрал тебя следующей. Красивая итальянская невеста. Такая неуместная среди нашей грубой братвы. Или тебе так говорили, верно? У нас нет ни утонченности, ни манер. Просто животные, добывающие пропитание на холоде, убивающие без разбора. — Он смеется, его язык влажно проводит по нижней губе. — На самом деле жизнь становится намного лучше, как только ты перестаешь пытаться быть лучше, чем о тебе думают все остальные. Как только ты уступаешь своей низменной природе.

— Отпусти меня. — Я пытаюсь вывернуться из его рук, но его хватка только усиливается, пока я не чувствую, как маленькие косточки моего запястья трутся друг о друга. — Пожалуйста, ты делаешь мне больно...

— Я могу представить, что Виктор рассказал тебе о твоей низменной природе, не так ли? — Алексей ухмыляется. — Я бывал с ним в Москве в деловых поездках раньше. Я видел женщин, которых он ищет в клубах и борделях. Женщин, которые могут переносить боль, но, что еще важнее, женщин, которым это нравится. — Он подносит мою руку к своему рту, засасывая два моих пальца в рот. — Соленые. Я действительно наслаждаюсь вкусом твоих слез.

— Алексей, пожалуйста... — Я не хочу умолять его, ненавижу, что опускаюсь до этого после нападения на него всего несколько секунд назад. Он опасно близок к тому, чтобы сломать мне запястье. От боли у меня на глаза наворачиваются слезы, мое тело дрожит от агонии и страха, и с каждым мгновением я все больше впадаю в панику.

— Ах да. Мне действительно нравится слушать как ты умоляешь. Я собираюсь трахать тебя каждую ночь, я думаю, до тех пор, пока ты не будешь умолять меня вот так же между простынями. Пока ты не поддашься своей низменной натуре со мной точно так же, как ты это сделала с ним. — Он наклоняется вперед, его дыхание щекочет раковину моего уха. — Пока я не отниму у него все, что у него осталось...тебя.

— Почему? — Я почти всхлипываю, задыхаясь. — Почему я?

Алексей ухмыляется.

— Почему? Потому что я хочу все, что есть у Виктора. А ты... ты почти самое важное для него. Единственное, что ему дороже тебя, это его дети.

— Это неправда, — отчаянно шепчу я. — Это не так. Я даже близко не настолько важна для него...

Алексей фыркает.

— Если ты действительно так думаешь, царица, то ты глупее, чем я думал, а я на самом деле думал, что ты довольно умна. — Его глаза скользят по мне, задерживаясь на моей груди. — Итак, каким должно быть твое наказание, как ты думаешь?

— Наказание? — Я прохрипела это слово, внезапно очень отчетливо ощущая устремленный на меня взгляд, тихий испуганный вздох Аны при словах Алексея.

— Ты не можешь думать, что я просто позволю тебе напасть на меня без последствий. Каким оно должно быть? Должна ли ты отсосать мне на глазах у своих друзей? Нагнуться для меня, чтобы я мог трахнуть тебя здесь? Может выпороть тебя ремнем?

Я ошарашенно смотрю на него, пока он не начинает раздражаться, и его жестокая улыбка не гаснет.

— Выбирай, царица, или я выберу за тебя.

Я не могу. Я просто не могу. Не здесь, не перед Софией, Сашей и Анной, не перед моими дочками.

— Где-нибудь в другом месте, — умоляю я. — Пойдем в твою комнату...

— Нет, — твердо говорит он. — Выбирай, царица.

— Нет. — Я тяжело сплываю, качая головой. — Нет, отпусти меня. Отпусти! — Я пытаюсь вырваться, извиваясь в его хватке, изо всех сил стараясь не обращать внимания на боль, когда я замахваюсь на него другой рукой, отчаянно пытаюсь заставить его врасплох достаточно, чтобы освободиться. Я знаю, что это бесполезно, что нам некуда идти, некуда бежать, и более того, что я сделала только хуже. Что я нарушила свое обещание быть

готовой, не сопротивляться, и я знаю, что он заставит меня заплатить.

Паника охватывает меня, и я извиваюсь в его объятиях, забывая, что Аника и Елена наблюдают, что мне нужно беспокоиться о них, защищать их, не давать им испугаться, что они не должны этого видеть. Я слышу разочарованное ворчание Алексея, но не обращаю внимания на предупреждение, которым оно является.

Я не вижу приближения удара. Когда его кулак попадает мне в челюсть, это застает меня врасплох. Настолько, что я даже не осознаю, что он вырубил меня, пока я уже без сил не опускаюсь на кровать, комната вращается вокруг меня, когда мое зрение пульсирует по краям, а затем темнеет.

Когда я просыпаюсь, мне кажется, что моя голова раскалывается на части. Меня захлестывает волна чистой паники, потому что я помню это чувство, моя голова словно раскалывается изнутри. Я начинаю пытаться сесть, обхватываю голову руками, прижимаю пальцы к вискам, чтобы немного ослабить давление, но я не могу пошевелить руками.

О боже. О боже. Блядь, блядь, блядь!

Я также не могу пошевелить ногами. На один ужасающий момент мне кажется, что он каким-то образом парализовал меня. Секунду спустя я понимаю, что привязана к кровати, мои запястья и лодыжки привязаны к четырем углам кровати с балдахинном.

Мы не в комнате Алексея. Я не знаю, в какой комнате мы находимся. Здесь не очень хорошо обставлено, только кровать в центре, с левой стороны от меня ничего, кроме стены, а затем, когда я медленно поворачиваю голову, чтобы посмотреть на другую сторону, пытаюсь игнорировать стреляющую боль в черепе, справа от меня возникает сцена прямо из моих ночных кошмаров...

С другой стороны тоже нет мебели. Только дверь, которая почти наверняка заперта, четыре глухие стены и крюк, свисающий с потолка, все это напоминает скотобойню. И Саша висит на этом крюке, ее запястья связаны и перекинуты через него, пальцы ног едва касаются деревянного пола, когда она плачет, крутя головой, как будто пытается увидеть, что происходит, хотя ее глаза закрыты толстой повязкой.

— Саша! — Я выдыхаю ее имя, и она издает тихий вскрик, снова поворачиваясь на крючке.

— Катерина! Где ты...

— Я на кровати. — Я стараюсь, чтобы мой голос звучал ровно и спокойно, как будто я не паникую. — Что происходит? Алексей вырубил меня, а затем...

— Он приказал своим людям вынести тебя из комнаты. — Голос Саши дрожит, каждый дюйм ее тела дрожит, когда она пытается дотянуться пальцами ног до пола. — Мы не знали, куда тебе забирают, а потом он схватил меня и притащил сюда. — Я слышу слезы в ее голосе, ее дыхание прерывается короткими вздохами. — Он завязал мне глаза, и...

— Он ушел?

Саша кивает, тяжело сглатывая.

— Он сказал, что вернется, он сказал...

Дверь открывается, и ее слова замирают, когда она поворачивается к нему, невидящим взглядом указывая на приближающиеся к ней шаги. Это Алексей, входящий в комнату в брюках с закатанными рукавами рубашки и расстегнутым воротником, с охотничьим ножом в руке. Двое мужчин следуют за ним внутрь, закрывая и запирая дверь, занимая позиции по обе стороны от нее. Ни один из них не смотрит прямо на нас, как будто им было приказано

смотреть вперед и, зная Алексея, он, вероятно, так и сказал.

Мой пульс подскакивает к горлу, когда он шагает к Саше, даже не потрудившись взглянуть на меня. Я открываю рот, чтобы что-то сказать, умолять за нее, но слова замирают у меня на губах, когда я с неприятным ощущением в животе понимаю, что все, что я скажу, сделает только хуже. И мгновение спустя Алексей подтверждает это.

Его взгляд скользит по Саше, предвкушающая улыбка изгибает его губы, когда он впитывает каждый дюйм ее тела, и затем, наконец, он поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня.

— Ну, царица. Ты проснулась? — Он протягивает руку, прижимая кончик охотничьего ножа к груди Саши, чуть выше выреза футболки, в которой она легла спать прошлой ночью. — Знаешь, — говорит он непринужденно, опуская нож так, что он начинает разрезать ткань ее рубашки, — Саша здесь из-за тебя.

Я ничего не говорю. Я не могу. Я чувствую, что мое тело дрожит, каждый мускул напряжен, я готова к полету, который я не могу вынести, и к бою, в котором я не могу участвовать, потому что я связана. Вся травма, полученная в хижине, стремительно возвращается, ощущение связанности и беспомощности, яркие воспоминания о ножах Андрея и Степана, впивающихся в мою кожу, и то, как Алексей прижимает охотничий нож к коже Саши. Лезвие, должно быть, было невероятно острым, потому что оно медленно разрезает ее рубашку, как папиросную бумагу, почти без сопротивления.

— Я думал о том, как мне следует наказать тебя, — продолжает Алексей, опуская нож вниз и разрезая ее рубашку, кончик слегка царапает ее плоть, так что появляется рельефная розовая линия, из которой вытекают маленькие капельки крови. — Я думал о многих творческих способах, но потом я понял кое-что фундаментальное в тебе, Катерина.

То, что он использует мое имя, поражает, пронзает меня так, как никогда не пронзала его насмешливая царица. Это кажется знакомым, интимным, и мой желудок скручивает, потому что это напоминает мне, что он был близок со мной, что теперь он знает самые сокровенные части меня, и я никогда не смогу этого изменить. Он неизгладимо, залез топчась мне в душу, независимо от того, удалось мне каким-то образом заблокировать его в тот момент или нет.

— Что? — Мне удается задать вопрос с некоторым трудом, мои губы немеют и распухают, все мое тело переходит в режим паники, которая угрожает охватить меня.

— Ты храбрая, когда дело доходит до твоей собственной боли. Я мог бы угрожать тебе весь день напролет, наказывать тебя худшими способами, и тебе потребовалось бы много времени, чтобы сломаться. Я думаю, ты могла бы вынести больше, чем некоторые из моих мужчин. — Он смотрит на меня оценивающе. — В некотором смысле я восхищаюсь тобой, Катерина. Не у многих женщин есть твоя сила или храбрость. Но, видишь ли, на самом деле у меня нет на все это времени. Ты нужна мне послушной, стоворчивой, потому что мне нужно вести бизнес и заключать сделки. Я не могу позволить себе тратить время на то, чтобы ломать тебя, как бы приятно ни было видеть, сколько ты можешь вынести, прежде чем начать молить меня о пощаде. И не пойми меня неправильно, ты бы это сделала в конечном итоге. Я могу быть очень талантлив в попытках, когда захочу этого.

Он разрезает оставшуюся часть рубашки Саши, отрывая ее от нее так, что она белыми хлопковыми лентами опускается на пол. Почти рассеянно он засовывает нож за пояс, затем тянется к поясу слишком больших спортивных штанов, которые она нашла. Он срывает их одним движением, полностью обнажая ее, когда снимает их и отбрасывает в сторону,

оставляя ее болтаться обнаженной на крючке.

— Твоя слабость, Катерина, в других. Тех, о ком ты заботишься, за кого чувствуешь ответственность. Ты позволила бы мне мучить тебя, но если я причиню боль кому-то, кто тебе дорог, это ранит тебя глубже, чем любой нож, иссушит твою душу сильнее, чем любое клеймо. Итак, я привел сюда дорогую Сашу, чтобы наказать вместо тебя, потому что, увидев это, ты поймешь серьезность того, что ты сделала, и насколько я серьезен.

Он протягивает руку, проводя пальцем по ее соску, и Саша визжит, отворачиваясь от него с судорожным всхлипом.

— Я не могу оставлять на ней следы, конечно. Не стойкие. Она единственная из вас безупречна, если не считать отсутствия у нее девственности. Но за нее заплатят самую высокую цену. — Затем он откладывает нож в сторону, расстегивая пояс. — Но я все еще могу преподать тебе урок таким образом.

Алексей кружит вокруг нее, сворачивая ремень в своих руках. А затем, когда Саша громко всхлипывает, извиваясь на крючке, он опускает ремень на ее задницу со всей силой, которая есть в его руке.

Крик Саши не похож ни на что, что я когда-либо слышала. Она снова кричит, когда он делает это во второй раз, и Алексей смеется, издавая звук, который почти похож на хихиканье.

— Когда ты бросаешь мне вызов, царица, когда ты отказываешься подчиняться мне так, как подчинялась своему мужу, когда ты споришь со мной или пытаешься причинить мне вред, когда ты пытаешься помешать мне, плеть достанется не тебе. Это будешь не ты, кого я доведу до самых пределов возможностей, чтобы вынести боль. Это не тебя я буду мучить и насиловать. — Он жестоко улыбается, его глаза загораются удовольствием, когда он снова бьет Сашу, достаточно сильно, чтобы ее тело закачалось на крючке.

— Это будет она, или калека, или жена Романо. И если ты к тому времени не усвоишь свой урок, то после того, как я устану вымещать на них свой гнев, я прибегну к чему-нибудь более убедительному. — Его глаза блестят, и я с леденящим душу страхом понимаю, что именно он имеет в виду. — В конце концов, — любезно говорит Алексей, как будто мы обсуждаем погоду. — Разве большинству детей не нужна хорошая порка время от времени?

— Пошел ты! — Я вырываюсь из веревок, привязывающих меня к кровати, обнажая на него зубы в почти рычании. — Ты не поднимешь на них свою гребаную руку...

— О? — Алексей поднимает бровь, а затем опускает ремень на бедра Саши. Не один и не два раза, а снова и снова, раскачиваясь в безжалостном ритме, от которого ее задница и бедра ударяются о кожу, пока она почти не раскалывается докрасна и не всхлипывает, беспомощно болтаясь.

— Пожалуйста, — плачет Саша, и я жду, когда Алексей просияет от удовольствия, что она умоляет его. Но затем она поворачивает голову в мою сторону, и я чувствую, как что-то в моей груди раскрывается с особой, мучительной болью. — Катерина, пожалуйста...

— Что? — Я выдыхаю это слово, чувствуя, что не могу дышать. — Саша, я...

— Прекрати бороться с ним. Пожалуйста. — Теперь она плачет сильнее, хватая ртом воздух, ее тело дрожит, как будто она почти в судорогах от боли. — Пожалуйста, не выводи его из себя. Я больше не могу терпеть, пожалуйста, это больно, это так сильно больно, Катерина, пожалуйста, не...

Я чувствую, что слабею, каждая частичка борьбы, которой я когда-либо обладала, покидает меня. Как будто Алексей проник внутрь меня и вырвал кусочек моей души в это

мгновение, как будто он раздавил мое сердце в своем кулаке. Я думала, что чувствовала себя разбитой раньше, покидая его комнату, но я ошибалась.

Я и не подозревала, насколько сломленной могу быть.

— Прости, — шепчу я. — Я не буду... я обещаю, что не буду. Я не буду сопротивляться и бороться. Я клянусь, Алексей, пожалуйста, не причиняй ей больше боли...

— Громче. — Он двигается так, как будто собирается снова взмахнуть ремнем, и я почти кричу это, дергая за веревки.

— Я не буду сопротивляться! Я клянусь, Алексей, я обещаю, просто не бей ее снова! Пожалуйста! Я сделаю все, что ты скажешь, клянусь...

Он отступает назад, на его губах появляется довольная улыбка.

— Очень хорошо, Катерина. — Он делает знак одному из мужчин у двери, и охранник делает шаг вперед, вытягиваясь, чтобы снять Сашу с крючка. Она сжимается в его объятиях, не в силах стоять и, казалось бы, безразличная к тому, кто ее держит, до тех пор, пока он не дает ей упасть на пол.

— Отведи ее обратно в комнату, — приказывает Алексей. — И приведи другую.

— Что? — Я громко ахаю, мои глаза расширяются. — Но я сказала...

— Ты ведь не споришь со мной, не так ли, царица? — Он спокойно смотрит на меня, уголок его рта подергивается от явного удовольствия, когда он прижимает меня к себе. — Ты сказала, что согласишься со всем, что мне понравится, да? Что ты не будешь бороться или препятствовать мне, если я отпущу твою подругу? Потому что я могу вернуть ее, если ты не хочешь этого...

— Нет! — Я яростно качаю головой. — Я не... я имела в виду... Я обещаю. Я не спорю с тобой, я просто подумала...

— Женщины. — Алексей щелкает языком. — Вы все слишком много думаете. В этом нет необходимости. Все, что нам нужно от вас, это горячий рот и тугая киска на наших членах, пара рук, чтобы вести хозяйство, и плодородная матка, чтобы подарить нам наследника. Ни о чем из этого не нужно думать. Так что поменьше этого, пожалуйста. — Он указывает на другого охранника, который открывает дверь, и мгновение спустя я ахаю, когда вижу, как втаскивают Ану, ее больные ноги едва касаются пола.

— Видишь ли, — начинает Алексей, в то время как охранник поднимает ее запястья над головой, чтобы зафиксировать их, как это было у Сашы. — Я не могу доверять тебе, царица. В конце концов, однажды ты пообещала мне вести себя прилично и добровольно подчиняться мне, если я сохраню жизни Виктора и других мужчин. Но ты нарушила это обещание. Теперь я собираюсь дать тебе еще один шанс сохранить то, что ты обещала. — Он подходит к Ане, которая смотрит на него испуганными глазами. У нее не завязаны глаза, и она плачет, когда он подходит ближе, пытаясь отодвинуться. Но, конечно, она не может. Веревка, удерживающая ее запястья, перекинута через крюк, и ее ноги едва касаются пола.

— Сейчас я собираюсь наказать эту девушку, — спокойно говорит Алексей, — чтобы донести до твоего сознания то, что я сказал. Мне нужно, чтобы ты поняла, Катерина, что твой муж не придет за тобой. Никто из них не придет. Они не придут, чтобы спасти кого-либо из вас. Твоя единственная надежда на выживание и твоя единственная надежда для твоих друзей и для этих двух драгоценных детей, это смириться с ситуацией, в которой вы оказались, смириться со мной. Она, — он указывает на Ану, дрожащую от страха на крючке, — твоя ошибка. Ты напала на меня, и теперь эти бедные девочки расплачиваются за

это. — Он качает головой, как будто глубоко разочарован. — Твое упрямство — причина, по которой им больно.

Я хотела быть сильной. Я хотела быть смелой. Больше всего на свете я хотела защитить их. И когда Алексей начинает методично срезать с Аны одежду, не обращая внимания на ее рыдания и мольбы, я чувствую, как силы покидают меня до последней капли, оставляя ощущение пустоты и опустошенности, большей безнадежности, чем я когда-либо чувствовала в своей жизни. Раньше я думала, что достигла самого дна.

Но очевидно, что падать было еще дальше.

Я не утруждаю себя мольбами. Я знаю, что это не поможет. Чего хочет Алексей, так это чтобы я не умоляла и не плакала. Он хочет, чтобы я была молчаливой, уступчивой, послушной. Он хочет, чтобы я подчинилась, приняла его решения без возражений, и это одно из них. Если я буду умолять, если я буду спорить, если я буду сопротивляться, я сделаю только хуже.

Ана не смотрит мне в глаза. Она тоже не умоляет, как Саша, и ничего мне не говорит. Она висит там, опустив голову так, что ее подбородок почти касается груди, слезы капают на деревянный пол, когда она плачет, ожидая ударов.

Когда Алексей начинает, он не останавливается. Я хочу отвести взгляд, но заставляю себя смотреть на все это. Потому что он прав, это моя вина. Все это. Я позволила своим эмоциям взять верх надо мной, потеряла контроль, поддалась удовольствию дать отпор вместо того, чтобы сдерживать свое слово и защитить тех, за кого я несу ответственность. И теперь я ответственна за нечто гораздо худшее.

Он опускает ремень, сильно и безжалостно, снова и снова, пока Ана не обмякает настолько, что я боюсь, что она потеряла сознание. Алексей не останавливается, не делает передышки, просто избивает ее, пока ее кожа не становится рубцово-красной, заметно покрытой синяками и украшенной лопнувшими венами. Наконец, тяжело дыша, он отступает назад, любуясь своей работой.

— Я мог бы поступить с ней жестче, — говорит он довольным голосом. — На аукционе она все равно ничего не стоит. Не так, как другая. Красиво, не правда ли? Такой чудесный красный. — Он протягивает руку, чтобы прикоснуться к ней, и Ана шарахается от него, как лошадь, укушенная мухой, крик срывается с ее губ.

— Я покончил с ней, — говорит он, бросая взгляд на охранника. — Уберите ее отсюда.

Я почти задыхаюсь от облегчения, охранник тянет ее вниз, практически вытаскивая из комнаты, когда она падает на него. Алексей даже не смотрит им вслед, вместо этого шагает к кровати и отбрасывает ремень в сторону, кожа скользит по полу.

— Через две ночи, — говорит он небрежно, — я буду устраивать вечеринку для потенциальных покупателей. Они придут сюда, чтобы посмотреть, что я могу предложить. Ты понимаешь, о чем я говорю? — Он протягивает руку, хватая меня за подбородок так, что я вынуждена посмотреть на него. — Скажи мне, что ты понимаешь, Катерина, или следующей я притащу сюда жену Романо. И после этого...

Только не София. Мысль о ней на этом крючке, о ремне, безжалостно давящем на нее, угрожающем ее нерожденному ребенку, это слишком. И Аника или Елена... это невыносимо.

Я сделаю все, чтобы предотвратить это. И Алексей это знает.

— Я понимаю, — шепчу я.

— Если ты начнешь действовать, или бросишь мне вызов, или попытаешься сбежать или дать отпор, последствия будут по твоей вине. — Он строго смотрит на меня сверху вниз. —

И помни, это будешь не ты, кто их понесет.

— Я знаю. — Я с трудом сглатываю, кивая. — Я понимаю, я обещаю. Я не буду... я буду вести себя прилично.

— Хорошо. — Алексей сияет, как будто мы что-то уладили между собой. Затем он тянется к пуговице своих брюк, и я вижу, что он твердый, как скала, и выпирает из ширинки. Меня тошнит от этого, потому что я знаю, что он возбудился от побоев, от порки Аны и Саши.

Я, конечно, видела, как Виктор заводился от моих наказаний. Но это не то же самое. Виктор знает, что в глубине души я хочу этого, что я получаю невообразимое удовольствие от прохождения этой грани боли и экстаза, от того, что принимаю его наказание и подчиняюсь ему. То, что он делает со мной, это игра туда-сюда, частью которой я являюсь, которая заканчивается удовольствием. Даже когда этого не происходило, даже в наши худшие моменты, он все равно всегда вытягивал что-то из меня, какую-то глубокую и развратную потребность, которую может удовлетворить только он, и он это знал.

Это было совсем не то. Не было ни удовольствия, ни симбиоза, ни игры. Это была просто пытка, просто боль, и это то, от чего Алексей получает удовольствие. Он садист в чистом виде, и это совсем не похоже на то, что я испытывала с Виктором.

— Открой рот, царица, — говорит он, протягивая руку за пазуху брюк. — Я такой твердый, что могу лопнуть, и мне нужно место, куда я могу слить свою сперму.

Мой желудок переворачивается, но я не спорю. Теперь я знаю лучше. Поэтому я поворачиваю голову и открываю рот.

Когда он погружается, со стоном хватая меня за затылок и начиная трахать мое лицо, я чувствую, как последняя надежда, которая у меня была, улетучивается. Два дня до вечеринки. Я не знаю, будет ли он посредничать в сделках этой ночью, но если нет, то это ненадолго...

Я солгала.

Никто не придет, чтобы спасти нас.

И все наши жизни, какими мы их знали, закончились.

18

ВИКТОР

Катерина склоняется надо мной, ее губы касаются моей груди. Она обнажена, полностью обнажена, и ее соски тоже касаются моей кожи, твердые и заостренные, свидетельство ее желания. Но это не то, что меня больше всего интересует. Мой член, тяжелый и набухший, пульсирует между нами, кончик касается мягкой кожи ее живота и оставляет там след моего возбуждения. Я хочу схватить ее, погладить, наклониться так, чтобы я мог скользнуть в нее, в этот влажный жар, которого я жажду, как самого воздуха. Но это тоже не то, что я ищу. Вместо этого моя рука находит путь между ее раздвинутых бедер, вверх по мягкой внутренней поверхности, ощущая исходящий от нее жар еще до того, как я к ней прикоснусь. Горячая, для меня. Влажная, для меня. Гладкая и податливая, скользкая и манящая.

Мои пальцы скользят между ее складочек, сопровождая ее возбуждение, я погружаюсь в нее, когда нахожу ее клитор, обводя его так, что она задыхается от прикосновения к моей коже ее попка выгибается вверх, она прижимается к моей руке, стремясь к большему количеству этого восхитительного трения, и ее губы спускаются вниз.

Мой член пульсирует в предвкушении, зная, что ее мягкие губы в любой момент

обхватят мой кончик, ее язык обводит чувствительное местечко вниз, скользит вниз, принимая меня в тесные рамки ее горла. Никто не возбуждает так, как Катерина. Она может сосать член лучше, чем любая женщина, которую я когда-либо знал, и это лишь одна из многих причин, почему я рад, что женился на ней.

Я мог бы перечислить гораздо больше, и я сделаю это позже, когда она будет лежать, затаив дыхание и насытившись, в моих объятиях. Но сейчас я довольствуюсь тем, что стону от удовольствия, другой рукой сжимая в кулак ее волосы, пока она скользит еще на дюйм вниз, направляя свой рот к моей пульсирующей длине. Она не торопится, но теперь пришло время напомнить ей, кто главный, что я решаю, когда мне отсосут.

Ее глаза закатываются, чтобы встретиться с моими, разгоряченные и остекленевшие от похоти. Ее рот открывается, этот мягкий розовый язычок вырывается, чтобы пробежаться по всей длине моего члена, дразня выступающую, пульсирующую вену на верхушке. Моя голова откидывается назад, я снова стону, усиливая хватку на ее волосах, когда ее рот движется вверх, и ее губы раздвигаются, чтобы плотно обхватить головку моего члена, втягивая меня в свой рот влажным, горячим трением, которое угрожает слишком быстро отправить меня за грань.

Иногда ночами это все, чего я хочу, просто излиться ей в рот и в горло, ощутить, как горячая струя моей спермы струится по ее языку, слышать ее стоны, когда она пьет меня, слизывая все до последней капли. Но сегодня вечером это всего лишь прелюдия. Я хочу киску своей жены, и она знает, что я получаю то, что хочу.

И она рада это предоставить.

Она не пытается заставить меня кончить, поэтому Катерина лижет меня почти лениво, длинными медленными движениями, посасывая мою головку и ствол своими полными губами, пока мой член не становится таким набухшим и твердым, что я не уверен, что для меня возможно возбуждаться еще больше, мой толстый ствол растягивает ее губы, пока она изо всех сил пытается принять его целиком.

— Еще разок в твое горло, да, ах, черт! — Я громко ругаюсь, когда мышцы ее горла сжимаются вокруг меня, мой член душит ее, когда она скользит вниз к основанию, поглощая меня всего. Когда она подходит, ее глаза слезятся, губы опухли и блестят от слюны, а мой член блестит, жаждущий оказаться внутри нее.

Моя рука расслабляется в ее волосах, и Катерина отстраняется, вскидывая голову и рассыпая все эти каскадные темные локоны по плечам. Она одаривает меня озорной усмешкой, оседлав меня, ее рука крепко обхватывает мой пульсирующий ствол, когда она направляет его между своих ног, ее большой палец поглаживает вену на моем члене, а ее бедра опускаются на меня, ее складки раздвигаются и обвиваются вокруг моей головки, когда я проникаю в нее с ощущением, которое превосходит любое другое удовольствие, которое я когда-либо испытывал. С ней всегда так.

Она трахает меня медленно, дразняще, растягивая каждое мгновение, заставляя меня жаждать большего, даже когда я внутри нее. Когда я, наконец, снова беру инициативу в свои руки, хватаю ее за бедра и жестко и быстро вхожу в нее, усмешка на ее лице говорит мне, что она ждала этого. Ждала, когда я возьму ее, чтобы показать ей, что даже когда она на мне, я главный.

Я тот, кто владеет ею, предъявляет на нее права. Моя, навсегда.

Моя любимая невеста. Моя жена.

Я сдерживаюсь, пока она не прижимается ко мне быстрыми, беспомощными

движениями, которые говорят мне, что она близко, мышцы внутренней поверхности ее бедер дрожат, когда она подталкивает себя к оргазму. Мои собственные мышцы напряжены от силы сдерживания моей спермы, мое тело напряжено и готово к этому. В тот момент, когда я чувствую, как она сжимается вокруг меня, ее ногти впиваются в мою грудь, я откидываю голову назад с ревом удовольствия, жестко входя в нее, засаживая свой член как можно глубже в нее, когда начинаю кончать.

Я изливаюсь в нее, ее киска сжимает меня, доит меня, пока я пульсирую и извергаюсь внутри нее, удовольствие почти невыносимое. Ничто никогда не было так хорошо, как Катерина, ни одна женщина не могла сравниться с ней. Ничто никогда не сможет восполнить потерю ее, если этот день когда-нибудь наступит.

Она моя навязчивая идея. Мой наркотик. Единственная женщина, которая могла бы справиться со мной, и идти со мной рука об руку.

Моя. Моя. Моя.

Я хватаю ее за бедра, перекаत्याваю на спину, оставаясь погруженным в нее, удерживая там свою сперму, позволяя ей укорениться. Мои руки скользят по ее телу, лаская ее, когда она тихо вздыхает от удовольствия, и я нежно целую ее в губы, зная, что сегодня ночью она заснет в моих объятиях. Какие бы проблемы когда-то между нами ни были, сейчас они ушли, отделились так далеко, что я даже не могу полностью вспомнить, в чем они заключались или как мы их преодолели. Между нами была какая-то пропасть, но сейчас... сейчас я даже не могу вспомнить, почему или как вообще существовала хоть одна ночь, когда я не прижимал свою жену к груди, лелея ее. Обожая ее. Любя ее.

Катерина поднимает подбородок, выгибаясь, чтобы поцеловать меня. Я иду ей навстречу, снова яростно целую ее, чувствуя ее теплые, полные, мягкие губы под моими. Я отдергиваюсь назад, чувствуя, как ее кожа становится восковой, тело обмякает, и когда я выскальзываю из нее, откидываясь на кровать, мои руки остаются в чем-то теплом и липком.

Кровь. Кровь на кровати, на моих руках, повсюду. Я поднимаю руки, наблюдая, как капли стекают по моим ладоням, и когда я наконец выглядываю из-за них, я чувствую, как моя собственная кровь стынет в жилах.

Это не моя Катерина на кровати, обнаженная и прекрасная. Это моя первая жена Катя, ее лицо искажено скорбью даже после смерти, ее вскрытые запястья истекают кровью.

Сон заставляет меня проснуться, оставляя меня в холодном поту, когда я лежу там, а свет рассвета сереет прямо за моим окном. Я подношу руки к лицу, наполовину ожидая увидеть на них полосы крови, но они чистые и обнаженные. Это был сон, говорю я себе, и пытаюсь вспомнить первую его часть: Катерина на мне, ее губы жадно обхватывают мой член, Катерина оседлала меня, доводя до кульминации. Но как я ни стараюсь, отвратительный финальный акт продолжает возвращаться в мои мысли, вытесняя все остальное. И если я буду честен, даже воспоминание о первой, лучшей части сна мало помогает мне чувствовать себя лучше.

Катерины здесь нет. Она исчезла, захваченная Алексеем, вместе с Софией, Анной, Сашей и моими дочерьми. Она сейчас в какой-нибудь другой постели, если ей повезет. Я не могу не задаться вопросом, думает ли она вообще обо мне, проник ли я в ее сны, скучает ли какая-то ее часть по мне с глубокой и невыносимой болью, которую я испытываю каждую секунду с тех пор, как Алексей утащил ее.

Нет способа узнать.

Правда в том, что я, возможно, никогда не узнаю.

Хакер Лиама копнул достаточно глубоко, чтобы обнаружить следы местонахождения Алексея. Нам удалось точно определить район, где он может быть. Это само по себе дало нам ключ к разгадке, когда-то у меня был дом в этом регионе, горное шале, которое я подарил особо прибыльному клиенту. Если Алексей переманил у меня этого клиента, возможно, он пользуется домом. И если это так, если он там, у нас есть преимущество, на которое я не смел надеяться.

Когда-то этот дом был моим. Я знаю его довольно хорошо, хотя и не проводил там много времени, пока он был моим. Из всех мест, где мог бы находиться Алексей, именно это дает нам наибольший шанс обойти его охрану и проникнуть внутрь.

Благодаря моим оставшимся связям в Москве нам удалось выяснить, что несколько известных людей, которые покупали у меня в прошлом, планировали посетить “ретрит”, который, как я знаю, является кодом для вечеринки, где будут заключаться сделки по продаже незаконных товаров, требующих осторожности. Это могут быть наркотики, это может быть крупная дичь или живые тела для охотничьих вечеринок, которые некоторые представители московской элиты устраивают в своих поместьях, это может быть оружие или сделки по торговле оружием.

Это могут быть женщины.

Я держу пари на это, и что это не только другие женщины, но и те женщины, которых Алексей украл у нас. Катерина. София. Саша. Ана. Мои дети.

Сегодня вечером, когда опустятся сумерки, мы отправимся в поход в горы, к возможному убежищу Алексея. И как только мы прибудем, ничто, кроме ядерного взрыва, не сможет помешать мне найти дорогу внутрь.

И что тогда?

На этот вопрос еще предстоит ответить. Когда я спасу Катерину и девочек и она вернется ко мне домой...я отказываюсь излагать это в терминах "если", что произойдет тогда? Я могу сказать ей, что люблю ее, но понятия не имею, будут ли эти чувства взаимными, по крайней мере, не в устной форме. Я готов поспорить на многое, что Катерина любит меня в ответ, но моя жена, упрямая и своенравная женщина. Если она не чувствует, что наш брак может существовать на равных основаниях, она не скажет ничего, что так много значит. И для того, чтобы она чувствовала себя в безопасности в этом...

Я должен измениться. Моя жизнь должна измениться.

Что-то изменилось во мне, когда я увидел, как Сашу тащат вниз по лестнице, оскорбляют и бьют снова, потому что она пыталась спасти Елену. Я понял, что Катерина пыталась сказать мне все это время, что независимо от того, насколько сильно я мог верить, что даю этим женщинам лучшую жизнь, в конце концов, я только открыл для них больше возможностей быть обиженными, униженными и поработченными. Я ничего им не дал, и я отнял у них все шансы жить своей собственной жизнью, созданной их собственным выбором.

Я не знаю, почему мне потребовалось так много времени, чтобы увидеть это, за исключением того, что почти сорок лет это все, что я знал. Мой дед построил этот бизнес, передал его моему отцу, который сделал то же самое со мной. У меня никогда не было причин думать иначе о мире, в котором я вырос. В конце концов, это ничем не отличается от любого другого из нас. Ни у одного из нас: ни у Луки, ни у Левина, ни у Макса, ни у Лиама, нет чистых рук. Мы все совершали аморальные поступки, выходили за рамки кода, который,

как мы утверждаем, нам дорог, разбогатели на зависимостях, пороках и боли других. Я имел в виду это, когда однажды сказал Луке, что его бизнес ничем не лучше моего просто потому, что это более сложный способ накопления богатства. Но теперь я вижу, что это тоже было не совсем правдой.

Росси, а затем Лука годами занимались торговлей наркотиками. В какой-то момент, конечно, зависимость овладевает теми, у кого есть доступ к их поставкам, и больше нет выбора в том, будут ли они продолжать покупать у тех, кто продает эти наркотики. Но, по крайней мере, вначале, это их собственный выбор. Их собственный выбор, получить кайф, забыться в химически вызванном экстазе, отгородиться от любой части мира, которая стала для них невыносимой или даже просто скучной.

Единственный выбор, который когда-либо существовал в моем бизнесе, это мой собственный.

Я сделаю что-нибудь по-другому. Что именно, я точно не знаю. Отойти от секс-индустрии будет означать положиться на мои связи за ее пределами, положиться на таких мужчин, как Лука, которые укажут мне путь к новому старту, новым горизонтам. Но это также может означать другой вид нового старта, не менее пугающий, но потенциально не менее полезный. Брак на равных условиях с моей женой, партнерство, основанное на любви, доверии и взаимном желании. Брак, в котором игры, в которые мы играем друг с другом, происходят только в пределах нашей спальни...

Я не знаю, как это точно описать. Я не знаю, как это выглядит и как быть таким мужем, но ради Катерины я хочу попробовать.

Снаружи начинает всходить солнце. Через двенадцать часов мы отправимся в горы, и что будет после этого, еще предстоит увидеть, но я тихо шепчу обещание, которое, я надеюсь, будет последним, которое мне когда-либо придется задуматься, смогу ли я сдержать.

Я иду за тобой, Катерина. Я собираюсь спасти тебя и наших детей.

Я собираюсь отвезти вас домой.

19

КАТЕРИНА

Вечеринка не такая, как я ожидала.

Я чувствую оцепенение от горя, когда люди Алексея ведут нас вниз, в другую часть дома, которая, кажется, создана для больших собраний. Тут хорошо освещено, с потолка свисают огромные кованые люстры с лампочками Эдисона, а в каменном камине в одном конце комнаты горит ревущий огонь. В нескольких футах перед камином есть серия круглых ступеней, и именно туда ведут нас люди Алексея, подталкивая нас вперед, чтобы мы не колебались и не пытались убежать.

К моему ужасу, в центре я мельком вижу Ану.

Последние несколько часов были похожи на лихорадочный сон. Алексей приказал принести нам одежду и сказал, чтобы мы все помылись, пока не станем безупречно чистыми. Как только мы все были вымыты и одеты, охранник повел нас вниз по лестнице в комнату, где нас ждала высокая, элегантно симпатичная блондинка, которую никто из нас никогда раньше не видел, с непроницаемым лицом, когда она по очереди подвела каждую из нас к стулу и начала делать нам макияж и прически, включая Анику и Елену.

Это заставило меня содрогнуться от гнева, увидев, как она красит девочек, как будто они участвуют в каком-нибудь конкурсе красоты на Юге. По крайней мере, для Елены это

было отвлекающим маневром, который впервые за несколько дней заставил ее хихикать и радоваться, она с любопытством прикасалась к своему лицу, пока женщина умело и быстро завивала ее длинные, шелковистые светлые волосы. Аника смотрела на это с тем же подозрительным раздражением, что и на большинство других вещей, но сидела очень тихо, интуитивно понимая, что сейчас не время плакать или сопротивляться.

Если бы я только тоже это поняла.

Саша и Анна почти не разговаривали со мной после эпизода с Алексеем. Я извинилась перед ними обоими, и они обе, конечно, сказали, что это не моя вина. Что любой потерял бы контроль, услышав, о чем говорит Алексей, и увидев, как он пытается вот так прикоснуться к Анике. Что мы все доведены до предела. *Он садист*, тихо сказала Саша. *Он нашел твое слабое место и воспользовался им, но это не твоя вина. Это могла быть любая из нас.*

Это не твоя вина, повторила мне Ана, как и в прошлом. Но почему-то на этот раз это имело меньший вес. Факт оставался фактом, что это был не кто-то из нас. Это была я, и чувство вины так же душит, как и то, что Алексей силой берет меня в рот. Каждый раз, когда я вижу, как Саша или Ана хромают или не могут спокойно спать, после побоев, которые он им устроил, я чувствую свежую волну холодной, тошнотворной ответственности, которая давит на меня, пока я не чувствую, что могу рассыпаться под ней.

Я не знаю, что произойдет сегодня вечером. Я не знаю, будут ли заключены сделки, наши потенциальные новые покупатели придут за нами позже или нас передадут после окончания торжеств. Я не знаю, сколько времени прошло с настоящего момента до того момента, когда я буду разлучена со своими друзьями, моими детьми и возможностью когда-либо быть спасенной моим мужем навсегда. Но я чувствую, как это приближается, несется к нам с тошнотворной скоростью, и я беспомощна остановить это. Сейчас я ничего не могу сделать, кроме как молчать и не дать Алексею использовать меня как предлог, чтобы еще больше кому-то навредить.

Аны не было с нами, когда мы по очереди принимали душ и мылись дочиста или когда нас тащили вниз, чтобы прихорашиваться, завиваться и краситься. Я не знала, куда ее увели, и вездесущая яма беспокойства в моем животе разверзлась широко и всеохватывающе, не давая мне думать ни о чем другом.

Алексей четко выбрал, во что каждая из нас будет одета. Софии, Саше и мне каждой выдали короткое шелковое платье-комбинацию, под которым ничего не было, которое едва доставало до верхней части бедер, с драпированным вырезом, спускавшимся на несколько дюймов ниже груди. У меня был темно-клюквенный цвет, который красиво оттенял мою темно-оливковую кожу, темные волосы и глаза, у Софии драгоценно-голубой, подчеркивавший бледность, унаследованную ею от русской матери, и темные волосы, доставшиеся ей от отца-итальянца, а у Саши темно-изумрудно-зеленая, из-за которой ее клубнично-русые волосы казались еще рыжее, чем когда-либо, и оттеняли глаза цвета морской волны, подчеркивая зеленый цвет больше, чем синий. Женщина, которая наносила последние штрихи, сделала наши волосы распущенными в тяжелые каскадные локоны и нанесла легкий макияж, добавив накладные ресницы и искусный контур и подводку глаз, чтобы каждая из нас была больше похожа на модель с подиума, чем на обычную женщину. В чем, конечно, и был смысл. Мы должны были выглядеть так, как будто стоили астрономическую сумму денег. И поскольку у нас с Софией обеих были непоправимые недостатки, мои шрамы и ее беременность, выглядеть необычайно красиво было еще важнее.

Все мы вздрогнули, когда дверь открылась, и вошел Алексей, остановившись посреди

комнаты и приказав нам повернуться, чтобы он мог увидеть дело рук женщины. Он выглядел достаточно довольным, когда увидел Софию, Сашу и меня, но в ту минуту, когда его взгляд остановился на Анике и Елене, выражение его лица стало мрачным и раздраженным.

— Какого черта на них так много косметики? — Требовательно спросил он, свирепо глядя на женщину. — Мои покупатели хотят, чтобы они выглядели как дети, а не как миниатюрные шлюхи. Убери это дерьмо с их лиц.

Что-то темное и ужасное поднялось во мне при слове "покупатели", подпитываемое внезапным испуганным взглядом, которым Аника бросила на меня, понимание начало проявляться на ее слишком молодом лице. Она слегка побледнела и напряглась, когда женщина потянулась к ней, чтобы дрожащими руками начать стирать косметику с ее лица, заикаясь и принося извинения Алексею. Но она не сопротивлялась, как будто поняла, что он представляет опасность. И я сдерживала себя, загоняя это чувство глубже, пока мое горло не сжалось от эмоций, а желудок не скрутило, и пока я не стала уверена, что меня вот-вот не стошнит.

Елена начала плакать, когда женщина начала снимать макияж.

— Нет! — Закричала она, в отчаянии топнув ногой. — Нет!

Алексей бросил на меня предупреждающий взгляд, и я немедленно покинула свое место в очереди, потянувшись к Елене.

— Шшш, — сказала я ей, забирая салфетку для макияжа из рук женщины, и сама начиная наносить ее на лицо Елены. — Все в порядке. Это просто был неподходящий образ для тебя сегодня вечером, хорошо? Когда мы будем дома, ты сможешь играть с моим макияжем сколько захочешь.

— Я выглядела как принцесса, — пробормотала Елена, пытаюсь отстраниться, когда я вытерла слезы с ее глаз.

— Позже ты снова сможешь стать принцессой, — пообещала я ей, пытаюсь убрать нотки отчаяния из своего голоса. — Хорошо? Ты все еще одета как принцесса. — Алексей нарядил их в розовые платья с оборками, которые очень шли Елене, а Анике.

— Хорошо, — пробормотала она, вытирая глаза. — Я думала, что папа приедет.

— Он придет, — прошептала я, ненавидя себя за ложь. — Он просто немного опаздывает.

Когда я подняла глаза, я увидела, как глаза Аники встретились с моими, и я знала, что она поняла гораздо больше, чем следовало.

Например, Виктор почти наверняка не собирается приходить.

Это заставило мое сердце упасть до кончиков пальцев. Елена снова начала тихо плакать, и я в отчаянии посмотрела на Алексея, вытирая ей лицо.

— Я пытаюсь, — сказала я ему, страх пробежал по моему позвоночнику, но он просто пожал плечами, хладнокровно встретив мой пристальный взгляд.

— Может быть, это и к лучшему, — сказал он, небрежно пожав одним плечом. — Некоторым покупателям нравится, когда они плачут.

Мне потребовалось все, чтобы не попытаться убить его на месте. Я никогда так сильно не хотела совершать насилие, пока ненависть, казалось, не проникла в мои кости, в мою кровь, и я бы с радостью умерла, если бы это означало, что он сделает то же самое.

Проблема, конечно, в том, что это не я буду страдать, если снова потеряю контроль. Алексей очень ясно дал это понять.

— Отведите девочек на вечеринку сейчас, — сказал он двум охранникам, которые

немедленно вышли вперед. — Остальные скоро будут.

Один из других охранников поднял меня на ноги, подальше от Елены, и я заставила себя обмякнуть, встать и, пошатываясь, отступить на своих высоких каблуках, когда девочек уводили. Мне казалось, что мое сердце вырывают из груди, но я заставила себя не говорить, не плакать, не кричать.

Я чувствовала, что умираю.

Когда нас ведут в этот огромный зал, я бросаю взгляд на круглые сцены, и мое сердце замирает в груди, когда я вижу Ану на центральной сцене, ее глаза остекленели, как будто ее накачали наркотиками. Она была одета в костюм балерины, дополненный трико телесного цвета с вырезом почти до пупка и белой пачкой с оборками на бедрах. Но она неподвижна, ее руки привязаны над головой к канату, подвешенному к потолку, а ее поврежденные ступни засунуты в пуанты, одна нога согнута в лодыжке и привязана лентой к другой вокруг талии, так что она больше всего похожа на одну из маленьких пластиковых балерин, которые есть в музыкальных шкатулках у каждой маленькой девочки в детстве.

Сцена вращается, так что в какой-то момент она оказывается лицом к нам, когда нас ведут вперед. Но ее глаза расфокусированы, и кажется, что она нас не видит, как будто она полностью отключена от происходящего. Возможно, для нее так лучше.

Охранники поднимают каждую из нас на нашу собственную вращающуюся сцену, хватают за запястья и приковывают их перед нами тонкими, похожими на браслеты цепочками, которые почти похожи на украшения. Тем не менее, они все еще слишком сильны, чтобы сломаться, я тайком пыталась испытать их, когда Софию и Сашу выводили на их собственные сцены, и в этом нет ни малейшей уступки. Между нашими запястьями осталось не так уж много места.

Ничего не остается, как стоять там и смотреть.

Если убрать закованных в цепи женщин на сцене и Ану, согнутую в карикатуру на балерину из музыкальной шкатулки, как некое гротескное украшение, это будет выглядеть как обычная вечеринка для возмутительно богатых мужчин. По крайней мере, когда зал начинает заполняться, это в основном мужчины разного возраста и этнической принадлежности, все они одеты в сшитые на заказ костюмы. Есть несколько женщин в вечерних платьях, в основном под руку с мужчинами, которые привели компанию. Тем не менее, парочка из них, похоже, предоставлены сами себе, разглядывая нас с тем же оценивающим выражением, что и мужчины, но менее развратным.

На данный момент быть купленной женщиной кажется возможным спасением, о котором я не подумала. У меня нет интереса к женщинам в сексуальном плане, но у меня также не было бы никакого интереса к тому типу мужчин, которые купили бы женщину. И хотя я прекрасно понимаю, что женщины способны на такую же жестокость, перспектива почему-то кажется менее пугающей.

У меня все еще есть слабая надежда, что Виктор придет за нами, но она быстро тает с каждой минутой. Когда мы одевались, София заговорила, сказав, что она уверена, что мужчины придут:

— Они что-то планируют, я знаю это, — сказала она вслух, глядя на нас с Сашей. — Они будут здесь. Я знаю, что Лука придет за мной.

Я кивнула, но что-то в моем лице, должно быть, выдало мою неуверенность.

— Ты, должно быть, думаешь, что Виктор не придет за тобой, — сказала София, и нотка отчаяния окрасила ее тон. — Он любит тебя. Он бы не бросил тебя вот так.

— Я не думаю, что он бросил бы меня или кого-либо из нас, — тихо сказала я. — Но если он не сможет найти нас вовремя...

— Он сделает это, — прошептала София, прижимая руку к шелку, покрывающему ее небольшой животик. — Они все сделают это.

Но когда я мельком вижу ее лицо на повороте сцены, я вижу, что она тоже теряет надежду. Мы все в беде.

Я замечаю Анику и Елену в толпе, их водят парадом, за ними наблюдают два охранника. Они обе выглядят бледными и встревоженными, время от времени оглядываясь по сторонам, как будто ищут кого-то знакомого. Елена наконец замечает меня на сцене и пытается сбежать, бросаясь в мою сторону, но только для того, чтобы быть схваченной раздраженным охранником, который не слишком ласков с ней. Она дает ему пощечину, пытаясь вырваться из его объятий, и я вижу, как симпатичная, элегантная брюнетка направляется в их сторону, воркуя с Еленой, как будто находит ее борьбу привлекательной.

Я чувствую, что дрожу от беспомощного гнева. Мне требуется вся моя сила, чтобы не прыгнуть со сцены и не подойти к ней. Но я не могу перестать слышать голос Алексея в своей голове, говорящий мне, что следующей будет наказана София, а затем Аника и Елена после этого. Было бы здорово броситься к ним, чтобы на мгновение спасти их от страха, который, я знаю, они испытывают, паники и замешательства, но в конце концов было бы только хуже. Я не уверена, насколько хуже это может быть. Но у меня такое чувство, что мы скоро узнаем.

Очевидно, что Алексей наслаждается своим новым положением, прихорашиваясь, как павлин, в своем элегантно сидящем темно-синем костюме, когда он ходит по комнате. Я не спускаю с него глаз, наблюдая, как он переходит от одного важного гостя к другому; я не могу расслышать ничего из того, что он говорит. Я вижу только высокомерное выражение его лица, самодовольную улыбку, которая говорит мне, что, по его мнению, вечер пока удался.

Что не сулит нам ничего хорошего.

Должно быть, в какой-то момент он дал гостям разрешение начать приближаться к нам, потому что несколько мужчин начинают пробираться к сценам. Один мужчина заходит так далеко, что тянется к моей груди, сжимая ее так сильно, что я вздрагиваю, и охранник, стоящий у моей сцены, выходит вперед, его лицо жесткое и бесстрастное.

— Вам не разрешается портить товар, — говорит охранник твердым, почти скучающим тоном. — Вы можете трогать и исследовать их, но с осторожностью. Все это очень ценно.

Мужчина, лапающий мою грудь, который старше меня лет на сорок, если не больше, выглядит разочарованным. Но он убирает руку, предпочитая вместо этого скользнуть ладонью по моему бедру и задрать юбку ровно настолько, чтобы мельком увидеть меня под ней. Я выбрита наголо, согласно инструкциям Алексея, и я чувствую, как мое лицо горит от стыда. Только, не этот, думаю я как молитву, как будто я могу выторговать себе выход из этого положения.

Все больше гостей начинают выходить вперед, несколько мужчин собираются вокруг сцены Саши, чтобы посмотреть на нее, как на животное в зоопарке в неволе, проводят руками по ее заднице, груди и бедрам, один даже заходит так далеко, что просит ее открыть рот, чтобы он мог проверить ее зубы, как будто она призовая лошадь. Алексей присоединяется к ним мгновение спустя, ясно видя, что больше всего их интересует Саша, и я вздрагиваю, когда он задирает ее юбку, хлопая по внутренней стороне бедра, чтобы

заставить ее раздвинуть ноги, чтобы мужчинам было лучше видно.

— Она не девственница, — слышу я, как он говорит, как будто описывает какой-то глубокий недостаток. — Но, насколько я понимаю, ее трахали всего один раз. Все еще тугая киска. — Алексей смотрит на нее, его рука сжимается на ее бедре. — Это верно, не так ли? Только один раз?

Я могу сказать, что Саша дрожит, ее голос запинается, когда она пытается заговорить, и Алексей сильно шлепает ее по внешней стороне ноги, где, я знаю, у нее все еще болит после того, как он ее ударил.

— Ответь мне! Не заставляй моих гостей ждать.

— Д-да, — выдавливает она. — Только один раз.

— Видите? — Алексей сияет. — Она никогда не сосала член, ее никогда не трахали в задницу. Много новой территории для освоения. — Он замечает другую пару, рассматривающую Софию, мужчину, которому на вид под сорок, и его красивую, гораздо более молодую жену, и он наклоняет голову к гостям, все еще смотрящим на Сашу. — Пожалуйста, не торопись. Я сейчас вернусь.

Вокруг меня тоже собирается небольшая толпа, но я изо всех сил стараюсь не обращать на них внимания, желая следить за происходящим. До сих пор никто не подходил к Ане, проходя мимо нее, как мимо статуи, и мне интересно, сказал ли им Алексей, что она запрещена к посещению, не продается. Однако несколько мужчин смотрят на нее с едва скрываемым интересом, и мой желудок сжимается от беспокойства. Алексей, возможно, предполагал, что не сможет продать ее, но если он подумает, что сможет извлечь выгоду, я сомневаюсь, что он не передумает.

У пары, которая смотрит на Софию, похоже, два совершенно разных интереса. Мужчина явно раздевает ее глазами, но женщина сосредоточена на небольшой выпуклости ее живота, заходя так далеко, что протягивает руку и прикасается к нему. София заметно отшатывается, и Алексей сильно шлепает ее по заднице.

— Успокойся и позволь им посмотреть на тебя. — Он приятно улыбается паре. — Я знаю, что цена немного высока на эту, но вы покупаете не только ее. Как я уже упоминал, она беременна.

Какого хрена? Алексей произнес это так, как будто это был ущерб, когда оценивал нас, но теперь он разыгрывает это, повышая цену Софии. Это не имеет смысла, пока не имеет, и моя кожа не начинает покрываться мурашками.

— Именно поэтому мы заинтересованы, — говорит женщина со своим мягким, культурным средиземноморским акцентом. — Мой муж хочет ее для удовольствия, но я хочу ребенка. Видите ли, я не смогла забеременеть. Моя проблема, не его. Мы бы растили ребенка как своего собственного, и, если повезет, она могла бы даже дать нам больше.

София не может скрыть выражение крайнего ужаса на своем лице. Я чувствую, что меня сейчас стошнит, и я ловлю ее взгляд, когда она поворачивает голову, чтобы с несчастным видом посмотреть на меня, вся притворная надежда исчезла. Как будто все, чем она поддерживала себя, полностью покинуло ее, и она быстро моргает, пытаясь сдержать слезы, чтобы не рассердить Алексея.

Я ненавижу тебя. Я ненавижу тебя, гребаное чудовище. Эти слова снова и снова звучат в моей голове, моя кровь кипит, когда я наблюдаю, как Алексей торгуется с парой, которая, похоже, готова совершить покупку в этот самый момент.

— По меньшей мере полтора миллиона, — говорит он им, указывая на Софию. — Она

очень красива, дочь элитной итало-американской мафиозной семьи. У нее есть все светские манеры. И, как вы можете видеть, она плодовита.

— Извините за вмешательство. — Из-за спины Алексея раздается ровный мужской голос с сильным акцентом, говорящий по-французски, и он застывает в удивлении, поворачиваясь. На его лице появляется вспышка раздражения, но, кажется, она исчезает в тот момент, когда он видит, кто там стоит, и он выпрямляется, наклоня голову.

— Monsieur! Я не думал, что вы придете. Я рад, что вы приняли мое приглашение, — говорит Алексей, отступая в сторону и давая паре возможность продолжить разглядывать Софию. Это дает мне четкое представление о человеке, который прервал его, и я пораженно моргаю.

Я ожидала увидеть еще одного миллиардера-садовника, какого-нибудь обычного человека, в котором нет ничего особенно интересного. Большинство мужчин в этой комнате выглядят так, как будто их создали из выпадающего списка, выберите этническую принадлежность и возраст, наденьте сшитый на заказ черный костюм. Смойте и повторите.

Но француз совсем не такой. На вид ему около тридцати пяти, несколько морщин прорезают его лоб, но в остальном его кожа гладкая, без намека на щетину, челюсть сильная и точеная, с длинным орлиным носом, который можно считать единственным недостатком в его поразительно красивой внешности, хотя в сочетании с остальным, что можно описать только как внешность, это придает его внешности характер. Его темные волосы искусно подстрижены и уложены, как у большинства присутствующих здесь мужчин, но он одет в элегантный костюм королевского синего цвета, который неизбежно выделяет его из толпы, с квадратным розовым платком в пейсли, атласными лацканами пиджака и без галстука.

Почти каждый мужчина в мире выглядел бы нелепо в подобном наряде, но он каким-то образом справляется с этим.

— Месье Егоров. — Француз улыбается, демонстрируя сверкающие белые зубы. — Извините, что прерываю, но не похоже, что пара, с которой вы разговаривали, была вполне готова совершить покупку. А я готов.

Мой желудок мгновенно скручивается в узел. Вот оно. Кто? Кого он хочет купить? Пожалуйста, боже, только не Аника или Елена. Я чувствую, что меня сейчас вырвет, комната опасно наклоняется, пока я жду, когда он заговорит снова.

Алексей мгновенно оживает, глядя на собеседника с живым интересом.

— Конечно, — вежливо говорит он, отлично скрывая свое рвение. — Если вы готовы к покупке, вы, моя первая и первостепенная забота. Кто из девушек вас заинтересовал? Если это кто-то из детей, я могу привести их, чтобы вы могли рассмотреть повнимательнее...

Выражение крайнего отвращения, которое появляется на лице француза, приносит некоторое облегчение, даже если это не исправляет ситуацию полностью.

— Черт возьми, — стонет он, качая головой. — Боже мой, парень, меня не интересуют дети. Нет, я хочу купить ее. Он кивает в направлении Аны, и на мгновение я думаю, что он, должно быть, ошибся, что он, должно быть, хотел жестом указать на Сашу.

— Балерину, — уточняет он, и у меня сводит живот.

Алексей выглядит пораженным.

— Мне очень жаль, месье, но она не продается. Ее привезли как украшение, не более.

— Она твоя? — Ответ, похоже, только еще больше раздражает француза. — Я имею в виду твоя личная собственность.

— Э...э... нет. Не совсем. — Алексей выглядит взволнованным. — Она пришла с самой

последней группой девушек. Но она слишком ущербна, чтобы продаваться, испорченный товар. Я не мог продать ее ни за какую цену, это повредило бы моей репутации, позволить такого рода товарам переходить из рук в руки в рамках моей компетенции.

— Что с ней не так? — Француз бросает взгляд в сторону Аны. — Насколько я вижу, она довольно красива. Русская, да?

— А...да. — Выражение разочарования появляется на лице Алексея, когда он пытается отвлечь собеседника. — У меня есть другие в гораздо лучшем состоянии...

Француз уже отворачивается, направляясь обратно к сцене, где Ана связана в позе танцовщицы.

— Как тебя зовут, красотка? — Спрашивает он с таким сильным акцентом, что поначалу его почти трудно понять.

— Она тебе не ответит, — говорит Алексей с едва скрываемым раздражением. Я вижу, как он оглядывается на Софию и пару, все еще стоящую там и разговаривающую вполголоса, и нетрудно понять, о чем он думает...о том, что он отказался от почти верной продажи ради того, что кажется тупиковым.

Что касается меня, я не знаю, радоваться ли тому, что продажа Софии отложена, или беспокоиться за Анну.

— *Он не купит ее, как только Алексей объяснит, — думаю я про себя, отчаянно пытаюсь в это поверить. Конечно, он этого не сделает.*

— Почему нет?

— Ее накачали лекарствами, — объясняет Алексей. — Когда я говорю, что она повреждена, я имею в виду не только физическое состояние. У нее регулярные приступы паники, она набрасывается, если кто-то пытается к ней прикоснуться. Это все равно что пытаться сдержать дикую кошку. — Он смеется, и в этот момент мне ничего так не хочется, как придушить его.

— Тогда почему она здесь?

Алексей пожимает плечами.

— Я не хотел, чтобы она была полной потерей. Из нее получается прекрасное украшение, как вы сказали, она очень красива. Но она не подходит для продажи.

Француз, кажется, размышляет, его взгляд оценивающе скользит по Ане. Он смотрит на нее не так, как большинство мужчин и даже женщин в комнате смотрят на нас, не так, как будто он хочет раздеть ее догола и трахнуть, а скорее так, как вы могли бы смотреть на особенно трогательное произведение искусства в музее. Он долго медлит, а затем поворачивается, чтобы посмотреть на Алексея, расправляя плечи.

— Я не согласен, — просто говорит он.

— Прошу прощения? — Алексей моргает. — Извините, месье, но я просто не могу...

— Пятьдесят миллионов. Немедленно переведу на счет по вашему выбору.

Алексей замирает. Все, кто находится на расстоянии слышимости, делают то же самое, поворачиваясь и прислушиваясь к разговору с заметным интересом, пока Алексей пытается сформулировать ответ.

— Вы, должно быть, шутите, — говорит он наконец. — Это замечательная шутка, но вы не можете быть серьезным.

— Я серьезно. — Твердо говорит француз. — На самом деле, ты прав. Она стоит большего, чем это. Сто миллионов за пострадавшую русскую балерину. Я хотел бы немедленно вступить во владение ею. Мой самолет вылетает через два часа, а мой водитель

не привык к этим горным дорогам.

Нет. О боже, Ана, нет. я чувствую, что не могу дышать. София смотрит на Алексея и француза с немим ужасом, ее лицо такое бледное, что я боюсь, как бы она не упала в обморок.

— Она этого не стоит, люди подумают, что я тебя обманул.

— Я буду счастлив сообщить им, что она того стоит для меня. А теперь, пожалуйста, месье Егоров, мое время так же ценно, как и ваше.

— Почему? — Алексей смотрит на него, по-видимому, не веря.

Француз пожимает плечами.

— У некоторых из лучших произведений искусства в мире есть недостатки, месье Егоров. Даже статуи Микеланджело имеют недостатки в своем дизайне, вы знали об этом? Японское искусство кинцуги основано на концепции, что, принимая сломанные вещи, заполняя их трещины и изъяны золотом, то, что было повреждено, может снова стать красивым. Я нахожу это очень интересной концепцией, не так ли?

Это впечатляющий аргумент. Если бы этот человек в данный момент не торговался за человеческое существо, к тому же одну из моих ближайших подруг, он мог бы мне почти понравиться. Ошеломленного выражения, которое он изобразил на лице Алексея, и так достаточно, чтобы я почувствовала проблеск уважения.

— Сто миллионов, — повторяет он, начиная раздражаться. — Было бы глупо не взять их. Ты сам сказал, что не можешь ее продать.

— Да... — Алексей, кажется, оправляется от шока, кивает. — Пожалуйста, пройдемте со мной в мой офис, там мы сможем завершить продажу...

— В этом нет необходимости. — Француз указывает на мужчину в черном костюме, маячащего неподалеку, который выходит вперед с портфелем и открывает его, показывая ноутбук. Несколькими быстрыми нажатиями клавиш он получает доступ к учетной записи и протягивает компьютер Алексею. — Пожалуйста, введите ваши данные, месье. Сто миллионов, переведутся немедленно.

Алексей выглядит неопределенно, как будто он не уверен, снится ему это или нет. Он делает шаг вперед, быстро вводя необходимую информацию, и нажатием кнопки довольная улыбка расплывается по лицу собеседника.

— Очень хорошо. — Француз лучезарно улыбается Алексею. — Пожалуйста, приведите ее ко мне. Я хочу немедленно уехать. Вы говорите, ей дают лекарства? Значит, она не может ходить самостоятельно?

— Так и есть. — Алексей выглядит слегка бледным, как будто эта информация может внезапно изменить мнение мужчины.

— Жак. — Француз машет мужчине в черном костюме. — Пусть водитель подгонит мою машину и двое мужчин помогут балерине выйти наружу. Как ее зовут?

— Анастасия, — быстро говорит Алексей. — Ее зовут Анастасия Иванова.

Довольная улыбка появляется на его лице.

— Как мило. Имя принцессы. Еще одна потерянная и сломанная вещь, если я помню.

— Нет! — София кричит, бросаясь вперед и пугая пару, все еще стоящую поблизости. — Нет, вы не можете забрать ее! Ты не можешь! Пожалуйста, нет, ах!

Она кричит, когда охранник, стоящий позади нее, протягивает руку и бьет ее по задней части бедра тем, что я вижу, маленьким компактным электрошокером, который я до этого момента не замечала. София почти падает, и женщина, стоящая рядом с ней, протягивает

руку, чтобы поддержать ее.

— Она беременна, — огрызается женщина на охранника. — Тебе не кажется, что это плохая идея?

— Мои извинения, — быстро говорит Алексей, направляясь к ним. — Моя охрана иногда перегибает палку. — Он смотрит на охранника, который бледнеет, понимая, что, совершил он ошибку или нет, его собираются наказать за неудовольствие гостя.

— Убирайся, — рявкает Алексей. — Скажи кому-нибудь другому, чтобы пришел и заменил тебя. — Он приятно улыбается паре, полностью возвращая им свое внимание. — Я очень сожалею, что прервал, но, как вы можете видеть, это было срочное дело. Если вам все еще интересно...

Я больше не могу слушать. Трое охранников снимают Ану с ее такелажа, двое поддерживают ее, пока другой развязывает ее, развязывая ленту, удерживающую ее ногу, и отстегивая цепи на запястьях. Она приваливается к охраннику, как разрозненная кукла, ее голова склоняется набок, пока француз нетерпеливо ждет, когда они последуют за ним.

Я хочу помочь ей, спасти ее, остановить это, но я знаю, что я никак не могу. София тихо плачет, слезы наполняют ее глаза и стекают по лицу. Ее тушь не растекается, и я с болезненным ощущением в животе понимаю, что визажист, должно быть, специально использовала водостойкую, зная, что женщины в ситуации, подобной нашей, скорее всего, не пережили бы ночь без слез. Не дай Бог, чтобы мы все еще не были красивыми и совершенными, даже в наших страданиях.

— Кэт, — шепчет София почти умоляюще, но я знаю, что она знает так же хорошо, как и я, что ничего нельзя сделать. Комната полна охраны, нашей, а теперь и француза, и даже если бы одна из нас смогла добраться до нее, после этого нам некуда было бы идти. Мы беспомощны, и это одно из худших чувств, которые я когда-либо испытывала.

Я потерпела неудачу. Одни и те же слова снова и снова прокручиваются в моей голове, вид того, как Ану несут к выходу из комнаты, превращает мою кровь в лед, и я вижу, как Саша тоже смотрит ей вслед, ее лицо бледное и потрясенное. Это похоже на сон, на кошмар, как будто в любой момент мы проснемся и снова окажемся на Манхэттене. Этого не может быть на самом деле. Этого не может быть наяву. Но это так.

Покупка Аны, похоже, пробудила в гостях чувство срочности, и они начинают подходить к оставшимся троим из нас более нетерпеливо, с новым интересом. Я отчаянно пытаюсь дистанцироваться от всего этого, пытаюсь игнорировать руки и глаза на моем теле, оценивающие меня, определяющие, стою ли я той цены, которую назначил за меня Алексей. Я пытаюсь снова определить Анику и Елену, в ужасе от того, что могу пропустить кого-то, кто проявит к ним интерес, и они исчезнут прежде, чем я успею оглянуться, но вечеринка сейчас в самом разгаре, и я не всегда могу их увидеть. Зал наполнен толпой гостей, перемежающихся официантами, циркулирующими с подносами закусок и шампанского, и у меня кружится голова, по мере того как проходят минуты, продажа и потеря Аны с каждым моментом становятся все более конкретными. Мы не ели несколько часов, и у меня пересохло во рту, желудок скрутило от голода и горя, мое тело начинает дрожать от истощения и усилий сдерживать свои эмоции.

Я замечаю, как Алексей передает девочек охраннику, и у меня перехватывает дыхание, страх пронзает меня.

— Отведи их наверх, в их комнату, — я едва слышу, как он говорит сквозь оркестровую музыку и шум разговоров. — Я закончил с ними на сегодня.

Волна облегчения захлестывает меня, достаточная, чтобы ослабить колени. Для нас ночь явно не закончилась, но, по крайней мере, мне не нужно беспокоиться за Анику и Елену, по крайней мере, до конца сегодняшнего вечера. Они не будут проданы, пока нет, и я чувствую себя почти слабой. Одна потеря, это все, что я могу вынести за ночь. С другой стороны, тот факт, что Алексей забрал детей, совсем не сулит ничего хорошего для троих, возможно, четырех из нас.

Он указывает на охранников, стоящих у наших сцен, подтверждая мои опасения. Мое сердце замирает, когда охранник начинает тянуться ко мне, хватая за локоть и тянет к краю сцены. Я изо всех сил стараюсь сохранить равновесие на своих высоких каблуках несмотря на то, что я измучена, спотыкаясь о край, когда он нетерпеливо стаскивает меня с него на первый этаж.

Я оглядываюсь и вижу, что охранники Саши и Софии делают то же самое, стаскивая их со сцены и выстраивая в шеренгу. Пара, заинтересованная Софией, остается поблизости, с интересом наблюдая за ней, в то время как Алексей поворачивается к тем же гостям, которые с любопытством начинают собираться, когда нас подталкивают вперед. Он открывает рот, как будто хочет что-то сказать, и я напрягаюсь, страшась того, что будет дальше. Я могу только представить, какую демонстрацию он собирается выставить, чтобы поднять наши цены и поощрить еще одну продажу.

Затем раздается внезапный треск, теперь уже знакомый звук выстрелов, рассекающих воздух. Я слышу грохот из главной части дома, крики, и я оборачиваюсь, мое сердце колотится в груди, а пульс застрял в горле, когда я смотрю на вход в комнату с внезапной, дикой надеждой, которую я едва могу вынести.

У меня галлюцинации.

Стресс, чувство вины и шок, должно быть, стали слишком сильными. Это единственный ответ, потому что я вижу, как Виктор входит в дверь, одетые в черное мужчины в тактическом снаряжении выходят по обе стороны от него, а Левин, Макс и Лука следуют за ним по пятам.

Это не может быть правдой.

Он здесь.

Он пришел.

20

ВИКТОР

Вид Катерины воспламеняет меня, облегчение и ярость переполняют меня в равной мере, когда мы врываемся в комнату с оружием в руках и надвигаемся на Алексея и его компанию.

Она живая. Она здесь. Я собираюсь убить этого ублюдка за то, что он когда-либо поднимал на нее руку.

Требуется всего мгновение, чтобы комната погрузилась в настоящий хаос. Несколько охранников Алексея направляются к нам с намерением помешать нам идти дальше, но я имел в виду именно это, когда сказал, что в этом мире нет ни черта, что могло бы остановить меня, как только мы войдем внутрь, и особенно теперь, когда я точно знаю, что Катерина здесь. Люди, которых мы наняли пойти с нами, рассыпаются по обе стороны, стреляя в людей Алексея или сражаясь с ними врукопашную, в то время как Левин и Макс отходят в разные стороны, за ними следуют Лиам и Лука, и, наконец, я.

Пощады не будет, никто не сбежит. Как мы и договаривались, Левин, Макс, Лука, Лиам

и наше подкрепление нападают на охранников, в то время как я целенаправленно прохожу через комнату с пистолетом в руке, направляясь к Алексею.

Найти его немедленно невозможно. Комната похожа на сумасшедший дом, гости дико разбегаются при звуках выстрелов, устремляясь к любому из трех выходов, некоторые даже к окнам. Я вижу, как Катерина отскакивает в сторону, хватая Софию и Сашу и укладывает их всех на пол за одной из сцен, прячась от стрельбы. Аны нигде не видно, как и моих детей. Я сразу же принимаю это к сведению, во мне поднимается новый гнев при мысли, как Алексей мог обойтись с любой из них, но особенно Аникой или Еленой.

Когда комната начинает пустеть, я замечаю, как он пытается пробиться ко входу в дальнем конце комнаты, где несколько человек из его охраны пытаются отбиться от Левина и Макса. По бокам от него еще несколько человек из его службы безопасности, и я вижу не одно знакомое лицо, людей, которые перешли на его сторону, когда он устроил мятеж в мое отсутствие.

Я не могу полностью винить их, не тогда, когда Алексей так жестоко убил тех, кто остался верен. Но те, кто умер, будут отомщены, а в этом мире за нелояльность приходится платить высокую цену. Я не дам им пощады, когда дело дойдет до спасения моей семьи и безопасного выхода из этого дома. Они все собираются выяснить, насколько заслуженной на самом деле является моя репутация.

— Оставайся прямо здесь. — Левин поворачивается, чтобы преградить Алексею путь, одновременно отводя пистолет в сторону и стреляя в упор в лоб мужчине, который пытается броситься на него, чтобы обезоружить. В фуге от себя Макс тяжелым ударом в челюсть отправляет одного из охранников на пол, присоединяясь к растущей куче мертвых или раненых тел, которые когда-то составляли отряд Алексея.

Не теряя ни секунды, Макс обходит Алексея сзади, целясь пистолетом в затылок Алексея, в то время как Левин убивает двух оставшихся охранников, одного выстрелом, а другого тыльной стороной ладони в нос мужчине, отправляя его на пол внезапным падением.

— Виктор Андреев хотел бы перекинуться с тобой парой слов, — говорит Макс ровным голосом, в то время как они с Левиным держат пистолеты направленными в голову Алексея. — Так что, будь добр, не двигайся.

Я вижу, как Алексей слегка бледнеет, когда я делаю шаг вперед, выхватывая при этом пару пластиковых наручников у одного из мужчин. Лука и Лиам заходят с боков, когда заканчивают расправляться с охранниками, с которыми они дрались, мы впятером прижимаем его к стене, когда я хватаю его за руки сзади, завожу запястья за спину и закрепляю их пластиковыми наручниками, затянутыми слишком туго.

— Посадите его на край одной из сцен, — говорю я Левину, подталкивая к нему Алексея. — Прежде всего я хочу проверить, как там Катерина.

— Сию минуту, Медведь. — Левин хватая Алексея за наручники, толкая его вперед, и Алексей кренился, откидывая голову назад, пытаясь ударить Левина. Левин аккуратно уходит в сторону, разворачиваясь и нанося удар Алексею прямо в живот.

Блондин сгибается пополам, кашляя, когда Левин поднимает его обратно в вертикальное положение, выкручивая наручники, пока глаза Алексея не расширятся от боли.

— Если ты думаешь, что это больно, — рычит он возле уха Алексея, — просто подожди, пока у Пахана не будет времени позаботиться о тебе.

Лука, Лиам, Макси я немедленно бросаю к сцене, где Катерина все еще сидит на корточках с Сашей и Софией, последняя из которых выглядит опасно бледной.

— Виктор! — Катерина задыхается, вскакивая на ноги. — Я думала... — она задыхается от своих слов, и я вижу, что она дрожит. Я немедленно подхожу к ней, протягиваю руку, чтобы поддержать ее, когда Лука опускается на колени рядом с нами, помогая Софии подняться на ноги.

— Давай, позволь мне помочь тебе. — Макс протягивает руку Саше, и ее глаза расширяются, когда она поднимает взгляд и видит его, ее щеки вспыхивают, когда она берет протянутую им руку, позволяя ему помочь ей подняться на ноги. На мгновение она покачивается, как будто хочет упасть в его объятия, но она удерживается, глядя на него своими поразительно яркими сине-зелеными глазами.

— Ты тоже пришел, — тихо бормочет она, и выражение лица Макса смягчается, его глаза встречаются с ее взглядом так, как я никогда не видел, чтобы он делал с какой-либо женщиной. До тех пор, пока он был под моей защитой, он отказывался от любого женского общества и никогда даже не флиртовал с женщиной, по крайней мере, это то, что я видел. Тот факт, что он до сих пор не отпустил ее руку, для него крайне необычен.

— Черт. — Лука чертыхается, когда София шатается на своих высоких каблуках, вся кровь внезапно отливает от ее лица, а колени подкашиваются. Катерина инстинктивно тянется к ней, помогая поддержать ее, пока Лука заключает в объятия свою потерявшую сознание жену.

— Наверху есть спальни, — быстро говорит Катерина. — Аника и Елена должны быть в одной из них, Алексей забрал их с вечеринки незадолго до твоего прихода.

— Тогда я отнесу ее туда. — Лука поднимает свою жену так, словно она ничего не весит, баюкая ее в своих объятиях. — Я останусь с ней, если тебе не нужно мое присутствие, Виктор. Его голос немногословен, и я знаю, что напряженность, которая существовала между нами, далека от полного исчезновения. Последние недели мы работали вместе, вражда между мафией и Братвой поредела после нашего перемирия, но недоверие все еще присутствует, семена горечи. Потребуется время, чтобы залечить эти раны. Но так же, как я надеюсь начать новую жизнь с чистого листа, я надеюсь продолжать оберегать наш новый мир от порчи. Это один из моих высших приоритетов... сразу после общения с Алексеем Егоровым.

— Мы справимся с этим, — твердо говорю я ему. — Оставайся со своей женой. — Я бросаю взгляд на Катерину и Сашу. — Вы хотите пойти с ним? — Вам не нужно оставаться и смотреть, что я собираюсь делать. Это не будет... приятным.

Катерина и Саша смотрят на Алексея почти в унисон, и выражения на их лицах были бы пугающими, если бы они были направлены на меня. Я никогда не видел такой злобной ненависти на лице ни одной женщины, любой женщины, и чувство болезненного страха скручивает мой желудок.

— Нет, — говорит Катерина твердым и холодным голосом. — Я хочу остаться.

Саша поднимает подбородок, ее глаза встречаются с моими без намека на сдержанность.

— Я тоже так думаю.

— Тогда очень хорошо. — Я бросаю взгляд в сторону двери, где Лука выносит Софию в сопровождении нескольких мужчин, которых мы привели для прикрытия, для защиты. — Где Ана? Вы сказали, что Аника и Елена наверху, она тоже там?

Выражение лица Катерины мгновенно меняется на выражение такой скорби, а в глазах Саши появляются слезы, и я знаю ответ.

— Ее продали? — Мой голос напряжен, ярость, которую я на мгновение подавил, когда пошел к своей жене, снова становится горячей и свирепой. — Кому?

— Я мало что знаю, — тихо говорит Катерина. — Он говорил по-французски, с чем-то похожим на местный акцент, и одет очень вызывающе. На нем был бархатный костюм. Он, похоже, был своего рода коллекционером, он смотрел на Ану... по-другому. — Она хмурится. — Я не знаю, как точно это объяснить. Это не было развратно. Казалось, что он мог бы купить бесценный антиквариат или произведение искусства так же легко, как человеческое существо.

— Дерьмо, — ругается Лиам. — Ты, должно быть, прикалываешься надо мной. Сколько времени прошло, прежде чем мы добрались сюда?

Выражение лица Катерины выходит за рамки убитого горем.

— Может быть, полчаса, — тихо шепчет она. — Не более того.

— Черт! — Лиам снова ругается, потирая рот рукой. — Мария, Иисус и Иосиф, я найду ее, даже если это будет последнее, что я, блядь, сделаю... — Он расхаживает по комнате, его руки сжаты в кулаки, когда он резко поворачивается к Алексею. Прежде чем я успеваю что-либо сказать или даже догадаться о том, что он собирается сделать, он переходит на сцену, где Левин в два больших шага усаживает Алексея с гримасой чистой ярости на лице.

— Гребаный кусок дерьма! — Лиам рычит, хватая левой рукой прядь волос Алексея и дергая его голову назад, нанося удар правой прямо мужчине в нос. — Ты не заслуживаешь быстрой смерти, ты, гребаный...

— И он ее не получи, — коротко говорю я, направляясь к ним и прерывая Лиаму, прежде чем он сможет нанести еще один удар.

Алексей плюет в меня, гримасничая, и я наотмашь бью его по лицу, достаточно сильно, чтобы рассечь ему губу. Он отшатывается назад, и Левин хватается за плечо, толкая вперед, чтобы нанести следующий удар, мой кулак врезается ему в челюсть.

— Ты заплатишь за то, что сделал с моей семьей, — холодно говорю я ему сквозь стиснутые зубы. — Ты думал, в своем высокомерии, что можешь забрать то, что принадлежит мне. Ты был неправ. И теперь ты проживешь достаточно долго, чтобы пожалеть об этом.

— Я к ним не прикасался, — рычит Алексей, прищурившись на меня. — Ты можешь сколько угодно наказывать меня за предательство, Медведь, но я не трогал пизду твоей жены или других девочек...

— Он лжет. — Катерина делает шаг вперед, ее лицо очень бледное, но подбородок вызывающе поднят, когда она злобно смотрит на Алексея. — Он силой затащил меня в свою постель в первую ночь, когда мы были здесь, заставил меня опуститься перед ним на колени, а затем трахнул меня. И это был не единственный раз. — Ее голос слегка дрожит, но она не останавливается, ее руки сжаты в кулаки по бокам. — Он изнасиловал меня, — говорит она четко и холодно, слова звенят между нами. — Он угрожал нашим детям, пытался продать их людям, которые сделали бы то же самое. Я хочу, чтобы ему было больно за это. Я хочу, чтобы он истекал кровью.

— Он избил меня. — Саша встает рядом с Катериной, ее взгляд такой же злобный, как и у Алексея. — Он подвесил меня с завязанными глазами к потолку и бил ремнем до тех пор, пока я почти не могла ходить. Ану тоже. Он сделал это, чтобы наказать Катерину, потому

что она напала на него, когда он напугал Анику и попытался дотронуться до нее.

Это даже не та раскаленная докрасна ярость, которую я чувствую сейчас, когда перевариваю то, что говорят моя жена и Саша. Я вижу, как Лиам напрягается рядом со мной, его руки сжимаются в кулаки, когда он качается вперед, каждая линия его тела кричит о том, что он хочет избить Алексея до кровавого состояния. Но у меня другие планы на этого мужчину, и Лиам это знает.

Гнев, который я чувствую сейчас, холодный, пробирающий меня до костей от мертвой уверенности, что я разорву этого человека на части, кусочек за кусочком, пока он не заплатит в десятикратном размере за то, что он сделал. И я не буду чувствовать вины или сожаления.

Он этого заслуживает.

— Левин, — спокойно говорю я, бросая взгляд на мою правую руку, которой я доверяю больше всего на свете. — У тебя есть инструменты?

Левин кивает.

— Конечно, Медведь. Как и просил. — Он толкает ко мне ногой черную сумку, скользя ею по деревянному полу, с холодной улыбкой на губах, когда мы оба видим, как Алексей начинает бледнеть от осознания того, что сейчас произойдет.

— Ты не можешь этого сделать! — Алексей кричит, извиваясь и пытаясь встать. — Я был твоим силовиком, Виктор, твоей левой рукой. Они лгут, сучки, я...

Я киваю Лиаму, который делает паузу достаточно надолго, чтобы закатать рукава рубашки, прежде чем шагнуть вперед и ударить Алексея достаточно сильно, чтобы он отшатнулся в сторону, изо рта у него хлынула кровь, когда вылетел зуб.

— Еще? — спрашивает Лиам, и я киваю, закатывая свои рукава, пока Левин стоит в стороне, наблюдая.

— Там импровизированная сцена, — говорит Левин, кивая на центральную сцену. — Нам следует поместить его там?

— Отличная идея. — Я хватаю его за запястья, поднимая Алексея на ноги, и Левин шагает передо мной. Когда мы добираемся до сцены и втаскиваем его на нее, Левин стягивает запястья Алексея через голову, привязывая его к такелажу так, что он стоит со связанными руками над головой. По обе стороны сцены есть кольца, и Левин берет еще веревку, пропускает ее через кольца, а затем обматывает вокруг лодыжек Алексея, так что он стоит, распластавшись, не в силах пошевелиться.

— Раздень его, — приказываю я, и Левин движется вперед с предвкушающей улыбкой на лице, с охотничьим ножом в руке.

— Ты не можешь этого сделать! — Алексей пытается вывернуться, но он не двигается. — Виктор...

— Скажи спасибо себе, — рычу я, расхаживая взад и вперед, пока Левин начинает срезать одежду Алексея.

— Подожди! — Саша выходит вперед, к краю сцены, и протягивает руку. — Отдай нож мне.

Левин делает паузу, переводя взгляд с меня на Сашу, колеблясь.

— Это то, что он сделал со мной, — говорит Саша, ее подбородок дрожит, но глаза сверкают с едва сдерживаемой яростью. — Он срезал с меня одежду ножом, пока я висела на потолке, а потом избил меня. Позволь мне сделать это.

Левин смотрит на меня, ожидая моего одобрения, и я киваю.

— Отдай нож ей.

Он протягивает нож, и она без колебаний берет его, выходя на сцену. Алексей отступает назад, плюет в нее, но Саша только улыбается ему.

— Ты думал, тебе это сойдет с рук, — шипит она. — Виктор сделает с тобой самое худшее, но это мое. — Саша поднимает нож, прижимая его к его груди, когда начинает разрезать его одежду. — Ты боишься? Ты должен знать, что за этим последует. В конце концов, ты пытал мужчин ради Виктора. Ты знаешь, что он собирается сделать. Я надеюсь, ты боишься. — Она проводит ножом вниз, между его ног, и Алексей вздрагивает, когда Саша разрезает края брюк от костюма, которые на нем надеты, отрывая ткань, когда она поддается, и бросая ее на пол.

Когда он совершенно обнажен, она возвращает нож Левину, но не сразу уходит со сцены. Она в мгновение ока протягивает руку ему между ног, и крепко сжимает его яйца впиваясь ногтями.

— Это то, что ты делал со мной на той сцене, — шипит Саша. — Я надеюсь, ты умрешь медленно.

И затем разворачивается.

Ей едва удастся разжать руки и убраться с дороги, прежде чем Алексей бросается вперед, его рвет от боли. Я холодно улыбаюсь ему, открывая черный пакет, наблюдая, как его голова обвисает, изо рта капает желчь и слюна.

— Просто подумай, — говорю я ему, доставая плоскогубцы. — Это только начало.

— Ты не имеешь права! — Алексей снова тяжело дышит, когда поворачивается, чтобы посмотреть на меня, его глаза сверкают гневом и вызовом. — Ты не имеешь права так обращаться со мной...

— Не имею права? — Я подхожу к сцене, щелкая плоскогубцами в руке. — Ты убил моих людей. Ты переманивал моих клиентов, крал мои товары ради собственной выгоды, убил мою экономку и нескольких моих сотрудников и продал остальных. Уже за одно это я должен пристрелить тебя на месте. Но ты на этом не остановился.

Я выхожу на сцену, хватаю его за волосы и откидываю голову назад. Он задыхается, и я использую этот момент, чтобы засунуть плоскогубцы ему в рот, захватывая один из коренных зубов.

— Ты убил моих людей, — рычу я и сильно дергаю, вырывая первый зуб у него изо рта.

Крик Алексея эхом разносится по комнате, его тело дергается, когда начинает течь кровь. Но я на этом не останавливаюсь.

— Ты продал женщину под моей защитой. — Я обхватываю плоскогубцами другой зуб и дергаю.

— Ты похитил и пытался продать жену и нерожденного ребенка моего ближайшего союзника. — Еще один зуб, на этот раз передний.

Алексея снова тошнит, извергая еще больше желчи и крови, когда я отхожу в сторону. Я жду, когда он закончит, и когда он задыхается, я хватаю его за челюсть, снова засовывая плоскогубцы ему в рот.

— Ты украл моих детей. — Еще один зуб, потом еще. — Один для Аники и один для Елены, — хладнокровно говорю я ему, когда кровь капает на сцену. — Но ты не смог остановиться на этом, не так ли?

— Медведь... — Слово вырывается с трудом, сквозь отсутствующие зубы и распухшие губы. Я ухмыляюсь ему, щелкая плоскогубцами и наслаждаясь его внезапным

вздрагиванием.

— Ах, ты начинаешь вспоминать, как говорить со мной с уважением. Но ты на этом не остановился, не так ли? Похитив моих детей, мою жену и тех, кто находится под моей опекой, издеваясь над ними и терроризируя их, тебе этого было недостаточно. Украсть то, что принадлежит мне, этого тоже было недостаточно. — Я бросаю плоскогубцы и протягиваю руку, и Левин передает мне охотничий нож, острый с зазубренным концом. Пока он стоит и наблюдает, он берет другой нож, включает зажигалку и проводит ею по лезвию, нагревая его.

— Медведь. — Алексей задыхается, качая головой, его глаза расширяются. — Медведь, я не убил тебя...

— Ты прав. Твоя ошибка, — смеюсь я. — Длинный список ты составил. Особенно когда ты решил, что тебе нужно завладеть всем, что принадлежит мне.

Я наклоняюсь к нему, протягиваю руку между его ног, чтобы схватить его за яйца, другой рукой провожу лезвием ножа по внутренней стороне бедра.

— Нет, ты, должно быть, был не в своем гребаном уме, если думал, что можешь изнасиловать мою жену и получить милосердие быстрой смерти.

— Медведь!

Крик Алексея превращается в животный хрип, гортанный и отчаянный, когда я провожу ножом по его мошонке, дергая за яйца, отделяя их от его тела. Прежде чем он успевает начать истекать кровью, Левин оказывается рядом в одно мгновение, раскаленный нож прижимается к ране так, что она мгновенно прижигается.

Комнату наполняет запах горелой плоти, и я слышу, как Катерина и Саша ахают у меня за спиной. Но ни одна из них не издает больше ни звука и не собирается выходить из комнаты. Они смотрят, и меня переполняет удовлетворение от осознания того, что они обе видят, что произойдет с любимым, кто осмелится прикоснуться пальцем к тому, что я должен защищать.

Особенно к тому, что принадлежит мне.

Алексей наклоняется вперед, его глаза стекленеют, и я снова хватаю его за волосы, откидывая его голову назад, так что он вынужден смотреть мне в глаза.

— Когда ты вломился в мой дом, ты сказал, что заключал пари на то, сколько кусков ты сможешь отрезать от мужчин, которые отказались предать меня, прежде чем они потеряют сознание или умрут. — Я холодно улыбаюсь ему. — Я думаю, мы воспользуемся этой возможностью, чтобы посмотреть, сколько это для тебя.

Это не занимает много времени. К тому времени, как я освобождаю одну руку от ногтей, крики Алексея начинают затихать, его тело оседает вниз. Я киваю Левину, который выходит вперед с нюхательной солью, размахивая ею перед носом Алексея, пока он не приходит в себя.

— Этого было разочаровывающе мало, — говорю я ему. — Давай попробуем еще раз.

Это продолжается долгое время. Катерина и Саша наблюдают за всем этим, ни одна из них не вздрагивает и не выворачивает все из себя, чего я не могу сказать даже о некоторых мужчинах, которым приходилось наблюдать, как пытаются других мужчин. Каждый раз, когда Алексей теряет сознание, когда я удаляю у него ногти, зубы, пальцы сустав за суставом, Левин будит его снова, прижигая раны, которые слишком сильно кровоточат.

Наконец, когда я отступаю, чтобы отдышаться, вытирая пот со лба забрызганной кровью рукой, Лиам выходит вперед.

— Моя очередь, — тихо говорит он и тянется за ножом.

На левой руке Алексея осталось два пальца, для этой цели ненадолго оторванных от такелажа, и Лиам отводит один из них назад, прижимая нож к суставу. — Это за Анну, ты, гребаное собачье дерьмо, — рычит он, когда Алексей стонет.

Закончив, он протягивает нож Максу, который стоит рядом с Сашей и наблюдает за происходящим с бледным, но решительным лицом.

— Хочешь попробовать? — спрашивает Лиам так небрежно, как будто передает игровой контроллер, и Макс колеблется.

Его руки не бескровны. Но я точно знаю, что он никогда не пытал человека. Я вижу затруднительное положение на его лице, борьбу между его желанием причинить боль человеку, который причинил боль Саше, и клятвами, которые он когда-то дал.

Наконец, он делает шаг вперед и забирает нож у Лиамы.

— Дай мне его правую руку, — тихо говорит он. — Ту, которой он бил ее.

Лиам снова связывает левую руку Алексея, игнорируя его стоны боли, когда он рывком освобождает правую. Голова Алексея наклоняется к Макс, его налитые кровью глаза поднимаются к лицу другого мужчины.

— Ты не боишься своего Бога? — Алексей что-то невнятно бормочет, кровь капает с его губ, слова вырываются хрипло.

Макс делает паузу, нож прижат к указательному пальцу Алексея, ноготь ободран и покраснел.

— Я был бы рад бояться, — просто говорит он. — Если бы я думал, что Бог находится в этой комнате.

Я забираю нож обратно, когда он заканчивает, и начинаю снова, отрезая кусок за куском от Алексея, Левин будит его каждый раз, когда он близок к потере сознания. Наконец, я вонзаю нож ему в пах, глядя на него холодными, жестокими глазами.

— Ты должен был знать, что тебе не будет пощады, когда я догоню тебя. — Мой голос похож на низкое рычание, и я смотрю сверху вниз, отрывая самый последний кусочек Алексея, который я планировал отрезать. Левин мгновенно оказывается рядом, прижигая рану, и Алексей дергается в веревках, глубокий стон агонии вырывается из его пересохшего горла. — Никакой пощады тебе, козел.

Голова Алексея наклоняется вперед, его глаза прикованы к моим. Я вижу в них все, что он испытывает: отчаяние, агонию и, прежде всего, глубокий и всепоглощающий ужас перед тем, что, как он знает, грядет дальше, его собственный конец. Он боится смерти больше, чем должен бояться любой мужчина, теперь я знаю это, потому что за всю боль, которую я причинил ему сегодня вечером, он ни разу не просил об этом. Если бы это был другой мужчина, я бы уважал такую сдержанность. Я бы даже назвал это мужеством. Но для Алексея, я знаю, это не что иное, как трусость.

— Ты сказал, что я старый и беззубый, — напоминаю я ему. — Ты не боялся меня, Алексей. Ты сказал, что я медведь без когтей. — Я наклоняюсь очень близко к его лицу, достаточно близко, чтобы почувствовать вонь его страха, пота и мочи, смешанную в едком запахе в сочетании с железным запахом крови. — Ты должен был знать лучше, — рычу я, прижимая лезвие ножа к его горлу. — За то, что ты сделал, этот медведь перегрызет тебе глотку.

А затем я отвожу нож в сторону, вспарывая ему горло от уха до уха.

Алексей вцепляется в веревки, когда я отступаю, наблюдая, как кровь начинает стекать

по его горлу, его глаза расширяются от ужаса, когда он чувствует, как она вытекает из него, его жизнь покидает его в потоке насыщенного красного, который стекает по нему, по груди и вниз по кастрированному телу, капая на сцену, когда он дергается и извивается, как будто он может освободиться.

Как будто что-то могло спасти его сейчас.

Я вижу осознание его грядущей смерти в его глазах, холодный ужас, когда они застилаются, и я наблюдаю за ним, пока не иссякнет вся его жизнь до последней капли.

— Избавься от тела, — говорю я Левину. — Пусть Макс и Лиам помогут тебе. Мне нужно привести себя в порядок, прежде чем я увижу своих детей.

Катерина подходит и встает рядом со мной, беря меня за руку. Она смотрит на меня, не дрогнув, и в этот момент я знаю, что люблю эту женщину, полностью, безраздельно, больше, чем я когда-либо любил кого-либо еще за все свои дни.

Она, без сомнения, моя вторая половина.

— Пойдем заберем наших дочерей, — тихо говорит она, и я киваю.

Рука об руку мы выходим из комнаты.

21

КАТЕРИНА

Пока Виктор смывает с себя кровь Алексея в ванной, я иду искать девочек вместе с Софией и Лукой. Я захожу внутрь и вижу Софию, спящую в одной кровати, Анику и Елену, свернувшихся калачиком на другой, и я смотрю на Луку.

— Это было долго, — тихо говорит он, его голос приглушен, чтобы не разбудить их. — Неужели все кончено?

Я киваю.

— Он мертв, — говорю я категорично. И затем, потому что я знаю, что Лука захочет знать: — Это было медленно.

— Хорошо. — Лука поворачивается, чтобы посмотреть на Софию. — Она не приходила в себя с тех пор, как потеряла сознание. Она... он... вообще причинил ей боль?

Я качаю головой.

— Не совсем. Он не был с ней нежен, точно. Но он не прикасался к ней вот так, и не бил ее. Я думаю, он не хотел, чтобы она случайно потеряла ребенка. Была пара, которая хотела ее, потому что у них не могло быть детей. Я думаю, он рассчитывал на это

Челюсть Луки сжимается.

— Они должны быть рады, ради них самих, что сбежали до того, как я смог до них добраться.

— С ней все будет в порядке, — успокаиваю я его. — Возможно, какое-то время она будет травмирована. Ей будут сниться кошмары, если судить по моему опыту. Но со временем все наладится.

— А ты? — Лука смотрит на меня с сочувствием. — Ты прошла через еще большее.

Я на мгновение замолкаю, обдумывая это. Есть вещи, которые произошли за последние недели, из-за которых кажется, что они длились месяцами: издевательства и насилие, вещи, которые я никогда бы не подумала, что смогу вынести или увидеть. Я убила человека, который поднял на меня руку, и сегодня вечером я наблюдала, как Виктор разрубил другого на куски, вымещая на нем свою месть и мою в дюймах.

— Я жива, — просто говорю я. — А он нет.

— Этого достаточно? — Спрашивает Лука очень тихо.

Я пожимаю плечами, глядя на него с мрачной полуулыбкой.

— Так и должно быть.

Дверь открывается, и входит Виктор, отмытый от крови Алексея настолько, насколько это возможно. В тот момент, когда он входит, закрывая за собой дверь, Аника начинает шевелиться, как будто знает, что он там. Он пересекает комнату в два шага, садясь на край кровати, в то время как Аника медленно садится, протирая глаза и вглядываясь в него в тусклом свете единственной лампы в комнате.

— Папа? — Говорит она тихим, неуверенным голосом, моргая на него.

Впервые с тех пор, как я его знаю, я вижу, как Виктор ломается. Он протягивает руку, прижимая ее к своей груди, когда его плечи начинают дрожать, прижимается губами к ее волосам и крепко зажмуривает глаза.

— Мне так жаль, детка, — бормочет он прерывающимся голосом, слезы застревают у него в горле. — Мне так жаль.

— Папа! — Елена сонно визжит, когда тоже просыпается, бросаясь к нему. Он протягивает широкую руку, притягивая ее тоже в свои объятия, и я чувствую, как слезы подступают к моим глазам, когда я смотрю, как Виктор обнимает своих дочерей так, как будто он никогда больше их не отпустит.

Он долго держит их так, обе девочки прижимаются к нему и плачут вместе. Наконец, Аника поднимает на него глаза, ее маленькая бровь нахмурена.

— Теперь мы идем домой, папа?

Виктор кивает, вытирая лицо тыльной стороной ладони.

— Да, малышка, — говорит он низким и хриплым от эмоций голосом. — Я собираюсь отвезти вас домой.

Затем он поднимает взгляд на меня и встречается со мной взглядом через всю комнату.

— Я собираюсь отвезти вас всех домой — говорит Виктор.

Мы садимся в самолет Луки обратно до Москвы, и вместо того, чтобы отправиться в квартиру, где мое последнее воспоминание о похищении, мы отправляемся в отель. Не тот, где я пыталась убежать от Виктора, но другой, не менее роскошный. Виктор просит смежные комнаты для девочек и нас. Саша предлагает остаться с ними в их комнате, чтобы они не были одни, и Виктор с благодарностью соглашается.

Аника и Елена невероятно устали. Даже выспавшись в самолете, они все равно отключаются, как только мы укладываем их в постель.

— Я еще немного посижу, — говорит Саша, как только мы целуем девочек на ночь. — На случай, если они проснутся, и ты им понадобишься. Я не так уж и устала.

По ее лицу и мешкам под глазами я знаю, что это неправда, но нетрудно догадаться, почему она, возможно, еще не хочет спать. Какое-то время нам всем будут сниться кошмары, я уверена в этом. Но теперь все кончено, и со временем они поблекнут.

— Спасибо, — говорю я Саше, и мы с Виктором еще раз целуем девочек в лоб, прежде чем удалиться через смежную дверь в нашу комнату.

Я поворачиваюсь к нему, как только закрывается дверь, открываю рот, чтобы что-то сказать ему, но он не дает мне шанса. Прежде чем я успеваю вздохнуть, руки Виктора оказываются на моей талии, притягивая меня к нему, одна рука поднимается, чтобы скользнуть в мои волосы, когда его рот обрушивается на мой, твердый, горячий и яростный.

Я должна оттолкнуть его. Я должна сказать ему, что не могу, что случившееся ничего не

изменило, что последняя ночь, которую мы провели вместе, все еще остается последним разом, когда я планировала лечь с ним в постель ради чего-то другого, кроме долга. Но он целует меня так, как будто я нужна ему больше, чем дыхание, теперь обе его руки в моих волосах, он сжимает мою голову в своих ладонях, в то время как его рот жадно пожирает мой.

Я никогда раньше не испытывала в нем такой потребности, даже в ту ночь, когда он боялся потерять Анику, даже в ту последнюю ночь. Он притягивает меня к себе, его язык погружается в мой рот, вдыхает меня, пробует меня на вкус, и я чувствую, как сильно он прижимается ко мне, как каждый дюйм его тела так отчаянно нуждается во мне, что я думаю, он может умереть, если я не сдамся.

Почему я так упорно сопротивляюсь этому? Разве я тоже этого не хочу?

Между нами не все улажено. Ничего не решено, но я помню, как он стоял в той комнате в горном шале с окровавленным ножом в руке, словно какой-то бог-мститель, забрызганный кровью Алексея, когда он резал этого человека на куски за меня. Он взял все, что Алексей сделал со мной, по доверенности и своими руками, и заставил его заплатить за это плотью. Он отомстил за меня, и я бы солгала, если бы сказала, что не наслаждалась каждой гребаной секундой, наблюдая, как он убивает ради меня.

Пытает за меня. Заставляет мужчину истекать кровью за меня.

Мой медведь. Мой муж.

Мой Виктор.

Я не могу сказать ему нет, да и не хочу. Я чувствую, как какая-то эмоция, которой я боюсь дать название, поднимается внутри меня, нагревая мою кровь, когда я выгибаюсь ему навстречу, и когда Виктор начинает немного отстраняться, приоткрывая рот, как будто чтобы что-то сказать, это мои руки зарываются в его волосы и притягивают его губы обратно к моим, мои ногти впиваются в его кожу головы, когда я крепко прижимаюсь к нему и пожираю его рот своим.

Виктор хватается за талию, приподнимая так, что мои ноги обвиваются вокруг его талии, и несет меня к кровати, пока я яростно целую его, позволяя желанию и похоти захлестнуть меня, необходимости помнить, что я жива. Алексей пытался лишиться меня всего, что делало меня собой, стереть самые глубокие части меня, разлучить нас с Виктором и превратить меня в оболочку того, кем я когда-то была. Он потерпел неудачу.

Виктор опрокидывает меня обратно на кровать, растягивается на мне, опускаясь вслед за мной, его грудь вздымается, когда он убирает волосы с моего лица.

— Ты хочешь этого? — спрашивает он, его голос глубокий и грубый от желания. — После того, что он с тобой сделал...

Я протягиваю руку, прижимая палец к его губам.

— Мне это нужно, — твердо говорю я ему. — Я хочу тебя, Виктор. — Я обвиваю руками его шею, притягивая его к себе. — Я хочу, чтобы ты все это стер, — шепчу я ему в губы. — Заставь меня забыть. Заставь меня забыть все.

И он это делает.

Виктор медленно раздевает меня, руки ласкают мое тело, как будто он разворачивает подарок, скользя по моей груди, талии и бедрам, пока он не обхватывает мои бедра, раздвигая мои ноги, когда он движется вниз по моему телу, его глаза горят и темнеют от вожделения, и он прижимается ртом ко мне, его язык скользит по моей горячей и жаждущей плоти.

Я вскрикиваю, когда он лижет меня, удовольствие разливается по моей коже, электрические искры танцуют по мне, когда он умело водит языком по моему клитору, облизывая и посасывая во всех местах, которые, как он знает, мне нравятся больше всего, жестко и быстро приближая меня к кульминации, зная, что это то, что мне нужно. Я позволяю себе кончить, зарывшись руками в его волосы, пока он всасывает мой клитор в рот, засовывая два пальца в мою влажную и ноющую киску, и толкает меня через край, напоминая мне, что такое удовольствие, на что похоже желание, на что это похоже, настолько сильно, что я бы сделала все, чтобы он был надо мной, вокруг меня, внутри меня.

— Виктор! — Я выкрикиваю его имя, когда кончаю, бедра сжимаются вокруг его лица, и он продолжает сосать, пока я терзаюсь об него, жестко кончая на его язык, моя спина выгибается, и я извиваюсь на кровати, наслаждаясь волной удовольствия так долго, как только могу.

В тот момент, когда я начинаю обмякать, он отстраняется, его глаза темные и дикие, он рывком расстегивает ширинку штанов, его толстый член высвобождается, когда он протягивает руку, чтобы вытащить его.

— Ты нужна мне сейчас, Катерина, — рычит он. — Любовь моя, ты нужна мне.

Я киваю, затаив дыхание, тяжело сглатываю, когда тянусь к нему, и он наклоняется надо мной, прижимая свою набухшую головку члена к моему входу и толкаясь в меня одним жестким, горячим движением, которое вызывает у меня еще один спазм удовольствия, мое тело плотно сжимается вокруг него, когда я выгибаюсь вверх, прижимаясь к нему каждым дюймом плоти, которым могу, цепляюсь за него, громко постанывая от экстаза.

Это так чертовски приятно, и в этот момент, думая обо всем, что произошло между тем, как Виктор привел меня в свой первый безопасный дом, и этим моментом, у меня возникает одна мысль, которая отчетливо звучит в моей голове, когда он начинает вонзаться длинными, мощными движениями, которые полностью овладевают мной с каждым толчком.

Мы были созданы друг для друга, он и я.

Нужна сильная женщина, чтобы встать на сторону Медведя. Женщина, которая может быть бесстрашной, которая может быть сильной, которая может смотреть на кровь, смерть и боль и не дрогнуть. Женщина, которая может править, как и он.

Я могла бы быть этой женщиной, если бы он позволил мне.

Виктор стонет надо мной, его рука обхватывает мое лицо, когда он крепко целует меня, тяжело дыша напротив моего рта.

— Катерина, — шепчет он, напрягаясь, его спина выгибается, когда он глубоко входит в меня и удерживает себя там. — Я не могу... блядь, мне нужно...

Его голос прерывается, когда я чувствую, как он вздрагивает, его член становится твердым, как железо, внутри меня, и я чувствую, как он начинает кончать, мое тело сжимается вокруг него в ответ. Он снова целует меня, горячо и яростно, входя в меня, содрогаясь от пульсации чистого удовольствия, его сперма заполняет меня горячим потоком, который посылает мне еще одну волну удовольствия, ощущение почти слишком сильное.

— Любовь моя, — шепчет он, прислоняясь ко мне, все еще содрогаясь от последних спазмов кульминации. — Катерина. Любимая.

Эти слова поражают меня, посылая поток эмоций через меня почти головокружительным порывом, и когда Виктор перекачивается на бок, я отстраняюсь, мое сердце бешено колотится.

— Катерина, нет. — Его руки сжимаются вокруг меня, притягивая ближе. — Не делай

этого, пожалуйста.

Я тяжело сглатываю, сдерживая слезы, которые подступают горячо и быстро, угрожая захлестнуть меня.

— Виктор, я...

— Нет. Позволь мне сказать. — Его руки крепко обнимают меня, и я хочу прислониться к ним, прижаться к его груди и позволить себе насладиться запахом его кожи и моей на простынях, теплом наших переплетенных тел.

Я не могу. Я поклялась, что не буду.

Виктор отпускает меня, принимает сидячее положение и натягивает простыню на ноги, позволяя ей обвиться вокруг бедер.

— Я хотел сказать тебе, Катерина, каждую секунду с тех пор, как мы покинули горы, какой смелой я тебя считаю. Какой сильной для того, чтобы защищать других так, как ты это делала, сражаться за них. Как я благодарен, что ты защитила Анику и Елену, чего бы тебе это ни стоило. — Его глаза встречаются с моими, удерживая мой взгляд, и я чувствую, что краснею под тяжестью этого.

Я хочу потянуться к нему, позволить ему обнять меня. Но если я это сделаю, не думаю, что когда-нибудь смогу снова отстраниться.

— Катерина. — Он тянется к моей руке, и я позволяю ему. У меня нет сил остановить его. Я едва могу контролировать эмоции, переполняющие меня сейчас. — Кэт, я люблю тебя.

Я вздрагиваю, чувствуя, как эти слова ударяют меня прямо в грудь, как нож в сердце. Боль расцветает во мне, боль, которую, как я думала, я больше не почувствую, после той нашей последней ссоры.

— Лучше бы ты этого не говорил, — шепчу я.

Виктор выглядит обиженным.

— Почему нет? Это правда.

— Я знаю. — Я тяжело сглатываю, убирая свою руку из его. — Вот почему. — Я смотрю на него, заставляя себя встретиться с ним взглядом. — Это делает все намного сложнее, зная это, когда у нас не может быть настоящего брака. Я смирилась с тем, что ты не можешь измениться, Виктор. Но тебе нужно смириться с тем, что я не могу жить с тем, кто ты есть, и с тем, что ты делаешь.

Виктор долгое время молчит, его взгляд опускается на кровать. Когда он снова поднимает его на меня, его лицо спокойно.

— Вот тут ты ошибаешься, Катерина, — мягко говорит он. — Потому что для меня сейчас все изменилось.

22

КАТЕРИНА

Я смотрю на него, потеряв дар речи, мое сердце бешено колотится в груди. Когда я наконец могу говорить, я поднимаю на него глаза, чувствуя, что у меня перехватывает дыхание.

— Что ты имеешь в виду? — Тихо спрашиваю я, и Виктор снова берет меня за руку. На этот раз я не убираю ее.

— Теперь я вижу вещи в другом свете, Катерина. — Виктор делает паузу, встречаясь со мной взглядом, и я вижу в них искренность, то, как сильно он пытается заставить меня поверить ему. — Я почти потерял тебя. Я чуть не потерял своих детей в результате того же

испытания, через которое я подверг сотни других женщин, и теперь я вижу это. Мне нужно было чуть не потерять любимую жену и детей, а также других женщин, которых я должен был защищать, чтобы понять, что ты все это время пыталась мне сказать. Но теперь я вижу это, и мне так жаль, Кэт. Прости, что я не понял раньше.

Он переводит дыхание, его руки сжимаются вокруг моих, когда он тянется за другой моей.

— Я всю свою жизнь повторял себе то, что говорили мои дед и отец, то, что я придумал в своей голове, чтобы оправдать это. Я не собираюсь повторять их тебе, ты слышала их все. Но я не лгу, когда говорю, что я боролся с этим в течение некоторого времени, Катерина. Я был просто упрям, слишком упрям, чтобы признать, что ты, возможно, права, признать, что вся моя жизнь была построена на чем-то, чему никогда не было оправдания, как бы я ни старался.

— Что ты пытаешься сказать? — Спрашиваю я его, чувствуя, как бешено бьется мой пульс, застрявший в горле. Я в ужасе от того, что доверяю тому, что он говорит, верю ему только для того, чтобы разочароваться. Мне нужно услышать это вслух, простыми словами, чтобы знать без тени сомнения.

— Я уйду из секс-торговли, Катерина, — прямо говорит он, и я прерывисто выдыхаю, мои плечи опускаются вперед.

— Виктор, я...

Он качает головой, продолжая говорить.

— Лука и я разрабатываем сделки, чтобы посмотреть, в какой бизнес мы могли бы инвестировать вместе вместо этого, возможно, даже привлечь к этому Лиаму. Наши три семьи, работающие вместе. Мы говорили об этом в самолете, пока ты и остальные спали. — Виктор делает паузу, медленно вдыхая. — Я никогда не стану законопослушным, Катерина, мне нужно, чтобы ты это поняла. Такие мужчины, как я, Лука, Лиам, мы не созданы для прямолинейной жизни. Мы всегда будем теми, кем в какой-то степени были рождены, боссами мафии, людьми, которых боятся другие, занимающимися незаконными делами и находящимися в тени. Но я больше не буду продавать женщин, я могу тебе это обещать. Возможно, в моем бизнесе все еще будет какой-то элемент секса, — продолжает он. — Это то, что я знаю, и есть другие вещи, в которые я могу инвестировать. Стрип-клубы, порно, всегда есть спрос на все, что связано с сексом. Но что бы я ни делал, вовлеченные женщины захотят быть там сами. Это будет по обоюдному согласию, и я позабочусь о том, чтобы никто из них никогда не подвергался принуждению.

Я долго смотрю на него, боясь поверить в то, что слышу. Я так боюсь доверять этому, но Виктор смотрит на меня своим глубоким, напряженным взглядом, удерживая мой таким образом, который говорит мне, что он имеет в виду все, что говорит, что это не обман и не ложь. Где-то между нашей ссорой и этим моментом он увидел то, что я все время пыталась ему сказать. Он прав, что ему стоило так много усилий понять, но сейчас он понимает. Я уверена в этом, глядя в его глаза, человека, которого я так хорошо узнала, как бы я ни боролась с этим. Я хочу его. Я хочу все, нас, наш брак. Я хочу все, что мы могли бы иметь вместе, и самая последняя причина, по которой мне приходилось бороться с этим, только что была стерта.

— Ты действительно это сделаешь? — Шепчу я. — В самом деле?

Виктор кивает, его пристальный взгляд не отрывается от моего.

— Я люблю тебя, Катерина, — бормочет он. — И не важно, что мне придется изменить,

чтобы быть с тобой, я изменю.

Затем он снова тянется ко мне, заключая в свои объятия, и на этот раз я делаю это добровольно.

— Я тоже тебя люблю, — шепчу я, когда его губы опускаются на мои, заявляя права на меня в обжигающем поцелуе, и он опрокидывает меня обратно на подушки, его руки блуждают по моему телу, и я чувствую, как он поднимается к моему бедру, горячий, твердый и жаждущий второго раунда.

— Я люблю тебя, — стонет он у моих губ. — Любовь моя. Жизнь моя. Моя жена Любимая.

— И я люблю тебя.

Я целую его в ответ, яростно и горячо, и шепчу это ему в губы снова и снова, пока он скользит в меня, заявляя права на меня как на свою.

Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя.

Я люблю тебя.

На следующее утро, в вестибюле отеля, наши пути расходятся. Лука и София возвращаются с Виктором, Максом, Левином и мной на Манхэттен, и мы стоим там с Лиамом и Сашей, обсуждая, что будет дальше.

— Я не забыл, о чем ты меня просил, — говорит Виктор Макс, бросая на него взгляд. — Я также не забуду, как ты стоял рядом со мной в том бою. Мы с Лукой коротко поговорили, но мы поговорим еще, как только будем на Манхэттене, и я сделаю все, что смогу. Ты можешь остаться в нашем доме с нами, пока все не уладится.

— Спасибо тебе, — искренне говорит Макс. — Это все, о чем я могу просить.

— Я возвращаюсь в Бостон, — говорит Лиам, глядя на Виктора. — Но как только я улажу там кое-какие дела, я собираюсь начать расследование того, что случилось с Анной. — Его взгляд скользит к Софии, которая снова бледнеет при упоминании своей подруги, ее губы плотно сжаты. — Я найду ее, — тихо говорит он. — Я обещаю. Чего бы это ни стоило.

— Я дам тебе доступ к файлам, которые у меня есть на моих старых клиентов, — говорит ему Виктор. — Приезжай на Манхэттен, как только сможешь. Если этот француз тот, кому я продавал в прошлом, мы его найдем.

Лиам кивает.

— Спасибо тебе. Я приеду, как только смогу.

Затем Виктор бросает взгляд на Сашу, которая нервно стоит в стороне, каждые несколько мгновений украдкой поглядывая на Макса.

— Я оказал тебе большую медвежью услугу, — тихо говорит он. — И я хочу искренне извиниться перед тобой, хотя я знаю, что это не может отменить всего, что ты выстрадала. Я хочу все исправить. Тебе нет необходимости возвращаться с нами в Нью-Йорк, если ты этого не хочешь. Я устрою тебя здесь, в Москве, если ты захочешь остаться, оплачу для тебя квартиру и покрою все, что тебе нужно. Если это институт, я заплачу и за него. Я знаю, что этого недостаточно, — говорит он, глядя ей прямо в глаза. — Но я хочу сделать все, что в моих силах.

Саша колеблется, и я вижу нерешительность на ее лице. Она смотрит в большое окно вестибюля отеля, за которым открывается вид на Москву, серое небо и улицы, вдалеке возвышаются разноцветные купола собора Василия Блаженного. На мгновение я вижу тоску

в ее глазах, желание остаться здесь, в месте, где она родилась, месте, из которого ее украли. А затем она оглядывается назад, на Макса, и я вижу что-то еще в ее глазах. То, что, я знаю, никогда, никогда не сработает. Не с ним.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, сказать ей, что она должна остаться, начать здесь новую жизнь. Но что-то в ее лице останавливает меня. Это должен быть ее выбор. Больше ничей. Даже если в конце концов это будет неправильное решение, даже если оно разобьет ей сердце, это будет ее выбор.

Макс оглядывается, как будто чувствуя на себе ее взгляд, и их взгляды на мгновение встречаются. Он почти сразу отводит взгляд, но я вижу, как решение отражается на лице Саши, и она делает глубокий вдох.

— Я вернусь на Манхэттен, — тихо говорит она. — Я хочу остаться с Аникой и Еленой. Я уверена, что Катерине иногда не помешала бы помощь. И я очень привязалась к ним. Я хотела бы быть им кем-то вроде няни. Если ты согласишься, — добавляет она, нервно глядя на нас с Виктором.

— Если это то, чего ты хочешь, — мягко говорю я, и Виктор кивает.

— Это твой выбор, — твердо говорит он, повторяя мысли в моей голове.

Саша смотрит на Макса, а затем снова на нас.

— Я возвращаюсь с тобой.

Мы с Виктором занимаем места в хвостовой части самолета, на небольшом расстоянии от остальных. Мы оба чувствуем необходимость побыть наедине, и он тянется к моей руке почти сразу, как мы садимся, его пальцы переплетаются с моими.

— Лука, Левин и я много говорили этим утром, — тихо говорит он. — Мы рассматриваем инвестиции в Манхэттен. Секс-клубы и подземелья, совсем не такие элегантные, как ты, возможно, надеялась, — говорит он со смехом. — Но это хорошая инвестиция, и я это знаю. И, кроме того...

Он делает паузу, и я вижу, как по его лицу пробегает тень нервозности, прежде чем он продолжает.

— У Левина есть контакт с синдикатом, на который он когда-то работал. Им нужен кто-то, кто готовил бы шпионов и убийц для их организации, и Левин был бы отличным выбором для этого, а также для того, чтобы помочь мне управлять ими.

Я моргаю, глядя на него, воспринимая все это. Это больше, чем он когда-либо рассказывал мне о чем-либо, связанном с его бизнесом, и я знаю, что он делает, пытается привлечь меня, сделать это равноправным партнерством, которого, как я теперь знаю, мы оба хотим. Я помню, как София рассказывала мне о вещах, о которых Лука говорит с ней, о том, как много у них общего, и я чувствую прилив тепла в груди, когда сжимаю руку Виктора.

— Убийцы и шпионы? — Я поднимаю бровь. — Мне было бы трудно в это поверить, если бы это был кто угодно, кроме тебя. Я никогда не слышала о таком. Но если это то, что ты хочешь сделать, я поддерживаю тебя.

— Этого достаточно? — Виктор смотрит на меня, и теперь я ясно вижу беспокойство в его глазах. — Это то, чего ты хочешь, Кэт?

Я киваю, удерживая его взгляд своим, когда наклоняюсь, чтобы нежно поцеловать его.

— Так и есть, — бормочу я. — И больше всего я хочу тебя.

— Я рад это слышать. — Затем он лезет в карман своей куртки, и я тихо ахаю, когда

вижу, что он достает.

Это черная бархатная коробочка, и я с трудом могу поверить в то, что вижу, когда он открывает ее. Внутри находится обручальное кольцо с кроваво-красным овальным рубином, обрамленным круглыми бриллиантами на ободке из желтого золота. Выглядит великолепно, как антиквариат, найденный в каком-нибудь древнем замке, и я смотрю на Виктора, когда он достает его из коробки и протягивает мне.

— Я увидел это, когда покупал наши обручальные кольца, — тихо говорит он. — Тогда я понятия не имел, во что превратится этот брак. Я бы никому не поверил, если бы мне сказали. Но я благодарен, что это произошло, Катерина. Я благодарен за все, что ты для меня сделала. Ты сделала меня лучшим человеком, не другим, просто лучше.

Он переводит дыхание, кольцо все еще парит над моей рукой.

— Я не могу полностью измениться, Кэт. Я все еще тот мужчина, за которого ты вышла замуж, Уссурийский медведь, мужчина, который может сделать то, что ты видела в той комнате в горах, и не дрогнуть. Но я клянусь тебе, я никогда больше не увезу женщину из ее дома и не поставлю ее в ситуацию, в которой у нее нет выбора. С этой частью моей жизни я покончил. Возможно, я все еще кровожадный мужчина, как и все мы. Но я стану лучше ради тебя. Ради наших дочерей. Ради нашей семьи.

Медленно он надевает кольцо мне на палец. Оно идеально подходит по размеру и переливается в солнечном свете, проникающем через иллюминатор самолета, и блестит, как кровь на моей протянутой руке. Кровь и свет, отражающиеся на моей коже.

— Катерина, ты станешь моей женой, пл-настоящему?

Я смотрю на него, этого мужчину, которого я люблю, моего Виктора, и я киваю. Никогда не будет никакого ответа, кроме того, который я произношу вслух, дыхание на его губах, когда он наклоняется, чтобы поцеловать меня.

— Да.

Когда он, наконец, отстраняется, я держусь за его руку, мое сердце снова сильно бьется в груди.

— У меня тоже есть кое-что для тебя, — тихо говорю я и опускаю его руку к своему животу, прижимая ее к моему все еще плоскому животу.

Виктор изумленно смотрит на меня.

— Катерина...

— Я сделала тест этим утром, пока ты был внизу. Не знаю почему, отсутствие месячных могло быть следствием стресса. Я думала, что это так. Но у меня просто было предчувствие, и Саша вышла, чтобы купить мне один. — Я смотрю на него, мои глаза сияют. — Я пересчитала назад, и я уверена в сроках. Это совпадает с тем, как меня похитили в Москве. Наш ребенок... Я с трудом сглатываю, смаргивая слезы. — Наш ребенок пережил все, Виктор. Это мальчик, я уверена в этом. Наследник для твоих новых начинаний, именно такой, как ты хотел.

— Катерина. — Он выдыхает мое имя, его руки прижимаются к моему лицу, когда он приближает мой рот к своему, страстно целуя меня. — Мне все равно, мальчик это или девочка, — шепчет он мне в губы. — Все, что меня волнует, это то, что у нас будет общий ребенок, новый член нашей семьи. Это все, что имеет для меня значение.

Я чувствую, как слезы наворачиваются на глаза, когда он снова целует меня, прижимаясь своим лбом к моему. Мы долго целуемся так, сцепив руки, ощущая тепло кольца на моей коже, когда мы вдыхаем друг друга.

Когда мы наконец расстаемся, я откидываюсь на спинку сиденья, все еще держа Виктора за руку, и смотрю в окно. Впереди нас ждут перемены, новая жизнь и новые вызовы. Но все, что меня волнует в этот момент, это то, что мы направляемся домой.

Домой, в Нью-Йорк, и наше новое будущее.

— Я люблю тебя, — шепчу я, глядя на Виктора, и он улыбается мне сверху вниз, его лицо сияет всей любовью, которую он испытывает ко мне в ответ.

— Я тоже тебя люблю, — бормочет он, поднося мою руку к своим губам и целуя ее, чуть выше кольца на моем левом пальце. — Моя Катерина. Моя любимая невеста.

Перевод осуществлён TG каналом [themeofbooks](#)

Переводчик [_Sinelnikova](#)

КОНЕЦ

